

ISSN 2542-2375

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2022
№ 2(22)

HISTORY OF EVERYDAY LIFE

SCIENTIFIC JOURNAL

No. 2(22)
2022

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
**ИСТОРИЯ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ**

2022
№ 2
(22)

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере связи и массовых
коммуникаций
4 марта 2016 г.

Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-68612

Журнал издается
с 2016 года
Периодичность 4 раза в год

Учредитель, издатель: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

Редакционная коллегия:

А. В. Белова, доктор исторических наук, доцент, Россия
В. А. Веремченко, доктор исторических наук, профессор, Россия (главный редактор)
О. Р. Демидова, доктор философских наук, профессор, Россия
А. Дудек, доктор философии (PhD), Республика Польша
Л. П. Заболотная, доктор исторических наук, доцент, Республика Молдова
С. И. Ковальская, доктор исторических наук, профессор, Республика Казахстан
В. О. Левашко, кандидат исторических наук, доцент, Россия (зам. главного редактора)
С. В. Любичанковский, доктор исторических наук, профессор, Россия
К. Мацузато, доктор юриспруденции (PhD), Япония
Н. Л. Пушкарева, доктор исторических наук, профессор, Россия
Д. Рансел, доктор истории (PhD), США
М. А. Текуева, доктор исторических наук, Россия
Л. Цзюань, доктор филологии (PhD), Китай
Т. К. Щеглова, доктор исторических наук, профессор, Россия

Рукописи статей в обязательном порядке оформляются в соответствии с требованиями для авторов, установленными редакцией.

Редакция не вступает в переписку с авторами статей, получившими мотивированный отказ в опубликовании.

Статьи, оформленные не по правилам, редакцией не рассматриваются

Адрес учредителя:
196605, Россия,
Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 466-65-58
<http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Адрес издателя:
196605, Россия,
Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 466-65-58
<http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Адрес редакции:
196605, Россия,
Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, д. 10.
Tel. +7(812) 451-98-83
<http://lengu.ru/>
e-mail: v.veremenko@lengu.ru

SCIENTIFIC JOURNAL
**HISTORY OF
EVERYDAY LIFE**

2022
№ 2
(22)

The journal is registered by
The Federal Service for
Supervision of Communications, Information
Technology, and Mass Media
March 04, 2016

The certificate
of the mass media registration
ПИ № ФС77-68612

The journal is issued
since 2016
Quarterly, 4 issues per year

Founder, publisher: Pushkin Leningrad State University

Editorial Board:

A. V. Belova, Doctor of History, Associate Professor, Russia
V. A. Veremenko, Doctor of History, Full Professor, Russia (chief editor)
O. R. Demidova, Doctor of Philosophy, Full Professor, Russia
A. Dudek, Doctor of Philosophy (PhD), Republic of Poland
L. P. Zabolotnaya, Doctor of History, Associate Professor, Republic of Moldova
S. I. Kovalskaia, Doctor of History, Full Professor, Republic of Kazakhstan
V. O. Levashko, Candidate of History, Associate Professor, Russia (deputy editor)
S. V. Liubichankovskiy, Doctor of History, Full Professor, Russia
K. Matsuzato, Doctor of Law (PhD), Professor, Japan
N. L. Pushkareva, Doctor of History, Full Professor, Russia
D. Ransel, Doctor of History (PhD), Professor, USA
M. A. Tekueva, Doctor of History, Russia
L. Juan, Doctor of Philology (PhD), China
T. Shcheglova, Doctor of History, Full Professor, Russia

The papers assigned for publication are to be prepared in accordance with the requirements for authors established by editorial board.

The editors do not enter into correspondence with the authors of papers fairly rejected. Papers which do not follow the rules are rejected by the editorial board

Founder's address:
196605, Russia,
St. Petersburg, Pushkin,
Peterburgskoe shosse, 10.
Tel. +7(812) 466-65-58
<http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Publisher's address:
196605, Russia,
St. Petersburg, Pushkin,
Peterburgskoe shosse, 10.
Tel. +7(812) 466-65-58
<http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Editorial board's address:
196605, Russia,
St. Petersburg, Pushkin,
Peterburgskoe shosse, 10.
Tel. +7(812) 451-98-83
<http://lengu.ru/>
e-mail: v.veremenko@lengu.ru

Содержание

К юбилею Александра Ивановича Репинецкого	8
---	---

ГЕНДЕРНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Н.Л. Пушкарева

«Работать больше других»: повседневность российских научных работниц и мотивация отрицания успеха	10
---	----

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ДЕТСТВА

Е.В. Бурлуцкая

«По предметам и картинкам...» Учебник А.И. Тарнавского как источник по истории детской домашней повседневности в Оренбурге пореформенной эпохи	21
--	----

С.В. Степанов

История детского лечения и отдыха в Санкт-Петербургской губернии в начале XX в. Царскосельская санатория для детей	34
--	----

С.В. Любичанковский

«Все мы родом из детства...»: отражение детских лет в личном дневнике почетного гражданина Оренбурга Л.Н. Большакова.....	43
---	----

ЭКСТРЕМАЛЬНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Р.Р. Магомедов

Повседневность военного плена солдат и офицеров Германии и Австро-Венгрии на территории Оренбургской губернии в годы Первой мировой войны	54
---	----

Г.Г. Циденков

Рабочая повседневность доставки шведских гуманитарных грузов в голодающие районы Самарской губернии в 1921–1922 гг.....	68
---	----

ТРУДОВАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Е.С. Кравцова

Организация работы Курского медицинского института в довоенный период.....	77
--	----

Д.А. Астафьев, Е.В. Годовова

Страницы повседневной жизни школьного учителя постсоветской России (по материалам «Учительской газеты» 1995–1998 гг.)	86
---	----

ДОСУГОВАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Н.Л. Семенова

Формы досуговой повседневности жителей Оренбурга в первой половине XIX в.	98
---	----

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

А.Д. Попова

Реконструкция образа советской повседневности в современной музейной экспозиции	110
--	-----

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

Е.В. Годовова, П.С. Кабытов

Повседневная жизнь населения «временной второй столицы» в годы Великой Отечественной войны (по материалам монографии А.И. Репинецкого «Военная столица СССР. 1941–1943 гг.: очерки истории города Куйбышева в годы Великой Отечественной войны». Самара: Научно-технический центр, 2021. 270 с.).....	127
Сведения об авторах	132

Contents

To the anniversary of Aleksander Ivanovich Repinetsky8

GENDER EVERYDAY LIFE

Natal'ya L. Pushkareva

"To work more than others": everyday life of Russian female scientists and motivation for denying success..... 10

EVERYDAY LIFE OF CHILDHOOD

Elena V. Burlutskaya

«By objects and pictures...» Tutorial by A.I. Tarnavsky as a source on the history of children's daily life in Orenburg of the post-reform era21

Stanislav V. Stepanov

The history of children's treatment and recreation in the St. Petersburg province at the beginning of the 20th century.
Tsarskoye Selo sanatorium for children34

Sergei V. Lyubichankovskiy

"We all come from childhood...": reflection of childhood in the personal diary of the honorary citizen of Orenburg L.N. Bolshakov.....43

EXTREME EVERYDAY LIFE

Ramazan R. Magomedov

The daily routine of military captivity of soldiers and officers of Germany and Austria-Hungary on the territory of the Orenburg province during the First World War54

Grigorii G. Tsidenkov

Working everyday routine of the delivery of Swedish humanitarian cargo to the starving regions of the Samara province in 1921–192268

EVERYDAY WORK

Elena S. Kravtsova

Organization of work of Kursk Medical Institute in the pre-war period77

Dmitrii A. Astaf'ev, Elena V. Godovova

Pages of the everyday life of a school teacher in post-Soviet Russia on the "Teacher's newspaper" materials of 1995–1998.....86

LEISURE EVERYDAY LIFE

Nataliya L. Semenova

Forms of leisure everyday life of the inhabitants of Orenburg
in the first half of the 19th century98

HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES

Anna D. Popova

Reconstruction of the image of Soviet everyday life
in a modern museum exposition..... 110

REVIEWS, REVIEWS

Elena V. Godovova, Petr S. Kabytov

Everyday life of population of the "temporary second capital" during
the Great Patriotic War (based on the monograph by A.I. Repinetsky
"The Military Capital of the USSR. 1941–1943: Essays on the History
of the City of Kuibyshev during the Great Patriotic War".
Samara: Scientific and Technical Center, 2021. 270 p.) 127

About Authors 134

К юбилею Александра Ивановича Репинецкого

Уважаемый читатель!

Этот номер посвящен юбилею Александра Ивановича Репинецкого (р. 14 октября 1952 г.) – ученого с мировой известностью, труды которого по истории советской повседневности, исторической демографии, Великой Отечественной войны, раннего и позднего советского прошлого вошли в золотой фонд российской историографии. Являясь проректором по научной работе Самарского государственного социально-педагогического университета, пройдя в этом вузе путь от ассистента до председателя диссертационного совета, имея огромный опыт работы с учащейся мо-

лодежью, Александр Иванович снискал себе заслуженный авторитет как выдающийся Учитель, направивший к свету науки многие и многие поколения учителей истории, архивистов, ученых. Среди этих учеников, а также друзей и близких по духу коллег Александра Ивановича и авторы статей.

Открывает номер статья, имеющая несомненное методологическое значение, принадлежащая перу заслуженного деятеля науки России Н.Л. Пушкаревой. Она посвящена теме, которая до сих пор являлась «белым пятном» в нашей историографии, – повседневности российских научных работниц. Основанная на актуальном источниковом материале, она несомненно будет интересна Александру Ивановичу и как практическому организатору науки в своем вузе.

Эту статью продолжают три исследования о повседневности детства: дореволюционного (Е.В. Бурлуцкая и С.В. Степанов) и советского довоенного (С.В. Любичанковский). Каждая из статей основана на уникальных источниках и на авторском взгляде. Такое же отношение было характерно для исследований А.И. Репинецкого, которые написаны в ключе принципиального уважения к источнику.

Повседневность в условиях устойчивого форс-мажора – такова проблематика статей Р.Р. Магомедова, обратившего свое исследовательское внимание на жизнь военнопленных в российской глубинке периода Первой мировой войны. Для научного творчества А.И. Репинецкого также свойственно внимание к повседневной жизни заключенных и ограниченных в правах лиц, и в выводах Р.Р. Магомедова звучит немало перекличек с выводами нашего юбиляра.

Экстремальной стороне трудовой повседневности посвящена яркая статья Г.Г. Циденкова о практике доставки шведских гуманитарных грузов в голодающие районы Самарской губернии в 1921–1922 гг. В данном исследовании апробируются результаты докторской диссертации, которая в настоящее время готовится при научном консультировании Александра Ивановича.

Понятие «условия повседневности» раскрываются статьями Е.С. Кравцовой, а также Д.М. Астафьева и Е.В. Годовой о самоотверженной работе учителей и преподавателей в крайне сложных внешних обстоятельствах. Безусловно, что эти исследования затрагивают практические интересы А.И. Репинецкого как крупного организатора науки и учебного процесса. А те экстремальные черты, которые зачастую приобретала повседневность педагога после распада СССР, прошли и по биографии самого Александра Ивановича и его семьи.

Тема досуговой повседневности раскрыта в оригинальной статье Н.Л. Семеновой, посвященной жителям Оренбурга первой половины XIX в. В ней анализируется место музея и театра в структуре досуга военизированного населения провинциального города-крепости. Соединение методов истории повседневности с историко-демографическим анализом является одной из характерных черт творчества А.И. Репинецкого. В исследовании Н.Л. Семеновой эта методология применяется на высоком уровне.

Возможности изучения советской повседневности с помощью музейной экспозиции показывает А.Д. Попова. Необходимость расширения источниковой базы истории повседневности за счет привлечения вещественных источников многократно подчеркивалась и в работах юбиляра.

Наконец, закрывает юбилейный номер рецензия на одну из «повседневноведческих» монографий А.И. Репинецкого – о жизни населения Куйбышева в годы Великой Отечественной войны. Ценные наблюдения о достоинствах этой книги высказал заслуженный деятель науки России, профессор П.С. Кабытов и его соавтор, профессор Е.В. Годова.

Таким образом, все статьи номера, отличаясь новаторским подходом и оригинальностью мысли, объединены жизненным и творческим путем Александра Ивановича Репинецкого, чей красивый юбилей стал поводом еще раз посмотреть на развитие истории повседневности в современной отечественной историографии.

Главный редактор, Веремenco В. А.

ГЕНДЕРНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

УДК 94(47):394-055.2-057.4

ГРНТИ 03.23.55: История России Новейшего времени

03.61.21: Историческая антропология

DOI 10.35231/25422375_2022_2_10

Н.Л. Пушкарева

«Работать больше других»: повседневность российских научных работниц и мотивация отрицания успеха*

В статье на основе анализа опубликованных в СМИ и в сети Интернет неструктурированных биографических интервью с женщинами-учеными и устной истории академического сообщества (полевых материалов автора) сделана попытка представить одну из характерных черт академической повседневности женщин-ученых – готовность работать больше, чем мужчины, чтобы добиться желаемых профессиональных результатов. Определены причины этой неявной гендерной дискриминации: существование воспроизводимых из поколения в поколение гендерных стереотипов, которые мешают равной оценке достижений женщин и мужчин в науке, наличие социальных ожиданий, связанных с женщинами как с потенциальными матерями, которые не смогут уделять достаточное внимание профессиональным делам, поскольку это повлечет за собой сокращение времени на семейные обязательства.

Перечислены причины современной мотивации к непротивлению скромным зарплатам: страх успеха, опасение насмешек в слишком большой научной увлеченности, боязнь показаться неженственной и действовать по мужскому жизненному сценарию (в котором семья на втором месте после профессионального успеха).

Ключевые слова: повседневность академического сообщества, гендер, советская наука, гендерные дискриминации, гендерные стереотипы.

Natal'ya L. Pushkareva

"To work more than others": everyday life of Russian female scientists and motivation for denying success

Based on the analysis of unstructured biographical interviews with women scientists published in media and on the Internet and the oral history of the academic community (author's field materials), the article attempts to present one of the characteristic features of the academic everyday life of women scientists – the willingness to work harder than men in order to achieve the desired professional results. The reasons for this implicit gender discrimination are determined: the existence of gender stereotypes reproduced

© Пушкарева Н.Л., 2022

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 22-28-01428 «Женская история как основа российского социального оптимизма».

from generation to generation, which hinder equally the assessment of the achievements of women in science, the presence of social expectations associated with women as potential mothers who will not be able to pay sufficient attention to the professional, as this will entail reducing time for family obligations.

The reasons for modern motivation to non-resistance to modest salaries are listed: fear of success, fear of ridicule in too much scientific enthusiasm, fear of seeming unfeminine and acting according to a male life scenario (in which family is on the second place after professional success).

Key words: everyday life of the academic community, gender, Soviet science, gender discrimination, gender stereotypes.

Введение

Исследователи образа жизни представительниц академического сообщества давно пришли к выводу о том, что у женщин вне зависимости от формы их профессиональной занятости (и даже при отсутствии таковой) отдых дефицитен в связи с двойной нагрузкой на работе и дома и меньшим временем на досуг [1, с. 197]. Особенно сложным предстает соотношение «работа – отдых» при анализе биографических нарративов женщин-ученых, какой бы исторический период ни брался для исследования, поскольку именно на женщинах в любой стране и практически во все времена помимо профессиональной занятости лежат обязательства по бытовому обеспечению детей, мужа, родственников [2, с. 98–105]. Специалисту по истории повседневности важно в этом контексте задаться вопросом о том, насколько связаны бытовая загруженность, как особенность домашней повседневности женщин даже такой привилегированной социальной категории, как научные работницы, с низкой мотивацией женщин к карьерному росту вообще и в науке в частности. Рабочей гипотезой при этом может выступать предположение о том, что наука столетиями считалась областью мужской профессиональной самореализации и потому от женщин не ожидалось высоких результатов и, напротив, социальные ожидания действовали демотивирующе, настраивая женщин на домашнюю, семейную сферу.

Материалы и методы

Качественная социология, основанная на развернутых неструктурированных биографических рассказах, усиленная применением излюбленных приемов гендерной антропологии (инсайдинга и эмпатии при реализации контент-анализа секвенций этих рассказов), помогает составить мозаичную картину из ответов женщин-ученых различных научных специальностей, главным образом, гуманитарного профиля.

Результаты

В первую очередь из более чем двух десятков рассказов бросается в глаза частая упоминаемость отсутствия потребности в достижении высоких научных рубежей в силу гендерных стереотипов воспитания – отсутствия нацеленности на борьбу за высокооплачиваемую научную должность.

«Я с большим трудом продвигалась на должность зав. кафедрой, мне очень трудно было. Мне кажется, что женщине нужно просто огромное усилие приложить, самой что-то организовать новое, иначе никуда не пропустят, до определенного уровня это возможно, но дальше – всё. Со мной даже такой случай был... Освободилась должность декана факультета, из 2-х претендентов: меня и моего коллеги-мужчины с одинаковым стажем и опытом работы выбрали моего коллегу. Я не стала доискиваться до принципов отбора, мне-то было всё понятно. Я не говорю, что он был менее достоин, но просто даже в другой ситуации всё равно выбрали бы его» [3].

Возможно, именно страхом попытаться получить пост и в конкурентной борьбе проиграть, потерпеть фиаско часто объясняется активное нежелание женщин добиваться того, чего они достойны. Этот страх часто камуфлируется в биографических рассказах в «принципиальный отказ от администрирования во имя Высокой Науки».

«Я всегда старалась делать то, что было интересно мне и приносило пользу окружающим, попутно я всячески пыталась уклоняться от руководящих постов, хотя в итоге прошла все ступени научной лестницы – от аспиранта до директора академического института...» [4].

Как и другим членам научного сообщества, научным сотрудницам (успешным в особенности) необходимо научное признание в любых формах; но в советской и постсоветской науке, как и в странах ЕС и Америки [5], признания в виде материального поощрения женщинам надо ждать не годами – десятилетиями.

На втором месте по распространенности мотивации к тихому прозябанию на невысоких научных должностях остается страх успеха, вызывающего зависть и агрессивную реакцию и женщин, и мужчин, страх лидерства за отсутствием примера, страх пробелов в образовании, в которых могут упрекнуть и подвергнуть насмешкам, низкая самооценка в силу исполнительской психологии как следствия семейного воспитания. Как результат: карьера занимает лишь пятую позицию в шкале представлений россиянок о счастье, лишь 11,9 % женщин хотели бы занимать руководящую должность, тогда как 70 % – категорически против [6, с. 139]. Производственная повседневность женщин-ученых должна отличаться в 2,5 раза большей мотивированностью на успех, публикационную активность и признание коллег – доказал проект шведских коллег. Получение больших научных грантов даже в ЕС определяется высокой цитируемостью ученого, имеющей при всех отрицающих это заявлениях прямую корреляцию с гендером, количеством публикаций в престижных журналах и наличие связей в экспертном (отборочном) совете [7, с. 341]. (Это сейчас, когда финансирование зависит от фондов.) А ранее благосклонность руководства в отношении продвижения женщины в ее научной карьере была не менее, если не более определяющей. Это

подтвердили воспоминания киевского генетика, директора Института молекулярной биологии НАН Украины, Ганы Ельской о том, как ее пригласили из Страсбурга, обещав оплатить проезд и проживание там, а руководство ее института поездку запретило.

«Відомий французький академік Жан-Поль Ебель був у Києві, йому сподобалися мої роботи, і він запросив мене до Франції. Уявляєте, як я мріяла про цю роботу, в одному з кращих центрів Європи? Дуже довго я намагалася поїхати, але зрештою мене так і не пустили, сказали в нашій академії: «Немає квоти». Пригадую, як я зі сльозами прийшла, а мені: «Ганно, ви жінка. Вас ніколи не випустять» [8].

Особенностью женской научной повседневности, как уже было доказано недавней дискуссией в журнале «Этнографическое обозрение», была и остается неразделенность работы и отдыха. Потому отвечавшие на вопрос об особенностях женской научной повседневности обычно подчеркивали, что либо женщиной в науке должен руководить по-хорошему сильный «научный фанатизм», вера в то, что она занимается «единственно нужным и важным делом» [9, с. 7], либо она должна действовать по-мужски, быть похожей в своем стиле жизни и работы на мужчину [10] – это залог успеха.

Такие женщины в современной российской науке есть. Многие из них уже в советские времена имели все формальные атрибуты научной карьеры (степень, звание, должность) [11, с. 66]. Но тут вступал в действие «эффект Матфея», сформулированный Р. Мертоном: «Имеющему – дастся и приумножится, а у не имеющего – еще и отнимется». Сформулированный в Евангелии от Матфея, он действует в науке как эффект накапливаемого преимущества [12, с. 256] теми женщинами, кто готов поставить семью на второй план, кто осмысленно приспособился к мужским правилам игры.

«Лучше всего вообще не говорить о семье, делать вид, что ее не существует, и работать больше других, чтобы не давать повода для критики. Что значит стараться отсутствовать еще меньше, чем коллеги, потому что самый большой грех – заболевшие дети» [13].

При этом преданность самой науке как таковой (а не желание получить бонусы от занятий научной деятельностью) очень часто выступает как дополнительная мотивация к отказу от формальностей признания своего вклада. Вот текст воспоминаний, прямо указывающий это:

«Наука – это страстное занятие. Если вы чем-то увлечены, – это замечательно. Если же вы расписали заранее, что из того-то должна получиться диссертация, а из этого монография, то это скучно и никому не нужно» [14].

«Женщины больше вложили в науку, чем наши мужчины могли бы подумать!» – в шутливых стихах, размещенных в блоге, автор – назвавшаяся девушкой без комплексов (Ирина) – размышляла о том, почему современные женщины-ученые остаются в науке, даже (и хотя бы) на второстепенных, обслуживающих ролях, и не стремятся заполучить то, чего они достойны [15].

Могла бы сразить вас внушительным списком прославивших женщину женских учёных;

Они были в юбках и были в погонах, но делали дело без лишнего писка!

Ведь что характерно для женщины? Скромность! Сидел бы мужчина без женщины в луже,

Но мысли, внедрённые женщиной в мужа, в науке вводили его в неуёмность.

Прошу оппонента: не будьте пижоном – пусть имя мужское у многих открытий,

Какие открытия Вы не возьмите, у ног их стояли пытливые жёны!
Жена нащечечет герою дивана, а дальше процессом командует «случай».

Мужчина открытие нагло озвучит, и славу пригубит один из стакана...

Не с целью мужчину за пояс засунуть скажу, положив на алтарь свою руку,

Что женщины больше вложили в науку, чем наши мужчины могли бы подумать!

Поддерживая ее, посетители ее странички (более 300), в том числе немалое число мужчин, подтвердили наличие несправедливости в отношении женщин, которых непонятно что удерживает в этой области применения их интеллекта. Обсуждение, быстро очутившееся на грани фола в силу тезауруса стихов и многозначности глагола «вложить» («Излишен спор, кто больше или меньше, пока мужчины вкладывают в женщин!» – «Как будто, Павел, правды вы не знаете, что, чуть вложив, поспешно вынимаете?») [16], подтвердило изначальный *message* автора: дискриминация очевидна, но есть «что-то», что мотивирует женщин-ученых [17, с. 261–274].

«Поездив по разным странам, побывав в США, поработав в Европе, могу сказать, что нигде мне так хорошо не работалось, как в родном Петербурге, несмотря на отсутствие денег. Научный энтузиазм, компетентность – этого у нас пока не смогли отнять» [18]; «Научная работа представляла собой замечательную синектуру – выделенную зону относительного свободомыслия» [19, с. 7].

Таким образом, глубокий интерес к исследовательской работе и интеллектуальной независимости – сильнейшая мотивация к профессиональной самореализации, под которую женщины-ученые согласны подстраивать всю жизнь, все свои обыденные практики.

Демотивирующими в этом контексте являются, как ни странно, обычные учебники, в которых женщины-ученые практически не представлены. Ни одной *русской* ученой женщины, чье бы имя прославило мировую науку, кроме Софии Ковалевской, ни один гуманитарий назвать не может. Если же женщины и девушки появляются на страницах учебников, то в наиболее традиционных ролях и сферах деятельности. Учебная литература пишется мужчинами и для мужчин [20, с. 231–238], наука создавалась мужчинами, и в ней нашли отражение мужские нормы и мужская система ценностей [21, с. 229]. И потому женщинам, чтобы успешно конкурировать в науке, нужно использовать мужскую систему ценностей. Женщины, защитившие вторую диссертацию, ставшие профессорами, отличаются от контрольной группы женщин по тем самым параметрам, по которым они сближаются с преуспевающими университетскими учеными-мужчинами [22, с. 551–569]. Однако женщины, стремящиеся добиться успеха в науке, сталкиваются с серьезными проблемами: их стремление к достижениям, поглощенность исследовательской работой часто расценивают как утрату женственности или как способ компенсировать неудачи в личной жизни; женщинам труднее вписаться в научное общество [23, с. 242–249]. Их заявки на сложную современную аппаратуру удовлетворяют не в первую очередь, их публикации о новейших методах и приемах исследования редки (таковые чаще принадлежат перу мужчин).

Однако в биографических интервью встречается очень важное для психологической устойчивости слово *зато* («зато у меня есть что-то помимо науки»). Это восполненность, замещение признания научных достижений, получения должностей, званий чем-то помимо них – важная составляющая женской повседневности и признания о том, что на жизненном пути были не только форумы, конференции, опыты и публикации, но и обретение любви, семьи, детей и внуков – важная отличительная черта рассматриваемого вида источников по истории частной жизни. Плюс важное признание о значимости научной школы, которая также рассматривается как часть большой семьи.

«Разве я не вырастила целую плеяду хороших ученых, которые могут двигать сегодня вперед нашу науку?» [24, с. 427]

Анализ результатов интервью позволил сделать вывод, что противодействие научному росту женщин начинается с определенного уровня, когда они хотят стать докторами наук или претендуют на позиции заведующих лабораториями или выше. Самым же безнадежным положением оказывается, если женщина пытается получить звание члена-

корреспондента РАН. Среди участниц интервью было несколько человек, которые предпринимали такую попытку, но она оказалась настолько безуспешной, что больше ее решили не повторять [25].

Профессиональная обыденность современных женщин-ученых, когда занятия научной работой и борьба за получение наград, премий, званий за нее и грантов на нее, по сути, разделились в разные сферы деятельности, сделала для женщин возможным обосновывать свое *нестремление* получить по заслугам *неумением* бороться за признание. Так, потенциально нобелевская лауреатка (которой не хватило именно лоббирования ее интересов со стороны научных менеджеров из РФ) Лидия Галль, заведующая лабораторией в Институте аналитического приборостроения РАН в Санкт-Петербурге (а могла бы стать первой женщиной из России, получившей Нобелевскую премию), в свое «оправдание» сказала:

«Мне обидно... Я знаю, что наша работа сделана очень хорошо [а информация о придуманном ею методе была опубликована на 5 месяцев раньше, чем данные американского ученого, ставшего нобелевским лауреатом, более того, именно сама ученая и обратила внимание американского коллеги на сделанное ею. – Авт.] и лежит «в нобелевском измерении». Получение премии – это совсем другая деятельность. Мы ею не занимались и потому эту премию не получили. А Фенн занимался. Всё по заслугам. А мне и так хорошо» [26, с. 21].

Итоги размышлений над текстами женщин-ученых, рассказавших о своей научной повседневности, уже были обобщены в ходе дискуссии определением женского стиля существования в сфере науки, к которому они приспособляли свою жизнь. Культуру научной работы в советской и постсоветской России отличала скорее стабильность и относительная автономия от бурных событий политической истории (оттепель, стагнация, перестройка и т. д.), а вовсе не изменчивость, как это характерно, кстати, для всей городской культуры в России в целом [27]. Исследуя черточки профессионального пути и случайные обмолвки в воспоминаниях научных работниц всех специальностей, можно видеть, насколько отдых был «вплетен» в труд. Незначительно изменился лишь бюджет домашнего времени за счет придания большей значимости времени на воспитание детей и поддержание хороших отношений в семье, менее типичным стало и пренебрежение бытовыми неудобствами.

Остается столько же типичным, сколько и в предшествующие десятилетия [28, с. 161–173], отсутствие нацеленности на борьбу за высокооплачиваемую научную должность, за должностной пост и боязнь в конкурентной борьбе проиграть, а также страх вызвать зависть и агрессивную реакцию коллег (мужчин, женщин). Демотивирующим фактором является и непрямая связь между научным признанием и материальным

поощрением высоких достижений. В известной степени свою роль играет и избегание лидерства за отсутствием примера (малой популяризации судеб успешных женщин-ученых). Бесспорно остается низкой самооценка множества научных работниц в силу и как следствие семейного воспитания готовых на всю жизнь смириться с исполнительскими функциями в науке и отвержением попыток построить творческую научную карьеру. Тех же, кто осмысленно приспособился к мужским правилам игры, могут упрекнуть в неженственности [29, с. 429–449], а преданность самой науке как таковой считать странностью и неумением бороться за признание.

Список литературы

1. Goldman W. Les femmes dans la société soviétique // *Le Siècle des communismes*, Michel Dreyfus et al. (eds.). – Paris: Éditions de l'Atelier, 2000. – P. 187–197.
2. Пушкарева Н.Л. Труд и отдых женщин-ученых в советской и постсоветской России в оценках их самих // *Этнографическое обозрение*. – 2021. – N 3. – С. 98–105.
3. Гендерные аспекты воспроизводства научно-педагогических кадров высшей школы в регионе» (Минобр РФ). Подпрограмма: «Научно-организационные основы реализации региональной научно-технической политики высшей школы». Раздел: Гендерные исследования. Научный руководитель – д-р ист. наук, профессор Саралиева З.Х. Проведен опрос 157 преподавателей – кандидатов наук 9 вузов в европейской части России в 2001–2002 гг.
4. Воспоминания Т.К. Константиновой – заслуженного деятеля науки, доктора habilitation в области географии, Директора Института экологии и географии, профессора МГУ, академика АН Молдовы. – URL: www.aquarelle.md/news/131.html
5. Aisenberg N., Harrington M. *Women of Academe: Outsiders in the Sacred Grove*. – Amherst (Mass.), 1988.
6. Тюрина И.О. Гендерные аспекты занятости и управления // *Социс*. – 2002. – № 11. – С. 139.
7. Wenneras C., Wold A. Nepotism and sexism in peer-review // *Nature*. – 1997. – Vol. 387. – № 6631. – P. 341–343.
8. Романец Д. VIP-жінка української науки // *Україна Молода*. – 2008. № 121 (04.07.2008). – URL: <http://www.umoloda.kiev.ua/number/1195/169/42466>.
9. Галина М. Судьба художника хранила (Большой Город попросил писателей, в разное время занимавшихся наукой, объяснить, почему они ее бросили // *Большой город*. – 2011. № 8(274). (18.05.2011). – С. 7.
10. Фетисова Е.Н. Изучение мужского подхода к работе как одна из ключевых гендерных стратегий женщины-ученого. – Хабаровск, 2002 (Деп. в ИНИОН РАН 13.11.02, № 57579).
11. Мирская Е.З., Мартынова Е.А. Женщины-ученые: проблемы и перспективы // *Социальная динамика современной науки*. – М.: Наука, 1995. – С. 60–81.
12. Мертон Р.К. Эффект Матфея в науке: накопление преимуществ и символизм интеллектуальной собственности // *THESIS*. – 1993. – Вып. 3. – С. 256–276.
13. Интервью с Председателем Чешской Академии наук Геленой Илнеровой // *Радио Прага*. – 12-08-2003. – URL: <http://www.radio.cz/ru/statja/44025>
14. Демина Н. Интервью с Ревекой Фрумкиной 24 июля 2006 // *Полит ру*. – 2006. – 24 июля. – URL: <http://www.polit.ru/science/2006/07/24/frumkina.html>
15. Женские ученые (Все мальчишки дураки, а девчонки умницы) // *Девушка без комплексов*. – 2008. – 16 мая. – URL: <http://www.hohmodrom.ru/project.php?prid=49200>:

16. «Излишен спор, кто больше или меньше...» // Hohmodrom. – 2008. 16.05; 17.05. – URL: <http://www.hohmodrom.ru/project.php?prid=49200>
17. Bagilhole B. How to keep a good woman down: an investigation of the role of institutional factors in the process of discrimination against women academics // *British Journal of Sociology of Education*. – 1993. – V. 14. – P. 261–274.
18. Ланских Е. Какие трудности возникают у женщины-ученого // Образовательный портал Минобр и науки Республики Татарстан. 18.05.2006. – URL: <http://edu.ksu.ru/russian/note/Interesting/page=4/id=932/>
19. Галина М. Судьба художника хранила // *Большой город*. – 2011. – № 8(274). – С. 7–8.
20. Sjoberg S. Girls need science – science needs girls // *Ethics and social responsibility in science education / edited by M.J. Frazer and A. Kornhauser*. – Oxford; New York: ICSU Press by Pergamon, 1986. – P. 231–238.
21. Weinreich-Haste, H. The image of science // *The Missing Half: Girls and Science Education*. Ed. A. Kelly. – Manchester: Manchester University Press, 1981. – P. 216–229.
22. Bachtold L. M., Werner E. E. Personality profiles of gifted women psychologists // *Science as a career choice: Theor. and empirical studies*. – New York: Russell Sage Foundation, 1973. – P. 551–569.
23. Helson R. Women and creativity // Greenberg J. (ed.) *Question of creativity*. – Durham, N.C.: Duke University Press, 1976. – P. 242–249.
24. Гутнова Е.В. *Перезжитое*. – М.: РОСПЭН, 2001. – 472 с.
25. Дежина И. Ищите, женщины! // <http://maryxmas.livejournal.com/156950.html>
26. Старобинский А. и др. Мимо премии: типовые варианты // *Русский репортер*. – 2009. – № 39 (118). – 15–22 октября. – С. 20–29.
27. Bushnell John. *Urban Leisure Culture in Post-Stalin Russia: Stability as a Social Problem // Soviet Society and Culture: Essays in Honor of Vera S. Dunham*. Ed. By Terry L. Thompson and Richard Sheldon. – Boulder, Colo: Westview Press, 1988.
28. Пушкарева Н.Л. «Да зачем мне это нужно?» Почему российские женщины-ученые не «рвутся спесиво» к научной славе? // *Жизнь в женском свете. К 60-летию В.И. Успенской*. – Тверь: ТГУ, 2012. – С. 161–173.
29. Пушкарева Н.Л., Пушкарева И.М. «Синие чулки»? Социально самочувствие женщин-ученых в оценках их самих // *За синей птицей. Антропология академической жизни. Памяти Г.А. Комаровой / под ред. Э.-Б. Баир-Гучиновой, В.А. Шнирельмана*. – М.: ИЭА РАН, 2022. – С. 429–449.

References

1. Goldman W. Les femmes dans la société soviétique // *Le Siècle des communismes*, Michel Dreyfus et al. (eds.). – Paris: Éditions de l'Atelier, 2000. – P. 187–197.
2. Pushkareva N.L. *Trud i otdykh zhenshchin-uchenykh v sovetskoy i postsovetskoy Rossii v otsenkakh ikh samikh* [Work and rest of women scientists in Soviet and post-Soviet Russia in their own assessments] // *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic Review]. – 2021. – № 3. – S. 98–105.
3. Gender aspects of the reproduction of scientific and pedagogical personnel of higher education in the region” (Ministry of Education of the Russian Federation) Subprogram: “Scientific and organizational foundations for the implementation of the regional scientific and technical policy of higher education”. Section: Gender studies. Scientific adviser – Doctor of Historical Sciences, Professor Saralievа Z.Kh. A survey of 157 PhD teachers from 9 universities in the European part of Russia was conducted in the 2001–2002 academic year (hereinafter referred to as Gender Aspects of Reproduction).
4. Memoirs of T.K. Konstantinova – Honored Scientist, Doctor of Habilitation in Geography, Director of the Institute of Ecology and Geography, Professor of Moscow State University, Academician of the Academy of Sciences of Moldova // www.aquarelle.md/news/131.html

5. Aisenberg, N., Harrington M. *Women of Academe: Outsiders in the Sacred Grove*. – Amherst (Mass.), 1988.
6. Tyurina I.O. *Gendernyye aspekty zanyatosti i upravleniya* // [Gender aspects of employment and management] // *Sotsis* [Socis]. – 2002. – № 11. – S. 139.
7. Wenneras C., Wold A. Nepotism and sexism in peer-review // *Nature*. – 1997. – Vol. 387. – № 6631. – P. 341–343.
8. Romanets D. *VIP-zhinka ukraïns'koï nauki* [VIP-woman of Ukrainian science] // *Ukraina Moloda* [Ukraine Young]. – 2008. – № 121. – URL: <http://www.umoloda.kiev.ua/number/1195/169/42466>.
9. Galina M. *Sud'ba khudozhnika khranila (Bol'shoy Gorod poprosil pisateley, v raznoye vremya zanimavshikhsya naukoy, ob'yasnit', pochemu oni yeye brosil)* [The fate of the artist kept (Big City asked writers who at different times were engaged in science to explain why they left her)] // *Bol'shoy gorod* [Big City]. – 2011. – № 8 (274). – P. 7–8.
10. Fetisova E.N. *Izucheniye muzhskogo podkhoda k rabote kak odna iz klyuchevykh gendernykh strategiy zhenshchiny-uchenogo* [The study of a male approach to work as one of the key gender strategies of a female scientist]. – Khabarovsk, 2002 (Deposited in INION RAN 13.11.02, No. 57579)
11. Mirskaya E.Z., Martynova E.A. *Zhenshchigny-uchenyye: problemy i perspektivy* [Women scientists: problems and prospects] // *Sotsial'naya dinamika sovremennoy nauki* [Social dynamics of modern science]. – M., 1995. – S. 66.
12. Merton R.K. *Effekt Matfeya v nauke: nakopleniye preimushchestv i simvolizm intellektual'noy sobstvennosti* [The Matthew effect in science: the accumulation of advantages and the symbolism of intellectual property] // *THESIS*. – 1993. – Issue. 3. – S. 256–276
13. *Interv'yu s Predsedatelem Cheshskoy Akademii nauk Gelenoy Ilnorovoy* [Interview with the President of the Czech Academy of Sciences Helena Ilnorova] // *Radio Prague*. – 2003. – 12.08. – URL: <http://www.radio.cz/ru/statja/44025>
14. Demina N. *Interv'yu S Revekoy Frumkinoy 24 iyulya 2006* [Interview with Reveka Frumkina July 24, 2006] // *Politru*. – 2006. – July 24. – URL: <http://www.polit.ru/science/2006/07/24/frumkina.html>
15. *Zhenskiye uchenyye (Vse mal'chishki duraki, a devchonki umnitsy)* // [Female scientists (All the boys are fools, and the girls are smart)] // *Devushka bez kompleksov* [A girl without complexes]. – 2008. – May 16. – URL: <http://www.hohmodrom.ru/project.php?prid=49200>:
16. «*Izlishen spor, kto bol'she ili men'she...*» [“Dispute is superfluous, who is more or less...”] // *Hohmodrom*. – 2008. – May 16; May 17, 2008. – URL: <http://www.hohmodrom.ru/project.php?prid=49200>
17. Bagilhole B. How to keep a good woman down: an investigation of the role of institutional factors in the process of discrimination against women academics // *British Journal of Sociology of Education*. – 1993. – V/14. P. 261–74.
18. Lanskih E. *Kakiye trudnosti voznikayut u zhenshchiny-uchenogo* [What difficulties arise for a woman scientist] // *Obrazovatel'nyy portal Minobr i nauki Respubliki Tatarstan* [Educational portal of the Ministry of education and science of the Republic of Tatarstan]. – 2006. – 18.05. – URL: <http://edu.ksu.ru/russian/note/Interesting/page=4/id=932/>
19. Galina M. *Sud'ba khudozhnika khranila* [The fate of the artist kept] // *Bol'shoy gorod* [Big City]. – 2011. – № 8(274). – May 18. – S. 7–8.
20. Sjoberg S. *Girls need science - science needs girls* // *Ethics and social responsibility in science education*. – Oxford, 1986. – P. 231–238.
21. Weinreich-Haste H. *The image of science* // *The Missing Half: Girls and Science Education*. Ed. A. Kelly. – Manchester: Manchester University Press), 1981. – P. 216–229.

22. Bachtold L. M., Werner E.E. Personality profiles of gifted women psychologists // Science as a career choice: Theor. and empirical studies – New York: Russell Sage Foundation, 1973. – P. 551–569.
23. Helson R. Women and creativity // Greenberg J. (ed.) Question of creativity. – Durham N.C.: Duke University Press, 1976. – P. 242–249.
24. Gutnova E.V. *Perezzhitoye* [Relived]. – M.: ROSPEN, 2001.
25. Dezhina I. *Ishchite, zhenshchiny!* [Look, women!] // <http://maryxmas.livejournal.com/156950.html>
26. Starobinsky A. et al. *Mimo premii: tipovyye varianty* [Past the prize: typical options] // *Russkiy reporter* [Russian reporter]. – 2009. – № 39 (118). – 15–22 October. – P. 21–25.
27. Bushnell John. Urban Leisure Culture in Post-Stalin Russia: Stability as a Social Problem // *Soviet Society and Culture: Essays in Honor of Vera S. Dunham*. Ed. By Terry L. Thompson and Richard Sheldon. – Boulder, Colo: Westview Press, 1988.
28. Pushkareva N.L. «*Da zachem mne eto nuzhno?*» *Pochemu rossiyskiye zhenshchiny-uchenyye ne «rvutsya spesivo» k nauchnoy slave?* ["Yes, why do I need this?" Why don't Russian female scientists "arrogantly strive" for scientific glory?] // *Zhizn' v zhenskom svete. K 60-letiyu V.I. Uspenskoy* [Life in the female light. To the 60th anniversary of V.I. Uspenskaya]. – Tver: TGU, 2012. – S. 161–173.
29. Pushkareva N.L., Pushkareva I.M. «*Siniye chulki*»? *Sotsial'no samochuvstviye zhenshchin-uchenykh v otsenkakh ikh samikh* ["Blue Stockings"? Social well-being of women scientists in their own assessments] // *Za siney ptitsey. Antropologiya akademicheskoy zhizni. Pamyati G.A. Komarovoy* [Behind the blue bird. Anthropology of academic life. In memory of G.A. Komarova]. Ed. E.-B. Bair-Guchinova, V.A. Shnirelman. – M.: IEA RAN, 2022. – S. 429–449.

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ДЕТСТВА

УДК 94(470.56):394-053.2/.5

ГРНТИ 03.21.31: История России Нового времени

DOI 10.35231/25422375_2022_2_21

Е.В. Бурлуцкая

«По предметам и картинкам...» Учебник А.И. Тарнавского как источник по истории детской домашней повседневности в Оренбурге пореформенной эпохи*

В данной статье в рамках исследования детской провинциальной повседневности пореформенного периода анализируется содержание учебника для младших школьников А.И. Тарнавского, созданного в Оренбурге на рубеже XIX–XX вв. Учебник в данном случае выступает в качестве письменного источника, текстовое содержание которого отражает представления автора о детях, его видение типичного или рекомендуемого детства в провинциальном городе. Анализу подвергаются разделы, посвященные домашней составляющей повседневной жизни ребенка: его отношениям с родителями, домашней обстановке, играм. В учебнике были представлены стандартные для того времени модели поведения детей, взаимодействия их и взрослых. Одновременно книга Тарнавского служила пособием, позволяющим сформировать в детях необходимые базовые представления о «можном» и должном, дать образцы «нормального» и «типичного» поведения, объяснить наиболее существенные для социальной практики понятия.

Ключевые слова: дети, детство, повседневность, тексты для детей, учебная литература, источник.

Elena V. Burlutskaya

«By objects and pictures...» Tutorial by A.I. Tarnavsky as a source on the history of children's daily life in Orenburg of the post-reform era

This article continues publications about the history of children's provincial daily life of the post-reform period and analyzes the content of a tutorial for younger schoolchildren. The author of this textbook was A.I. Tarnavsky. The text of the tutorial was created in Orenburg at the turn of the 19th – 20th centuries. The tutorial is investigated as a written source. Its content reflects the author's ideas about children, his vision of a typical or recommended childhood in a provincial town. We studied the separate sections of this manual. These are chapters that were devoted to the domestic sphere of the child's daily

© Бурлуцкая Е.В., 2022

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00763 «Дети и детство. Повседневная жизнь ребенка в условиях провинциального городского социума (на материалах Оренбурга пореформенной эпохи)».

life – his relationship with his parents, home environment, games. The tutorial describes the standard models of children's behavior for that time, the interaction of children and adults. At the same time, Tarnavsky's book was a manual that helped to form in children the necessary basic ideas about the norms of life, to give samples of "normal" and "typical" behavior, to explain concepts which were the most essential for social practice.

Key words: children, childhood, daily life, texts for children, educational literature, source.

Предлагаемая вниманию читателей статья посвящается моему коллеге, известному исследователю проблем истории повседневности, талантливому ученому и удивительному человеку – Александру Ивановичу Репинецкому, который отмечает в этом году свой 70-летний юбилей. Александра Ивановича я с уверенностью могу назвать своим «учителем» и «научным родителем». Почти четверть века назад он выступил официальным оппонентом на защите моей кандидатской диссертации, посвященной оренбургскому купечеству. Одна из глав диссертационного исследования была посвящена особенностям социальной психологии, культуры и быта купечества Южного Урала, т. е. всему тому, что сегодня как раз и подразумевается под повседневностью. С тех пор сфера моих научных интересов была определена безоговорочно и бесповоротно.

В своей научной биографии мне приходилось обращаться к различным сторонам повседневности, субъектами которой становились представители разных сословий, профессий, гендерных сообществ. В настоящий момент предметом моих научных интересов стала повседневность детей Оренбурга второй половины XIX – начала XX в.

История детства, генерируемая в России как специфическая область исследований примерно с начала XX в., традиционно ставит своих последователей перед проблемой выбора источниковой базы. Чем дальше уходит ученый вглубь веков, тем сложнее для него этот выбор. Скудость прежде всего письменных текстов, непосредственно связанных с детством, обусловила преимущественное обращение авторов к детству советскому. Как отмечала в своей статье Г. Зеленина, «в изучении детства в отечественной науке лидируют советологи: советское и постсоветское детство лучше всего описано и осмыслено – в категориях исторических, антропологических, социологических и фольклористических» [1].

Недостаточность детских эго-документов как ключевых источников по истории повседневности вынуждает исследователей детства прибегать к анализу других текстов, разнообразных по форме и содержанию. Однако, как отмечал в одной из своих работ Александр Иванович, «исторические факты, почерпнутые из документов, ...представляют собой только сырой, подготовительный материал для исследователя, а от-

нюдь не саму историю. Исторические факты, зафиксированные в документах, должны быть подвергнуты тщательному критическому анализу и оценке, а затем пропущены через сознание историка, который должен понять характер исторических событий, раскрыть цели, интересы и мотивы участников событий» [2, с. 7].

Таким образом, научную задачу, решаемую в рамках данной статьи, можно сформулировать как попытку проникнуть в мир провинциальной пореформенной детской повседневности через анализ оригинального письменного источника – книги А.И. Тарнавского «По предметам и картинкам. Первые уроки наглядного обучения инородцев русскому языку» (1902) [3], содержание которой будет сопоставляться с другими источниками, имеющимися в нашем распоряжении. Результатом проведенной работы должен стать обзор типичной домашней детской повседневности, характерной для провинциального Оренбурга рубежа XIX–XX вв.

Обращение к истории детства в России стало возможным относительно недавно. Эта сфера исследований стала научным направлением, хотя бы отчасти признаваемым в научном сообществе, лишь с начала 2000-х гг., но до настоящего времени классификатор УДК не выделяет «историю детства» в качестве самостоятельной отрасли знаний. Как и десять лет назад «книги по истории детства окажутся в рубрике “история семьи”, а она – в разделе – “этнография”» [4, с. 9]. Основной причиной медленной эволюции этой области исторической науки представляется существенная ограниченность источниковой базы. В ситуации недостаточности традиционных письменных источников, доступных для исследователей, занимающихся изучением повседневности детей, историки детства начали поиск других возможных источников необходимой информации.

В 2010 г. в Казанском (Приволжском) федеральном университете был организован международный круглый стол «Детство в научных, образовательных и художественных текстах: опыт прочтения и интерпретации» [5]. В рамках этого круглого стола были выделены такие группы письменных источников по истории детства, как детские тексты, тексты о детях и тексты для детей. Значительная часть докладов была посвящена отражению детства в учебных, научных и дидактических текстах.

Американский исследователь истории русской школы Б. Эклоф в своей статье «School Texts: A Window into the History of Childhood in Russia» («Школьные тексты: окно в историю детства в России») [6] отметил, что педагогика и школьное обучение на русском языке породили множество источников, почти полностью неиспользованных, которые, однако, дают богатую информацию об истории детства и юности в целом. Данные тексты, по мнению автора, скорее могут быть использованы как средство понимания «жизненного опыта» детей, а также представлений взрослых о детстве. В предлагаемый Эклофом перечень источников,

связанных с российской дореволюционной школой, вошли настольные книги для учителей, материалы учительских съездов, учительские мемуары, педагогические журналы и пр.

Этот перечень может быть расширен за счет других текстов, так или иначе связанных со школой. Например, А.Б. Лярский в своих работах сосредоточил внимание на календарях, издававшихся для школьников на рубеже XIX–XX вв. [7] и школьных рукописных журналах и газетах [8]. В данный список возможно включить и школьные учебники. Так, например, в статье Д.М. Галиуллиной «Татарский национальный букварь конца XIX – начала XX в. как особый вид нарратива» [9] речь шла о том, как детская повседневность была представлена в татарской азбуке «Әлифба». Н.Г. Пфаненштиль (Федорова) рассуждала о возможностях учебников истории XIX в. в деле формирования нравственных ценностей и исторического сознания детей [10].

В 2013 г. в рамках семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики» был издан сборник статей «Учебники детства. Из истории школьной книги VII–XXI вв.» [11]. В этом труде авторы, рассуждая о книгах, по которым учили маленьких детей, констатировали: «В этих книгах их составители отражали и выражали свое понимание детства, возможностей, потребностей ребенка... Они рисовали идеал рекомендуемого детства, обходили или порицали те стороны современного им детства, от которых желали избавиться. [...] В учебнике отражается множество распространенных стереотипных представлений о ребенке, человеке вообще, абсолютных и относительных ценностях». «Учебник – там и тогда, где и когда он существовал, – во многом определял границы детства, представлял детям и взрослым “картинки рекомендованной детскости”...» [11, с. 8].

В 2016 г., в продолжение обсуждения 2013 г., был опубликован сборник статей, посвященный теме отражения моделей и норм социального поведения, формирования социального интеллекта через учебную литературу [12]. Как отмечали его авторы, основное внимание в книге было «уделено учебникам первых трех-четырех лет обучения, начальному школьному образованию, поскольку оно в большей степени зависело от общекультурной ситуации, связанной с утверждаемыми в социуме нормами общежития и моделями поведения, а не от логики той или иной науки, воплощаемой в школьном предмете» [12, с. 6].

Опираясь на примеры анализа учебных текстов, содержащихся в перечисленных работах, попробуем изучить заявленный в заглавии труд, используя его как своеобразный источник по истории детской провинциальной домашней повседневности пореформенной эпохи.

В Оренбургской губернии на рубеже XIX–XX вв. появилось несколько изданий, которые могут быть использованы для анализа детской повседневности того периода. Директор народных училищ

Оренбургской губернии Александр Иванович Тарнавский в 1902 г. выпустил в свет чрезвычайно любопытную книгу, которая называлась «По предметам и картинкам. Первые уроки наглядного обучения инородцев русскому языку» [3]. В предисловии к ней Тарнавский объяснял свой авторский замысел. По его словам, в ходе многолетней педагогической работы среди «инородческого населения» он столкнулся с серьезной проблемой: многие учителя в инородческих школах предпочитали вести занятия на родных детям языках, что в итоге значительно затрудняло усвоение языка русского. Полагая, что «во всех учебных заведениях России преподавательским языком должен быть русский» [3, предисл.], Тарнавский поставил перед собой задачу максимально быстрого обучения детей-инородцев государственному языку.

Дабы ускорить процесс овладения нерусскими детьми русским языком, Тарнавским было создано специальное пособие, которое включало в себя «ряд систематически подобранных картин, посредством которых можно было сообщить ученикам-инородцам запас слов и выражений, способствующих усвоению русской разговорной и письменной речи» [3, предисл.].

Полагая, что в основу пособия автором были положены представления обывателей о привычном и повседневном бытии, любопытно будет посмотреть, как Тарнавский видел мир детей, определить представления взрослых о том, как этот мир должен выглядеть.

В разделе «Дитя» автор перечисляет части тела ребенка, а затем переходит к его одежде. «У дитяти на туловище рубашка», «У дитяти на голове чепчик», «Дитя ползет» [3, с. 3] – вот, собственно, и все, что автор считает существенным в жизни маленького ребенка.

Далее, в разделе «Мальчик», также отмечается одежда: «На туловище мальчика надета рубашка. На ноги мальчика надеты штаны. Ноги мальчика обуты в сапоги. Рубашка мальчика подпоясана поясом». Однако далее описывается поза ребенка: «Мальчик раздвинул свои руки. Он сжал пальцы своих рук в кулаки. [...] Мальчик прыгает» [3, с. 4]. Девочка же из соответствующего раздела одета в рубашку и юбку. «Ноги девочки обуты в башмаки. Рубашка девочки белая ... Юбка девочки темная ... Башмаки девочки черные ... Рубашка девочки из полотна... Юбка девочки из ситца ... Башмаки девочки из кожи ...» [3, с. 5]. Таким образом, в отношении девочки важным оказывается не только сам костюм, но также его цвет и материал. Кроме того, описываемая Тарнавским поза мальчика (расставленные руки, сжатые кулаки) демонстрирует тот факт, что мальчики с самых юных лет своими движениями и жестами демонстрировали большую активность и даже агрессивность, которая воспринималась как норма.

Вырастая, мальчик и девочка превращались в мужчину и женщину. Мужчину отличали усы и борода. На его голове красовалась шапка, он был одет в просторные рубашку и штаны темного цвета, подпоясан,

ноги были обуты в сапоги [3, с. 7]. Женщина покрывала голову платком, который закрывал всю заднюю часть ее головы. Платок завязывался под подбородком узлом, концы платка закрывали шею и опускались до самой груди. Автор отмечал, что платок белый и что вообще платки бывают ситцевые, «бумажные» и шерстяные. Женщина была одета в рубашку, платье и фартук. «Фартуком женщина вытирает глаза. Она плачет. [...] Женщина горюет. [...] Женщина печальна» [3, с. 8].

И вновь женская одежда отличалась от мужской обозначенным цветом и материалом. А женское поведение было связано преимущественно с гореванием. Действительно, женская доля, даже во вполне состоятельных и привилегированных семьях, часто была весьма печальна. Браки, заключенные не по любви, смерть детей и т. д. – все это вполне объясняло картину плачущей женщины. Хотя дальше автор уточнял: «Дети плачут. Мальчики, девочки плачут. Мужчины, женщины плачут. Как малые, так и большие плачут» [3, с. 8]. То есть в принципе свободное выражение печали и горя, по мнению автора, было вполне приемлемым поведением для всех.

Значительное место отводилось Тарнавским отображению мира ребенка и его семьи. Семейные отношения объяснялись автором на примере союза, состоявшего из родителей и четырех детей: двух сыновей и двух дочерей. То есть типичной семьей была семья многодетная. К отцу обращались «папа», «папенька», «тятя», «батюшка», к матери – «мама», «маменька», «матушка» [3, с. 13].

Раздел «Мать и дитя» сопровождался довольно пространном текстом. «В комнате, возле печки, на скамье, у люльки сидит мать. Она держит руку на краю люльки. Дитя лежит в люльке. Мать качает свое дитя. Это дитя грудное. Оно в пеленках. Обвязано свивальником» [3, с. 14]. Расположенная там же иллюстрация красноречиво изображала туго спеленутого младенца. Раздел «Мать и сын» повествовал: «Мать сидит на табуретке. Одну свою ногу мать поставила на подставку. У матери на коленях сидит ребенок – сын. В своих руках мать держит ручки сына. Мать забавляет своего сына. Сын смеется. Мать хлопает ручкой своего сына о его другую ручку, ладонь об ладонь» [3, с. 15]. По-видимому, автор имел в виду распространенную и сейчас игру в «ладушки» («Ладушки, ладушки, // Где были? – У бабушки...»). Эта потешка (или пестушка) – короткое стихотворное произведение, сопровождаемое движениями, предназначалась для развлечения ребенка. Потешки всегда сопровождались «экспрессивно-эмоциональными словами, рефренами, звукоподражаниями», которые способствовали быстрому и легкому усвоению ребенком словарного запаса, веселили его [13, с. 108, 109–110].

Жилище в книге было обозначено «домом», представлявшим собой деревянное или каменное городское одно-, двух- или трехэтажное жилище, «избой» из бревен и «хатой» [3, с. 23–24]. В жилище обязательно

была кирпичная или каменная печь, в которой пекли ржаной или пшеничный хлеб, готовили еду (суп, щи, борщ, кашу, жареное мясо, жаркое, котлеты) и на которой грелись и спали [3, с. 25]. Как отмечала в своей статье В.А. Верременко, печь, приспособленная «для приготовления „простых” блюд, таких, например, как „черный хлеб, квас, пироги (далеко не всех сортов), лепешки, щи, различные похлебки”, ... мало подходила для кулинарных изысков: „настоящего бульона”, жаркого, кондитерских изделий и т. д.» [14, с. 181]. Поэтому можно утверждать, что сам Тарнавский явно был далек от традиционных способов приготовления кушаний в печи, ведь приготовить таким образом жареное мясо или котлеты практически невозможно. Печь предполагала прежде всего томление и варение продуктов. Как писала С. Бородина, в то время, «когда основным способом приготовления пищи была русская печь, ее конструктивные параметры и эксплуатационные свойства определяли безраздельное господство таких кулинарных технологий, как томление, запекание, тушение, припускание и т. п. На плите нельзя томить и запекать, зато можно варить и жарить...» [15, с. 83].

В городских домах устраивались «комнатные печи», маленькие и округлые [3, с. 26]. Узкая, длинная низкая печь называлась «плитой». Она делалась из кирпича, снаружи обкладывалась «изразцами или кафлями, муравлёными кирпичными плитками белого цвета». Сверху на нее водружалась большая чугунная плита с круглыми отверстиями [3, с. 27]. По словам В.А. Верременко, «если в 1870-е гг. авторам кулинарных книг еще приходилось убеждать „старозаветных помещиц” в преимуществах плиты, приводя всевозможные доводы от очевидной экономичности до возможности одновременно „готовить что угодно и когда угодно”, ... то к началу XX в. выгоды плиты были уже признаны повсеместно» [14, с. 182–183].

Как это ни странно, но в учебнике Тарнавского ни слова не было сказано про бани. Вероятно, это было связано с оренбургской спецификой данной сферы повседневности. Бани в частных домах горожан находились под запретом в силу недостатка воды и боязни распространения пожаров. В казенные же (торговые) бани детей старались не водить из-за ужасных санитарно-гигиенических условий этих объектов [16]. Скорее всего, детей купали редко, исключительно дома, в тазу или лохани.

Единственный предмет, упоминаемый Тарнавским, который был так или иначе связан с вопросами гигиены – это рукомойник [3, с. 58]. Они были двух видов – металлические и глиняные. Металлические, состоящие из чаши и «подъемного гвоздя», крепились к стене над подставкой с тазом, в который стекала грязная вода. Иногда в тазу делали отверстие, через которое вода выливалась в ведро. Глиняный рукомойник, «похожий на низкий кувшин, с двумя ручками и одним, либо двумя носиками», вешали на веревке над лоханью.

Обстановка избы описывалась следующим образом. В красном углу висели иконы и теплилась лампадка. Под иконой стоял стол, покрытый скатертью, вокруг которого были расставлены табуретки и скамейки. Под иконой на почетном месте обычно сидел старший мужчина, дедушка [3, с. 28]. Таким образом, традиционная семья по-прежнему была многопоколенной, включающей дедушек и бабушек.

Интерьер городских квартир включал в себя стулья (в том числе плетеные), рабочие столы с ящиками, диваны, кресла, комоды с медными ручками, шкафы, письменные столы со «шкафиками», «конторки», этажерки, зеркала, кровати [3, с. 29–33]. Примерно такой перечень предметов мебели содержался обычно в объявлениях, размещаемых в оренбургских газетах рубежа XIX–XX вв. [17, с. 23]. На кровать стелили «постель», которая включала в себя перину (или тюфяк, или «матрац»), простынь, перьевую или пуховую подушку с наволочкой и одеяло. Перину набивали гусиным пером и пухом, тюфяк и матрац – шерстью или мочалом [3, с. 39]. Одеяла, кстати, использовали без принятых сегодня пододеяльников.

Для совсем маленьких детей предназначалась люлька [3, с. 34]. Она представляла собой деревянную раму, к которой снизу был прикреплен холщовый мешок. Тканевое дно, во-первых, было мягче деревянного, а, во-вторых, такая конструкция была гигиеничнее, поскольку при необходимости дно можно было сменить на новое. Эта конструкция прикреплялась веревками к жерди под потолком. Веревки вокруг закрывались занавеской. Именно такая люлька хранится в фондах Оренбургского губернаторского историко-краеведческого музея. Люльку покачивали, успокаивая ребенка.

Освещался дом с помощью свечей (стеариновых, сальных или восковых) и керосиновых ламп [3, с. 69–70]. Керосиновые лампы были относительно новым предметом домашнего обихода. В Оренбурге таковые появились в середине 1860-х гг. благодаря братьям Зальцфиш. Они завезли в город этот товар, убеждая покупателей в том, что лампы эти «разных форм, очень красивые, при употреблении не требуют никакой чистки, кроме обтирания пыли, зажигание и гашение их очень просто, свет от них так бел и блестящ, что самая малая заменит пять, а поболее размером ответит за десять свечей стеариновых» [18, с. 270]. Из технических новинок в книге была представлена швейная машинка [3, с. 72], ручная или ножная. Реклама этого изобретения, преимущественно компании «Зингер», на рубеже XIX–XX вв. стала активно появляться на страницах центральных и региональных газет и журналов.

О домашней обстановке рассказывали предметы домашнего обихода. Первым шел медный самовар [3, с. 51–52]. В книге объяснялось, как им нужно пользоваться, чтобы приготовить кипяток. Кипяток был нужен для заваривания чая. Объем информации, который так или иначе

был связан с этим напитком, может служить доказательством повсеместного его распространения и огромной популярности. Речь шла о чае [3, с. 52], чайнике [3, с. 52–53], чайнице (емкости для сухого чая) [3, с. 53], чайной паре [3, с. 54], молочнике [3, с. 55], сахаре [3, с. 54]. Как известно, еще маркиз А. де Кюстин, описывающий свое путешествие по России в 1839 г., оказавшись в одной из деревень неподалеку от Петербурга, замечал: «На столе горит медью самовар и чайник. Чай, как всегда, отличный и умело приготовленный. Этот изысканный напиток, сервируемый в чуланах (я говорю “в чуланах”, подбирая приличные выражения), напоминает мне шоколад у испанцев» [19, с. 198].

Далее разговор шел о домашней утвари. Детям объяснялась разница между бочкой, ведром, кадкой и ушатом [3, с. 55–58]. В перечень необходимых в доме вещей вошли ковш, кувшин, горшок, ухват, чугунок, помело (палка с мочалом на конце для подметания углей и золы возле печки), кастрюля, сковорода, терка, ступка, утюг (который грели на горячих углях), валёк и скалка (предметы, заменяющие современные гладильные аппараты), сундук, чемодан, коробка, корзина, веник, метла («веник, но с палкой»), щетка [3, с. 57–65]. Основной набор посуды состоял из глиняной чашки или миски с ручками и крышкой, тарелки, ложки, ножа и вилки, солонки, бутылки, «пробочника» (штопора), графина (для воды), кружки, рюмки [3 с. 65–68]. Поскольку в перечне упоминалась вилка, речь шла все-таки о столовых приборах в доме зажиточного горожанина.

Вторая «тетрадь» книги была посвящена основным видам хозяйственной деятельности и другим занятиям, в том числе играм. В качестве предметов для игр были названы мячик [3, с. 88], юла [3, с. 89], «волчок, кукла, барабанщик, мельница, зайчик» [3, с. 90], а в качестве игр указывались «игра в бабки» [3, с. 89], игра «в лошадки» и «в жмурки» [3, с. 90], шашки [3, с. 91]. С мячиком можно было так играть: бросать его, ловить или «бить мячиком друг друга» [3, с. 88]. В книге «Игры народов СССР» было представлено около 80 различных вариантов игр с мячом, существующих в различных регионах страны [20, с. 466–489].

Юла была домашней игрушкой – ее пускали по полу в комнате. Юла и волчок представляли собой разные игрушки: юлу следовало раскручивать с помощью движущегося вверх-вниз стержня, а волчок был деревянным шаром с хвостиком, который раскручивался руками. Набор игрушек был не слишком большим. Все же для большинства детей, даже в городе, они были предметами труднодоступными.

Игра в бабки предполагала действия со специально обработанными подкопытными костями коров, свиней или овец. Их дочиста вываривали в горячей воде, самую большую и тяжелую кость дополнительно наливали свинцом, превращая в «битку». Каждый игрок должен был выставить в очерченный на земле кон определенное количество бабок. Затем участники по очереди старались выбить из кона биткой как можно

больше бабок, которые и становились добычей удачливого игрока [20, с. 458].

«Лошадка» на рисунке в учебнике изображалась следующим образом: она прикреплялась к четырехколесной платформе, которую можно было катать за веревочку. Можно сказать, что это был прообраз современных «машинок».

Учитывая то обстоятельство, что учебник Тарнавского главной своей целью имел ознакомление детей «инородцев» с основами русской речи на примере наиболее стандартных, типичных речевых оборотов, отражающих повседневность, вероятно, не следовало ожидать от автора слишком глубокого погружения в мир детства. Тем не менее, даже на основе довольно поверхностного изложения основ жизни в провинциальном российском городе, можно увидеть основополагающие принципы организации там жизни ребенка. Это ориентация подрастающего поколения на традиционные модели социального поведения, четкое разделение гендерных ролей, определение некоего обязательного набора домашних предметов, обеспечивающих приемлемое качество жизни, почти абсолютное невнимание к вопросам детской гигиены.

Список литературы

1. Зеленина Г. От скудости эмоций к скудости источников: полувековой путь детских исследований // Теория моды: одежда, тело, культура. – 2008. – № 8. – С. 19–36 [Электронный ресурс]. – URL: <https://polit.ru/article/2008/10/03/zelenina/>
2. Ипполитов Г.М., Полторац С.Н., Репинецкий А.И. Исторический факт и историческое событие: аналитическое «путешествие» в лабиринте мнений, оценок, суждений (статья первая) // Клио. – 2013. – № 11 (83). – С. 3–14.
3. Тарнавский А.И. По предметам и по картинкам: первые уроки наглядного обучения инородцев русскому языку: с 343 рисунками / сост. Александр Тарнавский, директор народных училищ Оренбургской губ. – СПб.: П.В. Луковников, 1902. – 120 с.
4. Кошелева О.Е. Вместо предисловия. История детства. Филипп Арьес и Россия // Малолетние подданные большой империи. Филипп Арьес и история детства в России (XVIII – начало XX века). Труды семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики». Вып. 11. – М.: РГГУ, 2012. – С. 9–16.
5. Детство в научных, образовательных и художественных текстах: опыт прочтения и интерпретации, сборник научных статей и сообщений / сост. и отв. ред. А.А. Сальникова. – Казань: Изд-во Казанского (Приволжского) федерального университета, 2011. – 144 с.
6. Eklof B. School Texts: A Window into the History of Childhood in Russia // Детство в научных, образовательных и художественных текстах: опыт прочтения и интерпретации, сборник научных статей и сообщений / сост. и отв. ред. А.А. Сальникова. – Казань: издательство Казанского (Приволжского) федерального университета, 2011. – С. 22–26. (англ.)
7. Лярский А.Б. Календарь и гимназист: представления взрослых о повседневности детей (Россия кон. XIX – нач. XX вв.) // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2007. – № 1. – С. 79–86.
8. Лярский А.Б. Школьные рукописные журналы и газеты конца XIX – начала XX века как фактор социализации // Вестник Пермского университета. История. – 2013. – № 2 (22). – С. 117–125.

9. Галиуллина Д.М. Татарский национальный букварь конца XIX – начала XX вв. как особый вид нарратива // Научный Татарстан. Гуманитарные науки. – 2012. – № 1. – С. 15–24.
10. Пфаненштиль (Федорова) Н.Г. «Личная история» в российских учебниках по истории первой половины XIX века: время «Кайдановых, Смарагдовых, Устряловых...» // Ученые записки Казанского филиала «Российского государственного университета правосудия». – 2019. – Т. 15. – С. 305–315.
11. Учебники детства. Из истории школьной книги VII–XXI веков // Труды семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики». Вып. 13. – М.: РГГУ, 2013. – 407 с.
12. Дорогой друг. Социальные модели и нормы в учебной литературе 1900–2000 годов (историко-педагогическое исследование) // Труды семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики». Вып. 18. – М.: Памятники исторической мысли, 2016. – 568 с.
13. Шангина И.И. Русские дети и их игры. – СПб.: Искусство, 2000. – 296 с.
14. Веремченко В.А. «Кухонная модернизация» и дворянская семья в России второй половины XIX – начала XX века // Государство, капитализм и общество в России второй половины XIX – начала XX вв.: Материалы Всерос. (с международным участием) научного семинара (г. Череповец, 19–21 октября 2017 г.): сборник научных работ / отв. ред. А.Н. Егоров, А.Е. Новиков, О.Ю. Солодянкина. – Череповец: Череповец. гос. ун-т, 2017. – С. 180–185.
15. Бородина С. О прихотях и вкусах: история гастрономической культуры русской усадьбы // Мир искусств: Вестник Международного института антиквариата. – 2015. – № 2 (10). – С. 80–92.
16. Бурлуцкая (Банникова) Е.В. Бани как компонент городской повседневности Оренбурга XIX века [Электронный ресурс] // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. – 2020. – № 4 (36). – С. 232–246. – URL: http://vestospu.ru/archive/2020/articles/13_36_2020.pdf.
17. Бурлуцкая (Банникова) Е.В. Приватное пространство горожанки Оренбургской губернии в пореформенную эпоху // Манускрипт. – 2019. – № 11. – С. 17–25.
18. Столпянский П.Н. Город Оренбург: Материалы к истории и топографии города. – Оренбург: Изд-во Оренбургской губернской типографии, 1908. – 372 с.
19. Кюстин А. Николаевская Россия / пер. с фр. – М.: Политиздат, 1990. – 352 с.
20. Игры народов СССР. Сборник материалов, составленный В.Н. Всеволодским-Генгросс, В.С. Ковалевой и Е.И. Степановой. – М.-Л.: Academia, 1933. – 564 с.

References

1. Zelenina G. *Ot skudosti emocij k skudosti istochnikov: poluvekovoju put' detskih issledovanij* [From the scarcity of emotions to the scarcity of sources: a half-century path of children's research] // *Teoriya mody: odezhda, telo, kul'tura* [Fashion theory: clothing, body, culture]. – 2008. – № 8. – P. 19–36. (In Russ.).
2. Ippolitov G.M., Poltorak S.N., Repineckij A.I. *Istoricheskij fakt i istoricheskoe sobytie: analiticheskoe «puteshestvie» v labirinte mnenij, ocenok, suzhdenij (stat'ya pervaya)* [Historical fact and historical event: analytical «journey» in the labyrinth of opinions, assessments, judgments (article one)] // *Klio* [Clio]. – 2013. – № 11 (83). – P. 3–14. (In Russ.).
3. Tarnavskij A.I. *Po predmetam i po kartinkam: pervye uroki naglyadnogo obucheniya inorodcev russkomu yazyku* [By subjects and by pictures: the first lessons of visual teaching of foreigners to the Russian language]. – Saint Petersburg: tip. P.V. Lukovnikova, 1902. – 120 p. (In Russ.).

4. Kosheleva O.E. *Vmesto predisloviya. Istoriya detstva. Filipp Ar'es i Rossiya* [Instead of a preface. The history of childhood. Philippe Aries and Russia] // *Maloletnie poddannye bol'shoj imperii. Filipp Ar'es i istoriya detstva v Rossii (XVIII – nachalo XX veka)* [Minor subjects of a large empire. Philip Aries and the history of childhood in Russia (XVIII – early XX century)]. *Trudy seminarov «Kul'tura detstva: normy, cennosti, praktiki»*, vypusk 11. – Moscow: RGGU, 2012. – P. 9–16. (In Russ.).

5. *Detstvo v nauchnyh, obrazovatel'nyh i hudozhestvennyh tekstah: opyt prochteniya i interpretacii, sbornik nauchnyh statej i soobshchenij* [Childhood in scientific, educational and artistic texts: experience of reading and interpretation, collection of scientific articles and messages] / Sost. I otv.red. A. A. Sal'nikova. – Kazan: Publishing House of Kazan (Volga Region) Federal University 2011. – 144 p. (In Russ.).

6. Ben Eklof. *School Texts: A Window into the History of Childhood in Russia // Detstvo v nauchnyh, obrazovatel'nyh i hudozhestvennyh tekstah: opyt prochteniya i interpretacii, sbornik nauchnyh statej i soobshchenij* [Childhood in scientific, educational and artistic texts: experience of reading and interpretation, collection of scientific articles and messages] / Sost. I otv.red. A. A. Sal'nikova. – Kazan: Publishing House of Kazan (Volga Region) Federal University, 2011. – P. 22–26.

7. Lyarskij A.B. *Kalendar' i gimnazist: predstavleniya vzroslyh o povsednevnosti detej (Rossiya kon. XIX nach. XX vv.)* [The calendar and the gymnasium student: adults' ideas about the everyday life of children (Russia of the late XIX – early XX centuries)] // *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)* [Society. Wednesday. Development (Terra Humana)]. – 2007. – № 1. – P. 79–86. (In Russ.).

8. Lyarskij A.B. *SHkol'nye rukopisnye zhurnaly i gazety konca XIX – nachala XX veka kak faktor socializacii* [School handwritten magazines and newspapers of the late XIX – early XX century as a factor of socialization] // *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of Perm University. History]. – 2013. – № 2 (22). – P. 117–125. (In Russ.).

9. Galiullina D.M. *Tatarskij nacional'nyj bukvar' konca XIX – nachala XX vv. kak osobyj vid narrativa* [Tatar national Primer of the late XIX – early XX centuries: as a special kind of narrative] // *Nauchnyj Tatarstan. Gumanitarnye nauki* [Scientific Tatarstan. Humanities]. – 2012. – № 1. – P. 15–24. (In Russ.).

10. Pfanenshtil' (Fedorova) N.G. *«Lichnaya istoriya» v rossijskikh uchebnikah po istorii pervoj poloviny XIX veka: vremya «Kajdanovyh, Smaragdovyh, Ustryalovyh...»* [«Personal history» in Russian history textbooks of the first half of the XIX century: the time of the «Kaidanovs, Smaragdovs, Ustryalovs...»] // *Uchenye zapiski Kazanskogo filiala «Rossijskogo gosudarstvennogo universiteta pravosudiya»* [Scientific notes of the Kazan branch of the Russian State University of Justice]. – 2019. – Vol. 15. – P. 305–315. (In Russ.).

11. *Uchebniki detstva. Iz istorii shkol'noj knigi VII-XXI vekov* [Childhood textbooks. From the history of the school book of the VII-XXI centuries] // *Trudy seminarov «Kul'tura detstva: normy, cennosti, praktiki»*, vypusk 13. – Moscow: RGGU, 2013. – 407 p. (In Russ.).

12. *Dorogoj drug. Social'nye modeli i normy v uchebnoj literature 1900–2000 godov (istoriko-pedagogicheskoe issledovanie)* [Dear friend. Social models and norms in the educational literature of 1900–2000 (historical and pedagogical research)] // *Trudy seminarov «Kul'tura detstva: normy, cennosti, praktiki»*, vypusk 18. – Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2016. – 568 p. (In Russ.).

13. SHangina I.I. *Russkie deti i ih igry* [Russian children and their games]. – Saint Petersburg: Iskusstvo, 2000. – 296 p. (In Russ.).

14. Veremenko V.A. *«Kuhonnaya modernizaciya» i dvoryanskaya sem'ya v Rossii vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka* [«Kitchen modernization» and the noble family in

Russia in the second half of the XIX – early XX century] // *Gosudarstvo, kapitalizm i obshchestvo v Rossii vtoroj poloviny IX – nachala XX vv.* [The state, capitalism and society in Russia in the second half of the IX – early XX centuries]: Materialy Vserossijskogo (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnogo seminara / Otv. red. A.N. Egorov, A.E. Novikov, O.YU. Solodyankina. – Cherepovec: Cherepovets State University, 2017. – P. 180–185. (In Russ.).

15. *Borodina S. O prihotyah i vkusah: istoriya gastronomicheskoy kul'tury russkoj usad'by* [About whims and tastes: the history of the gastronomic culture of the Russian estate] // *Mir iskusstv: Vestnik Mezhdunarodnogo instituta antikvariata* [The World of Arts: Bulletin of the International Institute of Antiques]. – 2015. – № 2 (10). – P. 80–92. (In Russ.).

16. *Burluckaya (Bannikova) E.V. Bani kak komponent gorodskoj povsednevnosti Orenburga XIX veka* [Baths as a component of urban daily life in Orenburg of the XIX century] // *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyj nauchnyj zhurnal* [Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University. Electronic scientific journal]. – 2020. – № 4 (36). – P. 232–246. (In Russ.).

17. *Burluckaya (Bannikova) E.V. Privatnoe prostranstvo gorozhanki Orenburgskoj gubernii v poreformennuyu epohu* [Private space of a citizen of the Orenburg province in the post-reform era] // *Manuskript* [The manuscript]. – 2019. – № 11. – P. 17–25. (In Russ.).

18. *Stolpyanskii P.N. Gorod Orenburg: Materialy k istorii i topografii goroda* [The city of Orenburg: Materials for the history and topography of the city]. – Orenburg: Publishing house of the Orenburg Provincial Printing House, 1908. – 372 p. (in Russ.).

19. *Kyustin A. Nikolaevskaya Rossiya* [Russia of Nicholas]. Perevod s francuzskogo. – Moscow: Politizdat, 1990. – 352 p.

20. *Igry narodov SSSR* [Games of the peoples of the USSR]. *Sbornik materialov, sostavlennyj V.N. Vsevolodskim-Gengross, V.S. Kovalevoj i E.I. Stepanovoj.* – Moscow-Leningrad: Academia, 1933. – 564 p. (In Russ.).

С.В. Степанов

История детского лечения и отдыха в Санкт-Петербургской губернии в начале XX в. Царскосельская санатория для детей*

В статье на основе широкого круга источников прослежено создание и деятельность царскосельской санатории для детей (основана в 1907 г.), вошедшей в общую сеть противотуберкулёзных детских учреждений, открывавшихся в Петербургской губернии с 1870-х г. Выявлены основные подходы в лечении пациентов, особое внимание уделено санитарно-гигиеническим условиям содержания детей, требованиям к безопасности для окружающего населения. Автором сделан хронологический обзор создания детских оздоровительных противотуберкулёзных учреждений в 1870–1900-е гг. В санаториях дети благодаря смене городской среды (грязный воздух, нечистоты, отсутствие чистой воды) на загородную с чистым воздухом и водой получали облегчение протекания болезни или даже полностью выздоравливали. Подобные учреждения содержались на частные пожертвования и за счет императорской фамилии, государство лишь предоставляло льготы по аренде земли и ссуде денег. К 1910-м г. царскосельская санатория, благодаря благоприятным санитарно-гигиеническим условиям проживания детей, стала одним из ведущих учреждений в России в области лечению костного туберкулеза.

Ключевые слова: Санкт-Петербургская губерния, царскосельская санатория для детей, Пушкин, город, противотуберкулёзные санатории, гигиена детства.

Stanislav V. Stepanov

The history of children's treatment and recreation in the St. Petersburg province at the beginning of the 20th century. Tsarskoye Selo sanatorium for children

Based on published records management and archival documents, the article traces the creation and activities of the Tsarskoye Selo sanatorium for children (founded in 1907), which was included in the general network of anti-tuberculosis children's institutions opened in St. Petersburg province since 1870s. The main approaches in the treatment of children are identified, special attention is paid to the sanitary and hygienic conditions for keeping children, safety requirements for the surrounding population. The author made a chronological review of the creation of children's health-improving anti-tuberculosis institutions in the 1870–1900s. In sanatoriums children due to the change of the urban environment (dirty air, sewage, lack of clean water) to a suburban environment with clean air and water, received recovery or relief from the course of the disease. Such institutions were supported by private donations and charitable activities of the imperial family, the

© Степанов С.В., 2022

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 22-18-00421.

state only provided benefits for renting land and court money. By the 1910s the Tsarskoye Selo sanatorium, thanks to the favorable sanitary and hygienic living conditions for children, became one of the leading institutions in Russia for the treatment of bone tuberculosis.

Key words: St. Petersburg province, Tsarskoye Selo sanatorium for children, Pushkin, city, Tuberculosis sanatoriums, Childhood hygiene.

На рубеже XIX – начала XX в. в уездах Санкт-Петербургской губернии – Петербургском, Петергофском и Царскосельском – создаются детские санатории для детей, в которых ребята не только лечились от легочных болезней, очагом которых была столица империи, но и получали образование, а также отдыхали. Успешная медицинская и педагогическая деятельность подобных учреждений требовала разработки и соблюдения специальных санитарно-гигиенических норм содержания детей.

В современной исторической литературе тема детского отдыха в дореволюционной России получила существенную разработку в статьях Б.А. Дейча, Т.С. Дороховой, В.А. Верременко [1–4]. Тема детского отдыха и лечения в Санкт-Петербургской губернии остается малоизученной, единственной работой, где кратко характеризуются детские оздоровительные учреждения, является коллективная монография «Здравоохранение Петербургской губернии» [5]. История возникновения, особенности работы, санитарно-генетические условия проживания детей в конкретных оздоровительных организациях столичной губернии не представлена в исторической науке и историко-краеведческой литературе, существуют лишь отдельные упоминания. В настоящее время отсутствует комплексное изучение проблемы – истории детства на Северо-Западе России.

В предлагаемой статье сделана попытка проследить историю возникновения и деятельность царскосельской санатории для детей, которая располагалась в уездном центре столичной губернии – г. Царское село (ныне г. Пушкин). Краткие исторические сведения и отдельные факты о деятельности санатории для детей в Царском Селе имеются в историко-краеведческой, а также историко-медицинской литературе [6, с. 167–170; 5, с. 179–180; 7, с. 25–26; 8, с. 38].

История детских оздоровительных учреждений под Петербургом начинается с 1870-х г. В Ораниенбауме (ныне г. Ломоносов) по инициативе детского педиатра К.А. Раухфуса (1835–1915) в 1872 г. был основан под покровительством благотворительницы великой княгини Екатерины Михайловны приют для детей больных туберкулезом – Ораниенбаумская лечебная колония, опыт деятельности которой показал эффективность смены городской среды на загородную, где сами гигиенические условия (воздух и вода) были более чистыми, чем в столице.

Приют работал только в летнее время и был рассчитан на 35 коек, детям оказывалась врачебно-медицинская помощь. Опыт деятельности этого заведения показал, что дети, живущие летом в приюте, крепки, самочувствие их улучшалось, но за зиму, проведенную в городских больницах, состояние их снова ухудшалось. С одним и тем же ребенком так могло продолжаться несколько сезонов, пока он либо не выздоравливал, либо не наступал летальный исход. С 1881 г. в столице стали появляться детские колонии, которые содержались за счет благотворителей. В дальнейшем был создан комитет по устройству школьных дач, а с 1896 г. Петербургская городская дума стала финансировать деятельность колоний. В мае 1883 г. в Гатчине под покровительством императрицы Марии Федоровны была создана лечебница для детей, к началу 1900-х г. через нее прошли 1085 маленьких пациентов [7, с. 25].

По данным диссертации петербургского врача А.И. Зеленецкого к 1908 г. в столице от 20 % до 30 % детей имели ослабленное здоровье и нуждались в более гигиенических условиях проживания, способствовавших выздоровлению. Так у 15–43 % детей наблюдалось развитие туберкулёза наружных лимфатических узлов [8, с. 33]. Отсутствие должных санитарно-гигиенических условий в средней и бедной городской семье способствовало распространению болезней (чахотке, золотухе, малокровию). Опыт второй половины XIX в. показал, что больные туберкулезом не только легких, но и костей после переселения в пригороды столицы – Ораниенбаум, Гатчину, Петергоф, где воздух и почвы были более здоровые, – значительно улучшали свое состояние за счет правильно организованного проживания, диетического питания и местных природных условий.

В начале XX в. благотворительные организации стали активно заниматься открытием загородных учреждений для лечения и отдыха детей. Первая такая санатория была создана в 1906 г. близ станции «Дюны» (ныне не существует) в г. Сестрорецке Петербургского уезда – круглогодичный детский санаторий Е.В. Колачевской Российского общества Красного Креста (ныне санаторий «Дюны»). К 1909 г. в нем было уже 54 койки, куда принимались дети, страдающие хроническим туберкулезом, в возрасте от двух до 15 лет. С 1909 г. в нем была налажена педагогическая работа в объёме четырех классов [7, с. 25].

Близ Сестрорецка в начале XX в. располагалось еще два санатория для детей. Первый – детская санатория «Школьная платформа», куда принимались дети, «нуждавшиеся в отдыхе... и климатических условиях переутомления, после перенесенных болезней, операций и т. п., страдающих общими расстройствами питания» [цит. по: 10, с. 85]. Основными методами лечения и организации отдыха были: прогулки или лежание детей на свежем воздухе, дыхательная гимнастика, диетическое питание, гигиенические процедуры, соблюдение санитарно-гигиенических норм: чистое белье на теле и постельное в кровати [8, с. 38].

Второй – учредило в 1910 г. Общество попечения о бесприютных детях в соответствии со своим уставом, в котором было заявлено, что «среди призреваемых, взятых из подвалов и чердаков, есть много детей – рахитиков, слабосильных и худосочных, пребывание которых круглый год на свежем воздухе чрезвычайно полезно». Впоследствии данное учреждение получило наименование «Детская санатория имени Коростовцевых» [цит. по: 5, с. 148].

В 1900-е г. в соседней Финляндии в 30–50 верстах от Петербурга появились еще два подобных заведения, первое – в Териоках (ныне г. Зеленогорск) и второе – в Куоккале (ныне п. Репино) – приморская колония для московских детей кружка школьных колоний [8, с. 38].

В 1907 г. в Царском Селе была открыта санатория для детей больных туберкулезом, лечение в которой получали дети из неимущих семей Санкт-Петербурга. Инициатором создания приюта выступил доктор Е. Андерс, его поддержал доктор К.П. Добровский, на квартире которого восемью годами ранее – 4 мая 1899 г. – происходило собрание лиц, заинтересованных в создании современной круглогодичной санатории. Идея была реализована путем частных пожертвований, которые были собраны 15 благотворителями. В состав попечительского совета санатории вошли: сенатор А.А. Герке, А.А. Амбургер, доктор Н.И. Грус, Р.А. Кольбе, Ф.Ю. Шотлендер, А.А. Кизерицкий, доктор К.П. Домбровский, пастор Г.А. Гиллот, П.К. фон Кюгельген, доктор А.А. Вагнер, доктор Э.А. Гейкинг [11, с. 9–10; 15].

30 мая 1901 г. был утвержден «Устав Царскосельской санатории для детей». В нем была закреплена основная цель учреждения – «прием детей, страдающих туберкулезом костей, в особенности, если они после операции нуждаются в продолжительном дальнейшем уходе и чистом воздухе» [12, с. 1]. Основной целевой аудиторией становились дети бедных слоев петербургского населения, принимаемые бесплатно, вместе с тем часть пациентов принималась за деньги, которые шли на содержание санатории [12, с. 13].

Земля была дана в аренду совету санатории в 1899 г. по высочайшей воле императора Николая II «по левой стороне Павловского шоссе между глазной лечебницей и землей тярлевских крестьян, всего 15 участков» [13, л. 8]. Большую помощь оказывал великий князь Сергей Михайлович – покровитель санатории. Земля была отмежевана царскосельским архитектором С.А. Данини при условии, что арендаторы проведут за свой счет на участки электричество, водопровод и канализацию [13, л. 8]. С января 1904 г. по ходатайству устроителей император полностью освободил их от арендной платы в связи с издержками при прокладке коммуникаций [13, л. 24].

Участок для устройства приюта был обсажен пихтами и лиственницами, проведен дренаж и вырыто несколько канав, осушившие болотистую почву города. В результате участок, по заключению устроителей,

был «после всестороннего исследования признан благоприятно расположенным в гигиеническом отношении и вполне пригодным для санатория» [11, с. 10].

Для проживания детей в 1902 г. был построен каменный двухэтажный дом (г. Пушкин, Павловское шоссе, д. 52–56, ныне – городская больница № 38 им. Н.А. Семашко) на 50 коек по проекту военного инженера-полковника Э.Ю. Лундберга [11, с. 10]. Петербургские историки архитектуры Б.М. Кириков и А.М. Гинзберг отмечают, что этот архитектор в начале XX в. преподавал в Пажеском корпусе, состоял членом педагогической комиссии Главного управления военных учебных заведений, являлся специалистом по санитарному строительству [14, с. 198]. Эдгар Юльевич в ходе проектирования ознакомился с заграничными зданиями, предназначенными для санаториев для лёгочных больных. Идеальный вдохновитель санатории, придворный лейб-хирург, главный хирург столичной Биржевой барачной больницы доктор Ксаверий Петрович Домбровский совершил несколько поездок в Европу для «осмотра подобных учреждений с целью привнести их достижения для русской почвы» [11, с. 10]. Основную финансовую помощь в ходе строительства оказал доктор А.А. Амбургер [15, с. 235].

К дому примыкала обширная терраса, на которой пациенты могли заниматься физическими упражнениями, гулять и играть. Для детей, не имевших возможности двигаться (туберкулёз костей), были устроены стеклянные галереи, где они могли в дневное время зимой и летом лежать, а на ночь сестры милосердия перевозили их на кроватях с колесиками в теплые спальни [11, с. 10–11]. Царскосельский краевед Г.В. Семенова, описывая архитектурный облик зданий в 2010 г., подчеркивала, что открытые галереи для лежания детей на свежем воздухе располагались со стороны западного торцового фасада, ориентированные на Павловское шоссе и по сторонам ризалита на южном фасаде [6, с. 170]. К зданию примыкал обширный сад, в котором был выкопан пруд, в зимнее время по его ледяной поверхности дети могли кататься на коньках [11, с. 11].

Рядом с двухэтажным главным зданием санатории было построено одноэтажное здание – карантинный дом, где вновь прибывшие пациенты находились до 14 дней. Это предохраняло детей санатории с ослабленной иммунной системой от заболеваний: кори, дифтерита или скарлатины. Когда ребёнок заболел, то его изолировали от других детей и помещали в изоляционную станцию при главном здании, а если требовалась специальная медицинская помощь, то его переводили в одну из петербургских городских больниц. Для недопущения заноса заболеваний через посетителей родителям детей и благодетелям выдавались обеззараженные халаты, до и после посещения больных обрабатывали руки водой с мылом [11, с. 11].

Тщательно была продумана система очистки сточных вод – канализация санатория, дабы не допустить заражение туберкулезной палочкой жителей и гостей города, она проходила очистку по «шведеровской системе». Сточная вода поступала в подземные бассейны, где подвергалась анаэробному гниению, после чего пропусклась через окислительные фильтры, где происходила реакция нейтрализации палочки кислотой в органическом веществе. Часть очищенной воды поступала в систему канализации Царского Села, а часть шла на поливку цветов и в аквариумы с золотыми рыбками [11, с. 11].

Во время Русско-японской войны 1904–1906 гг. финансирование устройства санатория остановилось. Здания были переданы в распоряжении императрицы Александры Федоровны для устройства военного лазарета для офицеров и нижних чинов. В 1906 г. территория и постройки были возвращены правлению санатории с построенными за эти два года служебными домами [15, с. 235].

Официально санаторий был открыт в 1907 г. В него принимали детей от двух до 15 лет, страдающих костным туберкулезом. В первый год нормальной работы из 59 больных детей 28 были выписаны, что свидетельствует о высокой эффективности методов лечения [15, с. 236]. К 1913 г. санаторий располагал 70 койками, из которых 35 были бесплатные. В санатории имелись рентгеновский кабинет и операционная [7, с. 25].

В своем путеводителе посетивший это заведение царскосельский историк-краевед С.Н. Вильчковский так описывал санаторию: «Пациенты в санатории подвергаются главным образом лечению гигиеническому и диетическому, причем особенное внимание обращается на то, чтобы дети возможно больше дышали свежим воздухом» [15, с. 236].

Основными источниками финансирования ежегодной деятельности являлись благотворительные пожертвования, доходы от лотерей, базаров и концертов в пользу санатории, а также сборы созданного при ней дамского комитета. Председателем правления к началу Первой мировой войны были Г.Г. Гильзе фон дер Пальс, начальником – О.М. Витушкина, директором состоял бывший врач Императорского воспитательного дома, доктор Н.И. Груз, врачом – Э.К. Фишер [6, с. 169]. Вследствие финансовых проблем военного времени деятельность санатории комитетом общества была прекращена к 1917 г.

К 1913 г. В Российской империи насчитывалось около 60 противотуберкулезных санаториев, что свидетельствует о внимании государства и общества к решению этой городской проблемы, вызванной низким санитарно-гигиеническим уровнем жизни и проблемами загрязненности воздуха и воды [8, с. 38]. В них практиковался диетический режим питания и физиотерапия.

На рубеже XIX – начала XX в. в Санкт-Петербургской губернии создаются в основном частными лицами и обществами благотворителей

детские санатории для детей с туберкулезом органов дыхания и костей. К началу XX в. на основе анализа, медицинского и педагогического опыта, накопленного с 1870-х г., были разработаны санитарно-гигиенические требования к устройству подобных учреждений. На базе этого опыта осуществляла свою деятельность царскосельская санатория. В ней учитывались нормы, предполагавшие заботу не только о пациентах, но и об окружающем населении, которое через канализацию и контакты с детьми могло переносить туберкулезную палочку и другие болезни (корь, золотуху, скарлатину). В начале XX в. формулируются нормы детской гигиены (чистота помещений и одежды), диетическое питание, обосновывается влияние свежего воздуха и чистой питьевой воды на процесс выздоровления организма.

Список литературы

1. Дейч Б.А. Внешкольная работа с детьми в России на этапе становления (конец XIX – начало XX веков): историко-педагогический анализ // Сибирский педагогический журнал. – 2012. – № 5. – С. 224–230.
2. Тишкина К.А. Организация летнего досуга для детей низших слоев населения в Российской империи // Российская повседневность XIX–XX вв.: материалы Всерос. науч. конф. – Пермь, 2016. – С. 129–135.
3. Дорохова Т.С. Организация детского летнего отдыха в Пермской губернии конца XIX – начала XX в. // Педагогическое образование в России. – 2017. – № 5. – С. 33–39.
4. Веремеенко В.А. Летний организованный оздоровительный отдых городских школьников в России на рубеже XIX–XX в. // Столица и провинции: проблемы взаимоотношений центра и регионов в истории России: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. В.В. Карпова. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2018. – С. 51–57.
5. Здравоохранение Петербургской губернии: [монография] / А.Я. Гриненко и др. – СПб.: Гиппократ, 2004. – 366, [1] с.
6. Семенова Г.В. Царское Село знакомое и незнакомое. 3-е изд., доп. – М.: Центрполиграф; СПб., 2010. – 38, [1] с.
7. Туберкулез органов дыхания: руководство для врачей / Браженко Н.А. и др.; под ред. Н.А. Браженко. – СПб.: СпецЛит, 2011. – 367 с.
8. Браженко Н.А., Браженко О.Н. Фтизиатрия: учебник для вузов. 3-е изд., пер. и доп. – М., 2021. – 736 с.
9. Зеленецкий А.М. О заграничных и русских летних школьных колониях: (Их развитие, соврем. состояние и влияние на физ. развитие детей): дис. на степ. д-ра мед. А.М. Зеленецкого / при Акад. клинике дет. болезней проф. Н.П. Гундобина. – СПб.: Тип. И.В. Леонтьева, 1908. – [4], 180, XIX с.
10. Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия: в 3 т. / гл. ред. В.В. Яковлев. – СПб.: Фак. Филологии и искусств СПбГУ, 2008. – Т. 2. Девятнадцатый век. – Кн. 6: С–Т. – 1072 с.
11. Царскосельский санаторий для детей: исторический очерк. – СПб., 1902. – 15 с.
12. Царскосельский санаторий для детей. Устав Царскосельской санатории для детей: утв. 30 мая 1901 г. –[СПб., 1901. – 8 с.
13. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 468. Оп. 15. Д. 276.

14. Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX – начала XX века: справочник / авт.-сост. А.М. Гинзбург, Б.М. Кириков; под общ. ред. Б.М. Кирикова. – СПб.: Пилигрим, 1996. – 395, [2] с.

15. Вильчковский С.Н. Царское Село: Путеводитель. – СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, [1910]. – [4], 277 с.

References

1. *Dejch B.A. Vneshkol'naya rabota s det'mi v Rossii na etape stanovleniya (konec XIX – nachalo XX vekov): istoriko-pedagogicheskij analiz* [Extracurricular work with children in Russia at the stage of formation (late XIX – early XX centuries): historical and pedagogical analysis] // *Sibirskij pedagogicheskij zhurnal* [Siberian Pedagogical Journal]. – 2012. – № 5. – P. 224–230 (In Russ.)

2. *Tishkina K.A. Organizaciya letnego dosuga dlya detej nizshih sloev naseleniya v Rossijskoj imperii* [Organization of summer leisure for children of the lower strata of the population in the Russian Empire] // *Rossijskaya povsednevnost' XIX–XX vv. materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii* [Russian everyday life of the XIX–XX centuries. materials of the All-Russian scientific conference]. – Perm', 2016. – P. 129–135. (In Russ.)

3. *Dorohova T.S. Organizaciya detskogo letnego otdyha v Permskoj gubernii konca XIX – nachala XX v* [Organization of children's summer holidays in the Perm province of the late XIX - early XX century] // *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Pedagogical education in Russia]. – 2017. – № 5. – P. 33–39. (In Russ.)

4. *Veremenko V.A. Letnij organizovannyj ozdorovitel'nyj otdyh gorodskih shkol'nikov v Rossii na rubezhe XIX–XX v.* [Summer organized recreational recreation for urban schoolchildren in Russia at the turn of the 19th–20th centuries] // *Stolica i provincii: problemy vzaimootnoshenij centra i regionov v istorii Rossii. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem* // [Capital and provinces: problems of relations between the center and regions in the history of Russia. Proceedings of the All-Russian scientific conference with international participation]. Otv. Red. V.V. Karpova. – SPb.: LGU im. A.S. Pushkina, 2018. – P. 51–57. (In Russ.)

5. *Y.A. Grinenko i dr. Zdravoohranenie Peterburgskoj gubernii: [monografiya]* [Health care of the Petersburg province: [monograph]]. – SPb.: Gippokrat, 2004. – 366, [1] p. (In Russ.)

6. *Semenova G.V. Carskoe Selo znakomoe i neznakomoe* [Tsarskoe Selo familiar and unfamiliar]. Izd. 3-e, dop. – M.: Centrpoligraf; SPb., 2010. – 38, [1] s. (In Russ.)

7. *Brazhenko N. A. i dr. Tuberkulez organov dyhaniya: rukovodstvo dlya vrachej* [Tuberculosis of the respiratory organs: a guide for doctor]. pod red. N. A. Brazhenko. – SPb.: SpecLit, 2011. – 367 p. (In Russ.)

8. *Brazhenko N.A., Brazhenko O.N. Ftiziatriya. Uchebnik dlya vuzov* [Phthiology. Textbook for high schools]. – 3-e izd., per. i dop. – M., 2021. – 736 p. (In Russ.)

9. *Zeleneckij A.M. O zagranichnyh i russkih letnih shkol'nyh koloniyah: (Ih razvitie, sovrem. sostoyanie i vliyanie na fiz. razvitie detej): Dis. na step. d-ra med. A.M. Zeleneckogo. Pri Akad. klinike det. boleznej prof. N.P. Gundobina* [About foreign and Russian summer school colonies: (Their development, modern state and influence on the physical development of children): Dis. on the step Dr. med. A.M. Zelenetsky. At Acad. clinic det. diseases prof. N.P. Gundobin]. – SPb.: tip. I.V. Leont'eva, 1908. – [4], 180, XIX p. (In Russ.)

10. *Tri veka Sankt-Peterburga. Enciklopediya v 3 t.* [Three centuries of St. Petersburg. Encyclopedia in 3 volumes]. gl. red. V. V. YAkovlev. – SPb.: Fak. Filologii i iskusstv SPbGU, 2008. – T. 2. Devyatnadcatyj vek [V. 2, Nineteenth century]. Book. 6: S–T. – 1072 p. (In Russ.)

11. *Carskosel'skij sanatorij dlya detej. [Istoricheskij ocherk]* [Tsarskoye Selo sanatorium for children. [Historical essay]]. – SPb., 1902. – 15 p. (In Russ.)
12. *Carskosel'skij sanatorij dlya detej. Ustav Carskosel'skoj sanatorii dlya detej: [Utv. 30 maya 1901 g]* [Tsarskoye Selo sanatorium for children. Charter of the Tsarskoye Selo sanatorium for children: [Approved. May 30, 1901]]. – SPb., 1901. – 8 p. (In Russ.)
13. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archive].* F. 468. Op. 15. D. 276. (In Russ.)
14. [avt.-sost. A.M. Ginzburg, B.M. Kirikov]. *Arhitektory-stroiteli Sankt-Peterburga serediny XIX – nachala XX veka: Spravochnik [Architects-builders of St. Petersburg in the middle of the 19th - early 20th centuries: A Handbook] / pod obshch. red. B.M. Kirikova.* – SPb.: Pilgrim, 1996. – 395, [2] p. (In Russ.)
15. Vil'chkovskij S.N. *Carskoe Selo: Putevoditel' [Tsarskoye Selo: Guide].* – SPb.: T-vo R. Golike i A. Vil'borg, [1910]. – [4], 277p. (In Russ.)

С.В. Любичанковский

**«Все мы родом из детства...»:
отражение детских лет в личном дневнике
почетного гражданина Оренбурга Л.Н. Большакова**

В статье на основании источников личного происхождения (дневника, писем, автобиографических произведений) реконструируется рефлексия по отношению к собственному детству одного из ярких мыслителей второй половины XX в. – почетного гражданина г. Оренбурга, заслуженного деятеля науки России, заслуженного деятеля культуры Украины Леонида Наумовича Большакова. Раскрыты основные вехи его детства и юности на довоенной Черниговщине, названы его учителя и друзья этих лет, восстановлены переживания, касающиеся школьных лет обучения, досуга. Важными являются данные о роли творчества в учебном и внеучебном процессе довоенной советской школы: литературного кружка, театральных и музыкальных собраний. Освещена роль и место науки (в первую очередь философии) в иерархии ценностей довоенного школьника. Показано влияние полученных в детстве впечатлений и жизненного опыта на всю последующую жизнь Леонида Наумовича Большакова, его творческую и научную карьеру.

Ключевые слова: дневники, Леонид Наумович Большаков, повседневная жизнь, история детства, юность.

Sergei V. Lyubichankovskiy

**“We all come from childhood...”:
reflection of childhood in the personal diary
of the honorary citizen of Orenburg L.N. Bolshakov**

The article reconstructs the reflection of childhood of one of the brightest thinkers of the second half of the 20th century, honorary citizen of the city of Orenburg, honored worker of science of Russia, honored worker of culture of Ukraine Leonid Naumovich Bolshakov on the basis of sources of personal origin (personal diary, letters, autobiographical works). The main milestones of his childhood and youth in the pre-war Chernihiv region are revealed, his teachers and friends of these years are named, experiences related to school years of study and leisure are restored. Important materials are presented about the role of creativity in educational and extracurricular process of the pre-war Soviet school: literary coterie, theater and music meetings. The role and place of science (first of all, philosophy) in the hierarchy of values of pre-war schoolchild is highlighted. The influence of impressions and life experience received in childhood on the whole subsequent life of Leonid Naumovich Bolshakov, his creative and scientific career is shown.

Key words: diaries, Leonid Naumovich Bolshakov, everyday life, childhood history, youth.

Со строк, вынесенных в заголовок статьи, начинается хранящееся в экспозиции Черниговского исторического музея письмо от 4 июля 1981 г., в котором оренбургский писатель и ученый Леонид Наумович Большаков¹, обращаясь к землякам, пишет: «Все мы родом из детства, из юности. То, что заложено тогда, дороже дорогого».

Для меня, как для ученика Александра Ивановича Репинецкого, эта фраза имеет свое измерение. Александр Иванович в моей жизни появился именно в моем юном возрасте как ученого, когда я дописывал свою первую диссертацию. И те уроки доброжелательности, искреннего желания поддержать и помочь, те примеры обаятельного общения, полного мудрых мыслей и выверенных остроумных характеристик, с тех пор для меня эталон. Я очень уважаю и люблю руководителей дипломной работы и кандидатской диссертации, но именно профессор А.И. Репинецкий стал в моей судьбе настоящим Учителем. Своих учеников, да и вообще коллег, я стараюсь теперь воспринимать сквозь призму вопроса «А как бы на моем месте поступил Александр Иванович?» И это действительно очень помогает в жизни. Сегодня, в год семидесятилетия Александра Ивановича Репинецкого, одного из ведущих российских специалистов, в том числе и в истории повседневности, эту статью я посвящаю ему.

Для Леонида Наумовича Большакова период детства и юности на самом деле вместил только годы детства и отрочества, и будущий писатель покинул его, едва перешагнув семнадцатилетний рубеж – в июне 1941 г., однако, как сказал в одном из интервью, именно в Чернигове он «впервые ощутил дыхание истории и трепет исследователя» [1]. Однако о черниговском периоде жизни Л.Н. Большакова известно немного: скупые строки на страницах некоторых его книг, несколько дневниковых записей и то, о чем сам он рассказывал в интервью разных лет. В предлагаемой статье мы предпринимаем попытку реконструировать память о детстве Леонида Наумовича Большакова, почетного гражданина г. Оренбурга.

В истории повседневности, как научном направлении, всегда отводилось значительное место разным этапам взросления человека. Детство не стало исключением, и в настоящее время эта проблематика имеет обширную историографию [2–11].

Строки о поре становления писателя-литературоведа Л.Н. Большакова остались на страницах нескольких его книг, разбросаны по газетным статьям и интервью; кроме того, в нашем распоряжении есть его личные дневники с «неприглаженными», разрозненными воспоминаниями. Собранные вместе названные источники позволяют утверждать, что Леонид Наумович Большаков определился с выбором жизненного

¹ Большаков Леонид Наумович (1924–2004) – писатель-литературовед, заслуженный деятель науки России, лауреат Государственной премии Украины им. Т.Г. Шевченко, почетный гражданин Оренбурга.

пути практически с детства и строки из первого тома его трилогии «Быль о Тарасе»: «чуть не с детства газета была моим светом в оконце, моим призваньем и предназначением» [12] – это отнюдь не преувеличение.

Раннее детство будущего писателя, а тогда Лени Грейсермана¹, прошло в небольшом городке Черниговской области Сновске. «Оказывается, городом он стал в год моего рождения. В моих глазах город большой, а по энциклопедии всего 9 тыс. жителей», – записал он в своем дневнике 9 января 1984 г. В фильме, снятом по роману А. Рыбакова «Тяжелый песок», можно увидеть город на экране (создатели фильма рассказывали, что реконструировали для съемок четыре улицы старого Сновска). (В 1935 г. город переименовали в честь героя-земляка Н.А. Щорса, но в 2016 г. ему вернули прежнее имя.)

В дневнике есть воспоминание из раннего детства. Оказавшись в родном городе, Леонид Наумович пишет: «...Я увидел дом, в котором некогда (как давно уже) появился на свет и прожил шесть или семь лет. Удивительно, что сам как бы узнал его – остановился перед домом рядом. Конечно, „мой“ дом не такой, каким был в воспоминаниях детства, особенно двор не такой – не ухожен, запущен. Но осталась бывшая „копильня“, источавшая ароматы колбасные, остался монументальный погреб, в коем Виктор Петрович Безлер хранил плоды рук своих, своего искусства колбасника...» [13, 24 ноября 1984].

Насколько же крепка память ребенка, если спустя полвека он узнал дом, где родился и даже запах вспомнил! (Кстати работники Сновской библиотеки гордятся своим земляком, его имя включено в справочник «Им Сновщина крылья дала» и прислали нам фотографию дома – С.Л.)

В школу Леонид пошел уже в Чернигове. В его дневнике – всего несколько штрихов – воспоминаний о школьной поре.

- Вдруг вспомнился Чернигов, кинотеатр Щорса (?), сцена и на ней Ноня (Леня), сольно декламирующий (мелодекламация под музыку) «песню о Мише Гордиенко». Слыл чуть ли не артистом. И это мне нравилось [13, 14 сентября 1997 г.].

С улыбкой вспоминает автор дневника рассказ мамы о своем толстенном, вечно набитом книгами портфелем, и записывает в дневнике: «Что было в этом портфеле? Главным образом... философия. Книги вряд ли читал, но брал исправно, лелея мысль написать популярную книгу о премудрой науке. Помню исходную мою позицию: в школьном обиходе часто можно услышать употребление „философа“ вместо „дурака“, так это же неправильно, философия это вот что... Произведение дальше этого глубокомысленного рассуждения не продвинулось. Почтение к философии сохранялось долго...» [13, 5 февраля 1984 г.].

А вот запись проникнута чувством... вины.

¹ Эту фамилию он носил с рождения. Фамилия Большаков с 1954 г. была псевдонимом и стала паспортной в 1962 г.

- По какой-то ассоциации вдруг вспомнилось давнее (и, оказывается, саднящее). Дело было в шестом-седьмом классе. Яша Менделевич был включен в список в группу для поездки по чеховским местам (в Ялту?). Меня не включили (все зависело от способности профсоюза отца уплатить за путевку). Было обидно и... по просьбе мамы оставили поездку Яши. Кто мог подумать, что для него то была последняя возможность увидеть море, юг, Чехова – погиб на войне. Я же езжу сколько хочу и – всюду [13, 18 февраля 1986 г.]. Удивительно, но уже шестидесятилетний автор дневника помнил даже фамилию своего одноклассника. На сайте «Память народа» есть информация, что уроженец Чернигова сержант 13-й танковой бригады Яков Гдалеевич Менделевич (1923–1942) погиб 23.06.1942 г. [16].

Воспоминание о школьных годах вызвала прочитанная в «Литературной газете» заметка о земляке-черниговце, «дважды академике, медицинском чародее, открывателе новых методов – в общем светиле». Автор дневника пишет: «Петеляко – это имя из моего детства. Вспоминаю верзилу, который за „подаренный” мне игрушечный пистолет ... месяц или больше ел мои завтраки, приготовленные мамой. Кем он доводится тому Петеляке – школьному вымогателю?» [13, 15 апреля 1995 г.]

Мемуарные записи в дневнике подчас появлялись ассоциативно, в связи с внуками.

«...Узнаю в нем себя того же возраста. Чернигов, библиотека: „Снова книги по истории философии?” Набирал то, что мало понимал, или не понимал вовсе, возвращал нечитанным, но брал снова – портфель за портфелем, пачка за пачкой» [13, 8 августа 1994 г.].

Трудно сказать, откуда появилась у ребенка тяга к чтению. Отец, по словам Леонида Наумовича, «всю жизнь работал на земле и в заготовительных пунктах» [14, с. 3], его почерк на обороте фотографии напоминает каракули; мать и вовсе была неграмотной. Так что с уверенностью можно сказать о том, что интерес к литературным занятиям разбудила и укрепила школа, да еще кружок при Доме пионеров.

С благодарностью вспоминает он на страницах книги «Иду к источнику» [15] свою учительницу литературы Раису Львовну Кабалюк, впервые познакомившую с творчеством Пушкина, Шевченко, Коцюбинского; рассказывает о литературном кружке черниговского Дома пионеров, о литературном объединении при областной газете «Большевик», о первых своих литературных наставниках, на которых юный журналист хотел походить.

Названная выше книга вышла на украинском языке, однако в 2013 г. мы опубликовали автобиографическую главу из нее в оригинале. Читаем: «Многие книги, составлявшие мою первую, в войну погибшую, библиотеку, родились в Чернигове или им были навеяны. Я тоже хотел его воспеть, и первый мой опыт был посвящен прекрасной и гордой

княжне Цорне или Чорне, с которой, по одному из преданий, связано само название города. Литературно-музыкальный монтаж – труд коллективный – увидел, как говорится, „свет рампы” на сцене Дворца пионеров, а одна из песен, которую написал на мои слова очень способный музыкант Александр Давыдов, исполнялась отдельно и даже по радио: „Ой, ти, пісня сумная, пісня щира, дівоча...” Какое-то время считал я себя поэтом – стихи были о нем же, о Чернигове; некоторые печатались» [17, с. 16].

- Помню, как стоял в очереди за «Пионерской правдой» со своей заметкой. От нее там осталось 6–7 строк без заголовка, и даже, кажется, с ошибкой в фамилии, – рассказывал в интервью Л.Н. Большаков [18].

Таким образом, первые публикации появились, когда автору было 14–15 лет. Об одной из них напоминает письмо И. Давыдова от 12 июля 1973 г. Отправляя другу свою статью «Тетрадь деда Киселя», он пишет:

«Это о Седневе!¹ О том самом Седневе, о котором ты писал в статье „Тимуровцы”. А знаешь ли ты, Леня, что среди тех 100 пионеро-тимуровцев, что вышли на поля колхоза „Большевик” в те грозные дни начала войны, был и вожатый третьего отряда Иосиф Давыдов? ...А Бобка Лысин, о котором ты писал в статье погиб – сгорел в танке на Курской дуге в 43-м...»

Кружок при Доме пионеров положил начало не только исследовательской работе, но и дружеским связям. Упомянутые в заметках «юные литераторы» Иосиф Давыдов и Борис Непомнящий оставались друзьями и следующие полвека. Первый практически всю жизнь жил в Чернигове, второй после войны «осел» в Ленинграде, работал в «Ленинградской правде», преподавал в ЛГУ.

Друзья встречались нечасто, но в личном архивном фонде Леонида Наумовича сохранилось множество писем, свидетельствующих о непрекращающейся дружбе и взаимной привязанности. Много нежных строк о друзьях есть и в дневниках разных лет.

- Нас с ним свел, кажется, литкружок Дворца пионеров в Чернигове. Дружба была на сугубо литературной почве, он был «шустрее» в плане ухаживания за девчонками, писал им смелые стишки... Помню один акростих, вертикаль первых букв которого складывалось в слово, смысл которого мне был понятен сугубо теоретически, – записал Леонид Наумович в своем дневнике 22 августа 1985 г., узнав о скоропостижной смерти друга детства. Никогда не терялась связь и с Иосифом Ильичом Давыдовым (Оськой, как он его называл). Друзья встречались и в Чернигове, и в Киеве, переписывались, были в курсе дел друг друга [19].

«Как самое дорогое унес я, оставляя родной город, ... тончайшую подшивку первых опубликованных статей и заметок – об Успенском, о Коцюбинском, о памятниках писателям-землякам, о книжных новинках», – писал он в опубликованной нами главе «Несколько страниц под конец».

¹ Небольшой городок в 2025 км. от Чернигова.

Эта солидно, как настоящее архивное дело, оформленная папка хранится в настоящее время в личном архивном фонде Л.Н. Большакова в ОГАОО [20]. На ее обложке каллиграфическим почерком выведено: «Леонид Грейсерман. Литературно-критические статьи, опубликованные в разных газетах». В этой папке обстоятельный многостраничный рукописный доклад о творчестве И. Эренбурга и те самые «литературно-критические статьи», являющиеся на самом деле небольшими газетными публикациями из украинских газет «Большевик» и «Литературная газета»: рецензии на книги земляков, заметки о творчестве Глеба Успенского и Михаила Коцюбинского. В той же папке сохранились вырезки из «Комсомольской правды» и «Юного пионера», в которых корреспондент, рассказывая о работе литературного кружка черниговского Дома пионеров называет его имя и имена друзей. Так, в заметке «Юные литераторы» сообщается, что с весны 1940 г. группа кружковцев занялась изучением литературного прошлого Чернигова, работала над материалами исторического музея и исторического архива. «Это позволило, – читаем в газете, – добиться немалых результатов. Так, ученик 10 класса Л. Грейсерман сделал два доклада: „Учеба Г. Успенского в Черниговской гимназии” и „Глеб Успенский и Михайло Коцюбинский”; ученик 9 класса И. Давыдов сделал доклад на тему: „Болдина гора – Черниговский некрополь”, ученик 10 класса Борис Непомнящий работает над докладом „Михайло Коцюбинский и Иван Франко...” (Юный пионер, 27 декабря 1940 г.)

Примерно о том же читаем в заметке из «Комсомольской правды» «Изучают историю родного края», в ней отмечено, что на вечере «История Чернигова» «яркий, содержательный доклад прочитал юный исследователь Леонид Грейсерман, который подробно остановился на пребывании в Чернигове великого русского поэта А.С. Пушкина, писателя Глеба Успенского» (Комсомольская правда, 8 февраля 1941 г.).

О том, сколь памятны были начинающему исследователю его первые литературные находки, говорит то, что спустя годы в газетной статье с говорящим названием «Это – на всю жизнь» [21, с. 3] пятидесятилетний писатель пишет: «И вспомнилось все: первый поход в областной архив, первая встреча со старыми документами, первый трепет поисков и находок...» Подумать только: три с половиной десятилетия прошло, а автор помнил, с каким интересом читал «кондуиты» с записями о проступках гимназистов, запись в журнале педагогического совета о том, что учащиеся шестого класса (в котором и учился Глеб Успенский) изъявили желание издавать рукописный журнал «Молодые побеги» и помещать в нем статьи собственного сочинения и переводы. Не помню, чтобы литературовед Л.Н. Большаков публиковал какие-то материалы о Глебе Успенском, хотя в заметках писателя «Это – на всю жизнь» он рассказывает, что отыскал собственноручное сочинение будущего автора «нравов Растеряевой улицы». Каникулы перед десятым

классом навсегда поселили страсть к «литературному следопытству» – читаем в упомянутой статье. О том же говорит и дневниковая запись: «Первым моим архивным шагам уже пятьдесят восемь или пятьдесят девять лет (1939–1940), а первый архивный дом был в Чернигове. Даже дома: музей, архив и церковь на Валу с архивными карточками на языках, запиской Горького и др. Счастливое время...» (27 мая 1998 г.)

«Разве сам по себе стал на путь поиска я! Нет, наставили меня на него старшие товарищи – навсегда дорогие сердцу учителя», – читаем в той же автобиографической главе «Несколько слов под конец» [17, с. 17].

С благодарностью пишет он о заинтересованном внимании к своей работе товарищей и по кружку, и по литобъединению, которое работало при черниговской областной газете «Більшовик». «Мы, кружковцы, – вспоминал Л.Н. Большаков, – посещали его исправно – поначалу робея, а потом уже и без особой робости, почти на равных. Нас знали, к нам приглядывались, и когда после смерти отца, в шестнадцать, я оказался вынужденным перейти из дневной школы в вечернюю, работать мне предложили в редакции. Должность, понятно, была скромной, технической, но сознание ежедневной причастности к рождению газеты – что могло радовать больше?» [17, с. 17]

Слова благодарности о другом черниговском учителе – Г.А. Назарьяне – встречаем в книге Леонида Наумовича «74 дня перед бессмертием»: «Внешность его: высокий, мужественный, благородный во всех движениях. Речь его: удивительно красивую, музыкальную русскую речь. И имя отчество: Гамлет Аркадьевич. Встречать Гамлета Аркадьевича приходилось в библиотеке, где мы просиживали целые вечера, иногда в нашем литкружке, во время обсуждения собственных виршей. Кто-кто, а он не прощал нам ни одной неправильности в языке. До сих пор, затрудняясь поставить правильно ударение, его вспоминаю. Прошло же четыре с лишним десятилетия!» [22, с. 85–86].

Эталоном писателей-искателей стали для подростка работавшие в редакции газеты Михаил Хазан и Олекса Десняк. Они стали первыми наставниками начинающего исследователя. Процитируем восторженные строки, посвященные М. Хазану: «Поиском, бесконечным поиском жил Хазан. О чем бы он ни писал, собственно литературной работе неизменно предшествовала искательская». Огромное впечатление произвел на начинающего литературоведа рассказ М. Хазана об удивительной находке: «в одном из сел Остеровского района на Черниговщине ему посчастливилось отыскать архив известного в Чувашии поэта Миши Сеспеля, который оказался на Украине в первые годы после Октябрьской революции и тут от тяжелой болезни умер – то было в 1922-м. По листочкам собирал Хазан рукописи рано угасшего сына чу-

вашского народа, по крупицам – воспоминания тех, кто его знал. И с какой гордостью носил рубашку, вышитую ему в подарок матерью Миши!» [22, с. 17–18].

О Михаиле Хазане Л.Н. Большаков вспоминал и в 1988-м, прочитав небольшую заметку о нем:

«В Информационном бюллетене СП СССР (№ 5) статья о М. Хазане. Считаю его первейшим своим учителем, хотя, кажется, уроков он мне не давал. Задумался: а ведь я работал под его началом, когда ему было до тридцати» (28 июня 1988 г.). Есть упоминание о М. Хазане и 18 мая 2002 г.: «Вдруг увидел „Новеллы” Мих. Хазана – томик 53-летней давности. Я видел в нем литературного кумира и образец для подражания. Светлая память, Михаил Давидович, мой первый мэтр...»

Из вложенной в дневник заметки ясно, что М. Хазан работал зам. главного редактора черниговской газеты «Большевик», был к тому времени уже достаточно известным писателем и, будучи по состоянию здоровья невоеннообязанным, ушел в партизанский отряд, где и погиб.

«Не помню, чтобы Олекса Десняк или Михаил Хазан вели со мной какие-то беседы или наставляли на „путь истинный”, все ж именно им благодарен я, прежде всего за веру свою в поиск, за увлеченность им» [22, с. 17], – написал он в своей книге много лет спустя, именно они показали подростку пример кропотливой работы по поиску неизвестных фактов, скрупулезного изучения исторических документов.

Как видим, годы детства и отрочества Л.Н. Большакова во многом определили жизненный путь писателя и ученого, вписавшего заметный вклад в историю литературы, и его строки из письма к землякам о том, «что заложено тогда, дороже дорогого», подтверждаются его собственной жизнью.

Список литературы

1. Большаков Л.Н. Слово к оренбуржцам // Оренбуржье. – 2003. – 20 июля. – С. 2.
2. Безрогов В.Г. История детства, увиденная вновь ее творцами и участниками (воспоминания о детстве как источник по его истории) // Историко-педагогический ежегодник. – 2013. – № 61. – С. 262–264.
3. Ганина С.А. Феномен детства в контексте истории семьи и общества: монография. – Орехово-Зуево: [Б.и.], 2010. – 408 с.
4. Кузина А.А. История становления и развития психологии и педагогики детства // Сборник статей Международной научно-практической конференции – Уфа: ООО «Аэтерна», 2015. – С. 264–266.
5. Курбатов Р.И. Всемирная история детства // Народное образование. – 2013. – № 8. – С. 177–184.
6. Натарова А.А. История детства: воспитание детей сквозь призму // Задонские Свято-Тихоновские образовательные чтения: материалы X Междунар. форума. – Липецк: ООО «Типография Липецк-Плюс», 2015. – С. 244–245.

7. Онищенко Э.В. Мир истории педагогики и мир истории детства: диалог в образовательном пространстве современного вуза // Герценовские чтения. Художественное образование ребёнка. – 2017. – Т. 3. – № 1. – С. 16–23.

8. Рожков А.А. История советского детства // Вестник пермского университета. История. – 2013. – № 2(22). – С. 107–109.

9. Ромашова М.В. История детства и история педагогики: к вопросу о междисциплинарном взаимодействии // Педагогика детства: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Соликамск: [Б.и.], 2015. – С. 139–142.

10. Слезин А.А. История детства: "открытие" повседневной жизни // Научный диалог. – 2019. – № 8. – С. 422–428.

11. Ушкова Д.Ю. История детства: проблемы дефиниции и отношения к феномену в историческом контексте // Материалы XIV межвузовской научно-практической конференции студентов и молодых ученых "Молодежь и образование XXI века". – Ставрополь: СГПИ, 2017. – С. 123–125.

12. Большаков Л.Н. Быль о Тарасе. – М.; Оренбург: Евразийск. торг.-пром. компания "Кора", 1993. - Кн. 1: Яман Кала. – С. 101–184.

13. Семейный архив Т.Л. Большаковой. Дневник Л.Н. Большакова.

14. Большаков Л.Н. О себе // Повести о поисках и обретениях. – М.: Рус. книга, 2000. – С. 3–19.

15. Большаков Л.Н. Иду к источнику. – Киев: Веселка, 1979. – 272 с. (на укр. яз.).

16. Память народа: электронный банк документов периода Великой Отечественной войны. – URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial_chelovek_kartoteka_memorial1914236574/?backurl=%2Fheroes%2F%3Fadv_search%3Dy%26last_name%3DМенделевич%26first_name%3DЯков%26middle_name%3DГдалевич%26date_birth_from%3D%26static_hash%3D6b026ec647ef6b318c42827c0eb5b1f8v2%26data_vibitiya_period%3Don%26group%3Dall%26types%3Dpamyat_commander%3Anagrady_nagrad_doc%3Anagrady_uchet_kartoteka%3Anagrady_ubilein_kartoteka%3Aadv_kart_in%3Aadv_kart_in_inostranec%3Apamyat_voenkomat%3Apotery_vpp%3Apamyat_zsp_parts%3Akld_ran%3Akld_bolezn%3Akld_polit%3Akld_upk%3Akld_vmf%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_utochenie_potery%3Apotery_spiski_zahoroneniy%3Apotery_voennoplen%3Apotery_iskluchenie_iz_spiskov%3Apotery_kartoteki%3Apotery_rvk_extra%3Apotery_isp_extra%3Asame_doroga%26page%3D1%26grouppersons%3D1& (дата обращения: 04.02.2022).

17. Большаков Л.Н. Несколько страниц под конец... // Шестые Большаковские Чтения. Культура Оренбургского края: история и современность: науч.-образовательный и культурно-просветительный альманах / науч. ред. С.В. Любичанковский. – Оренбург: ООО «Агентство «Пресса», 2013. – С. 15–19.

18. Баженова О. Леонид Большаков: «Я всегда лечусь работой» // Оренбургское время. – 1999. – 8 янв. – С. 4.

19. Большакова Т.Л., Любичанковский С.В. Леонид Большаков: на связи с миром и людьми [Электронный ресурс]: монография. – М.: ФЛИНТА, 2016. – 493 с. URL: <https://e.lanbook.com/book/89871>.

20. Объединенный государственный архив Оренбургской области. Ф. 2919.

21. Большаков Л.Н. Это – на всю жизнь // Комсомольское племя. – 1974. – 19 марта. – С. 3.

22. Большаков Л.Н. Оренбургские эскизы // 74 дня перед бессмертием, или Последняя командировка Ваана Терьяна. – Ереван: Айястан, 1990. – С. 34–41.

References

1. Bolshakov L.N. Slovo k orenburzhcam [A word to the Orenburgers] // *Orenburzh'e* [Orenburg region]. – 2003. – 20 iyulya. – S. 2.
2. Bezrogov V.G. *Istoriya detstva, uvidennaya vnov' ee tvorcami i uchastnikami (vospominaniya o detstve kak istochnik po ego istorii)* [The history of childhood, seen again by its creators and participants (memories of childhood as a source for its history)] // *Istoriko-pedagogicheskij ezhegodnik* [Historical and Pedagogical Yearbook]. – 2013. – № 61. – S. 262–264.
3. Ganina S.A. *Fenomen detstva v kontekste istorii sem'i i obshchestva: monografiya* [The phenomenon of childhood in the context of the history of family and society: monograph]. – Orekhovo-Zuevo: [B.i.], 2010. – 408 s.
4. Kuzina A.A. *Istoriya stanovleniya i razvitiya psihologii i pedagogiki detstva* [The history of the formation and development of psychology and pedagogy of childhood] // *Sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference] – Ufa: OOO «Aeterna», 2015. – S. 264–266.
5. Kurbatov R.I. *Vsemirnaya istoriya detstva* [World History of Childhood] // *Narodnoe obrazovanie* [Public Education] – 2013. – № 8. – S. 177–184.
6. Natarova A.A. *Istoriya detstva: vospitanie detej skvoz' prizmu* [Childhood history: raising children through the prism] // *Materialy H Mezhdunarodnogo foruma «Zadonskie Svyato-Tihonovskie obrazovatel'nye chteniya* [Proceedings of the X International Forum "Zadonsk St. Tikhon Educational Readings] – Lipetsk: OOO «Tipografiya Lipetsk-Plyus», 2015. – S. 244–245.
7. Onishchenko E.V. *Mir istorii pedagogiki i mir istorii detstva: dialog v obrazovatel'nom prostranstve sovremennogo vuza* [The World of the History of Pedagogy and the World of Childhood History: Dialogue in the Educational Space of a Modern University] // *Gercenovskie chteniya. Hudozhestvennoe obrazovanie rebyonka* [Herzen Readings. Art education for children]. – 2017. – T. 3. – № 1. – S. 16–23.
8. Rozhkov A.A. *Istoriya sovetskogo detstva* [History of Soviet childhood] // *Vestnik permskogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of the Perm University. Story]. – 2013. – № 2(22). – S. 107–109.
9. Romashova M.V. *Istoriya detstva i istoriya pedagogiki: k voprosu o mezhdisciplinarnom vzaimodejstvii* [The history of childhood and the history of pedagogy: on the issue of interdisciplinary interaction] // *Pedagogika detstva. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem* [Pedagogy of childhood. Materials of the All-Russian scientific-practical conference with international participation]. – Solikamsk: [B.i.], 2015. – S. 139–142.
10. Slezin A.A. *Istoriya detstva: "otkrytie" povsednevnoj zhizni* [Childhood history: "discovery" of everyday life] // *Nauchnyj dialog* [Scientific dialogue]. – 2019. – № 8. – S. 422–428.
11. Ushkova D.Yu. *Istoriya detstva: problemy definicii i otnosheniya k fenomenu v istoricheskom kontekste* [History of childhood: problems of definition and attitude to the phenomenon in the historical context] // *Materialy XIV mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoy konferencii studentov i molodyh uchenykh "Molodezh' i obrazovanie XXI veka"* [Proceedings of the XIV interuniversity scientific-practical conference of students and young scientists "Youth and education of the XXI century"]. – Stavropol': SGPI, 2017. – S. 123–125.
12. Bolshakov L.N. *Byl' o Tarase* [A true story about Taras]. – M.; Orenburg: Evrazijsk. torg.-prom. kompaniya "Kora", 1993. - Kn. 1: Y Aman Kala. – S. 101–184.
13. *Semejnyj arhiv T.L. Bol'shakovoj. Dnevnik L.N. Bol'shakova* [Family archive of T.L. Bolshakova. Diary of L.N. Bolshakov].

14. *Bolshakov L.N. O sebe* [About myself] // *Povesti o poiskah i obreteniyah* [Tales of searches and acquisitions]. – M.: Rus. kniga, 2000. – S. 3–19.

15. Bolshakov L.N. I go to the source. – Kyiv: "Veselka", 1979. – 272 p. (in Ukrainian).

16. *Pamyat' naroda: elektronnyj bank dokumentov perioda Velikoj Otechestvennoj vojny* [Memory of the people: electronic bank of documents of the period of the Great Patriotic War] // *Rezhim dostupa*: [Access mode]: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial_chelovek_kartoteka_memorial1914236574/?backurl=%2Fheroes%2F%3Fadv_search%3Dy%26last_name%3DMendelevich%26first_name%3DЯков%26middle_name%3DГдалеевич%26date_birth_from%3D%26static_hash%3D6b026ec647ef6b318c42827c0eb5b1f8v2%26data_vibitiya_period%3Don%26group%3Dall%26types%3Dpamyat_commander%3Anagrady_nagrad_doc%3Anagrady_uchet_kartoteka%3Anagrady_ubilein_kartoteka%3Apdv_kart_in%3Apdv_kart_in_inostranec%3Apamyat_voenkomat%3Apotery_vpp%3Apamyat_zsp_parts%3Akld_ran%3Akld_bolezn%3Akld_polit%3Akld_upk%3Akld_vmf%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_utochenie_potery%3Apotery_spiski_zahoroneny%3Apotery_voennoplen%3Apotery_iskluchenie_iz_spiskov%3Apotery_kartoteki%3Apotery_rvk_extra%3Apotery_isp_extra%3Asame_doroga%26page%3D1%26grouppersons%3D1&.

17. *Bolshakov L.N. Neskol'ko stranic pod konec...* [A few pages at the end...] // *SHesty Bol'shakovskie CHteniya. Kul'tura Orenburgskogo kraja: istoriya i sovremenost': nauchno-obrazovatel'nyj i kul'turno-prosvetitel'nyj al'manah / nauchnyj redaktor S.V. Lyubichankovskij* [Sixth Bolshakovsky Readings. Culture of the Orenburg Territory: history and modernity: scientific, educational and cultural almanac / scientific editor S.V. Lyubichankovsky]. – Orenburg: OOO «Agenstvo «Pressa», 2013. – S. 15–19.

18. *Bazhenova O. Leonid Bol'shakov: «YA vseгда lechus' rabotoj»* [Leonid Bolshakov: "I always treat myself with work"] // *Orenburgskoe vremya* [Orenburg time]. – 1999. – 8 yanvarya. – S. 4.

19. *Bolshakova T.L., Lyubichankovsky S.V. Leonid Bol'shakov: na svyazi s mirom i lyud'mi* [Elektronnyj resurs]: monografiya [Leonid Bolshakov: in touch with the world and people [Electronic resource]: Monograph]. – M.: FLINTA, 2016. – 493 s. *Rezhim dostupa*: <https://e.lanbook.com/book/89871>.

20. *Ob"edinennyj gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti* [United State Archive of the Orenburg Region]. F. 2919.

21. *Bolshakov L.N. Eto – na vsyu zhizn'* [This is for life] // *Komsomol'skoe plemya* [Komsomol tribe]. – 1974. – 19 marta. – S. 3.

22. *Bolshakov L.N. Orenburgskie eskizy Orenburg sketches // 74 dnya pered bessmertiem, ili Poslednyaya komandirovka Vaana Ter'yana* [74 days before immortality, or Vahan Teryan's last business trip]. – Erevan: Ajjastan, 1990. – S. 34–41.

ЭКСТРЕМАЛЬНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

УДК 355.257.72(430+436)(470.56)«1914/1918»
ГРНТИ 03.23.55: История России Новейшего времени
DOI 10.35231/25422375_2022_2_54

Р.Р. Магомедов

Повседневность военного плена солдат и офицеров Германии и Австро-Венгрии на территории Оренбургской губернии в годы Первой мировой войны

В статье на основе архивных материалов и опубликованной современной литературы рассматриваются многообразные реалии военного плена на территории Оренбургской губернии во время Первой мировой войны.

Автором показаны экстремальные условия плена: отсутствие специальных помещений, соответствующих международным требованиям содержания военнопленных, несоблюдение санитарно-гигиенических правил, значительное отклонение от рекомендуемых норм питания. Отмечается, что они были вызваны ограниченными возможностями государства, находившегося в состоянии затяжной войны, нацеленной на истощение материальных и людских ресурсов противоборствующих сторон.

Показано, что помещения, отведенные для повседневной жизни военнопленных, мало отвечали требованиям лагерей в современном понимании. Неподготовленность властей Оренбургской губернии к приему больших контингентов военнопленных явилась отражением общего состояния России в вопросе плена.

Реконструирована повседневная жизнь подданных Германии и Австро-Венгрии в оренбургском плену. Установлено, что в вопросе отношения военных и гражданских властей к военнопленным более благожелательный подход в организации повседневной жизни наблюдался к представителям славянского происхождения. Названы причины нежестких правил содержания пленных-славян. В то же время местные власти в своей работе учитывали также интересы других военнопленных: немцев, австрийцев, мадьяр.

Ключевые слова: военнопленные, повседневная жизнь, Оренбургская губерния, специальные лагеря, Меновой двор, Австро-Венгрия, Германия, экстремальные условия, власть, население.

Magomedov R. Ramazan

The daily routine of military captivity of soldiers and officers of Germany and Austria-Hungary on the territory of the Orenburg province during the First World War

Based on archival materials and published modern literature, the article examines the diverse realities of military captivity on the territory of the Orenburg province during the First World War.

The author shows the extreme conditions of captivity: the absence of special premises that meet international requirements for the detention of prisoners of war, non-compliance with sanitary and hygienic rules, significant deviation from the recommended nutrition standards. It is noted that they were caused by the limited capabilities of the state, which was in the condition of protracted war aimed at depleting the material and human resources of the warring parties.

It is shown that the premises allocated for the daily life of prisoners of war did not meet the requirements of the camps in the modern sense. The unpreparedness of the authorities of the Orenburg province to receive large contingents of prisoners of war was a reflection of the general state of Russia in the matter of captivity.

The daily life of the subjects of Germany and Austria-Hungary in Orenburg captivity is reconstructed. It is established that in the issue of the attitude of military and civilian authorities to prisoners of war, a more benevolent approach in the organization of daily life was observed to representatives of Slavic origin. The reasons for the non-rigid rules for the detention of Slavs prisoners are named. At the same time, the local authorities in their work also took into account the interests of prisoners of war – Germans, Austrians, Magyars.

Key words: prisoners of war, everyday life, Orenburg province, special camps, Exchange yard, Austria-Hungary, Germany, extreme conditions, government, population.

Введение

История повседневности, как самостоятельное направление в исторической науке, стало развиваться с середины прошлого столетия и активно разрабатывается сегодня современными отечественными исследователями. Достаточно отметить достижения в этой области исторических знаний, сделанные самарскими и оренбургскими историками. Для доказательства приведем лишь публикации, вышедшие в свет в последние годы [1; 2]. Особо подчеркнем вклад в изучении истории повседневности «тех, без кого не могло бы быть истории», доктора исторических наук, профессора А.И. Репинецкого [3–5]. Заслуживает внимания монография Е.В. Годовой, вышедшая в свет в 2020 г. [6]. В ней автор рассматривает повседневную жизнь казачества России в хронологических рамках, охватывающих вторую половину XIX – начало XX в. Приоритетным для себя Е.В. Годова в исследовании определила изучение «военной» и «гражданской» составляющих повседневности казачьего общества. Необходимо признать, что автору удалось изучить основные элементы структуры повседневности гражданской жизни уникального казачьего сословия в дореволюционной России. Подчеркивая несомненные достижения региональной историографии, необходимо указать на то, что вне сферы ее внимания оказалась повседневная жизнь различных социальных слоев Оренбургской губернии в период Первой мировой войны. Кроме того, вызывает исследовательский интерес изучение повседневности военного плена подданных государств, воюющих с Россией, находившихся на территории края.

Тема Первой мировой войны в советской историографии была объявлена «немодной», и по этой причине на многие сюжеты этой многоплановой исторической проблемы было объявлено табу. Такой подход к этой теме объяснялся, скорее всего, тем, что Россия ее проиграла, и мы не любим вспоминать свой стыд и позор. Было и еще одно обстоятельство. Известно, что вождь большевиков В.И. Ленин характер этой войны определил как захватнический и империалистический. Поэтому неудивительно, что в советском обществе она воспринималась в негативном ключе.

История войны освещалась лишь как событие, которое послужило катализатором октябрьских событий 1917 г. Она была лишена персоналий, не была отражена в исторических портретах и лицах, в ангажированной форме читателю преподносили отношения власти и общества и т. д. Проблема плена также оказалась не востребовавшей в советской исторической науке. Более того, в советском обществе плен всегда воспринимался на эмоционально-психологическом уровне крайне негативно, как нечто чуждое и отталкивающее сознанием советского человека. Преимущественно в советской исторической науке военнопленных Австро-Венгрии и Германии показывали как активных участников борьбы советской власти против белогвардейцев в составе интернациональных военных соединений Красной армии.

Трансформационные процессы в нашем обществе в начале 90-х гг. XX в. обусловили создание новой познавательной ситуации в отечественной исторической науке. Это обстоятельство стимулировало повышенный интерес историков к теме Первой мировой войны, в том числе и проблеме плена. Исследователями были выпущены десятки публикаций [7–10]. Отметим также успехи в изучении этой темы в региональной историографии [11–15].

Однако история повседневности плена подданных государств, воюющих с Россией в годы Первой мировой войны, не получила самостоятельного изучения, и это обстоятельство делает настоящую статью востребованной для специального исследования.

При написании статьи автор опирался как на опубликованные, так и неопубликованные источники. Для решения поставленных исследовательских задач использованы материалы, извлеченные из фондов Объединенного государственного архива Оренбургской области (ОГАОО): Оренбургское губернское правление (Ф. 11), Оренбургское губернское по городским и земским делам присутствие (Ф. 15), Оренбургское губернское жандармское управление (Ф. 21), жандармское полицейское управление Ташкентской железной дороги. Раскрытию содержания повседневности плена солдат и офицеров враждебных государств на территории Оренбургской губернии помогли публикации оренбургских журналистов, помещенные на страницах местных периодических изданий: «Оренбургская жизнь», «Оренбургский голос» и «Оренбургская газета».

Цель данной статьи заключается в рассмотрении повседневности военного плена солдат и офицеров Германии и Австро-Венгрии на территории Оренбургской губернии в годы Первой мировой войны.

Эта цель реализуется посредством решения следующих исследовательских задач: показать экстремальные условия плена, рассмотреть отношение власти к военнопленным, их быт, взаимоотношения с местным населением.

Хронологические рамки исследования составил период с лета 1914 г. до наступления февральских событий 1917 г. Выбор нижней временной границы обусловлен началом Первой мировой войны и появлением на территории Оренбургской губернии первых партий военнопленных. В условиях вступления России в полосу социальных революций в феврале 1917 г. повседневная жизнь военнопленных на территории Оренбургской губернии приобретает новое качественное состояние, которая требует самостоятельного исследования.

Результаты исследования

Летом 1914 г. война между двумя военно-политическими системами в Европе стала реальностью. Никто не мог предполагать, что открытое вооруженное противостояние растянется на долгие четыре года и будет иметь катастрофические социально-экономические и военно-политические последствия для его основных игроков: России, Германии, Австро-Венгрии и Турции. Политики и военные всех воюющих государств, в том числе и России, рассчитывали, что война будет идти не больше 4–6 месяцев. Вопреки их расчетам война приобрела затяжной и долговременный характер. Противоборствующие стороны несли не только безвозвратные и санитарные потери, но также около 8 млн солдат и офицеров оказались во вражеском плену.

Первыми пленными в Оренбургской губернии стали подданные Германии и Австро-Венгрии. Они были помещены в приюте Святой Ольги и народном доме в Оренбурге и в здании тюрьмы г. Троицка. В региональной историографии отсутствуют точные данные о количестве военнопленных в крае в рассматриваемый период. Исследователи Д.А. Сафонов и В.Г. Семенов приводят разную статистику, ссылаясь на архивные источники. Нужно согласиться с мнением Э.С. Сагитовой, что трудности в установлении количества иностранцев, пребывающих в Оренбургской губернии в изучаемый период, объясняются разрозненной информацией о них. Но с уверенностью можно заключить, что на территории Оренбургской губернии, который в годы войны являлась глубоким тыловым районом России, пребывал значительный контингент военнопленных. По сведениям, приведенным В.Г. Семеновым, на разных этапах войны в крае находилось пленных: осенью 1914 г. – 8759 чел., осенью 1916 г. – 11 388 чел., осенью 1917 г. – 9307 чел. [11, с. 71].

Оренбургская губерния входила в Казанский военный округ. Порядок и условия жизни военнопленных на ее территории определялись приказами по этому округу, которые были разработаны на основе «Положения о военнопленных», принятом правительством Российской империи в октябре 1914 г. Этот документ был составлен в духе статей Гаагской конвенции 1907 г., закрепившей принципы гуманизма и уважительного отношения к пленным, бывшим военным служащим воюющих сторон. В соответствии с этими документами власти лагерей определяли правила и уклад их повседневной жизни.

Выше указывалось, что политики и военные стратеги исходили из того, что война будет скоротечной, и никто не предполагал возможные масштабные проблемы с военнопленными. Однако противоборствующие стороны в самом начале войны столкнулись с задачей перемещения огромных партий военнопленных и организацией их жизни в специальных местах содержания. В частности, Россия не оказалась готовой для решения таких задач. В ограниченном количестве оказались специальные лагеря для размещения контингентов военнопленных. Исключением не стала и Оренбургская губерния. В этих целях местные власти вынуждены были использовать различные помещения большой площади: Меновой двор в Оренбурге, частные дома в Челябинске и т. д. Однако они были плохо приспособлены для принятия большого количества людей. Об этом свидетельствуют архивные документы, отражающие мнение как официальных лиц, так и самих его обитателей о состоянии лагеря для пленных в Меновом дворе.

Осенью 1916 г. в штабе Казанского военного округа так комментировали содержание военнопленных: «В пунктах водворения царят полный беспорядок и ряд упущений, к устранению которых меры не принимаются» [16, с. 2399]. Представитель полицейского ведомства комментировал далеко не радужную картину, которая предстала перед ним в ходе знакомства с условиями содержания военнопленных в Меновом дворе в г. Оренбурге. Он указывал на то, что «двор завален разными отбросами, мусором» [17]. В эмоциональных тонах характеризовали условия своей жизни сами военнопленные. «Те каюты, в которых мы заперты, называются „Меновой двор“. Ничего кроме неба, земли и стены не видно. Видно только крыши города» [18, л. 110]. Другой военнопленный, рассказывая о своей жизни в Меновом дворе, подчеркивал: «Живу в Оренбурге, в лагере, окруженном стеной... Здесь человек живет, как невольник, в полном значении этого слова» [18, л. 880].

Однако это вовсе не значит, что военная и городская власти находились в стороне от решения проблем размещения военнопленных. Наоборот, даже на уровне губернской власти принимались меры для улучшения качества внутренней жизни лагерей. Ее представители, посещая места размещения военнопленных, интересовались их жизнью и приказывали принять необходимые меры для улучшения содержания

лагерей. По мере обострения вопроса с военнопленными по распоряжению губернатора была создана специальная комиссия для коренной реконструкции лагеря в расположении Менового двора. Однако благие намерения членов комиссии не были воплощены в жизнь из-за позиции, занятой управой г. Оренбурга: «... в условиях военного времени выделение средств больше установленного лимита для города не допустимо» [14, с. 17].

В годы войны проводились работы по улучшению содержания военнопленных: перестраивались и расширялись площади для проживания, осуществлялись санитарно-гигиенические мероприятия по профилактике инфекционных болезней, эпидемий. Однако суровая реальность оказалась сильнее желаний властей показать свое благодушие к военнопленным в целях формирования положительного имиджа России. По мере затягивания мирового военного конфликта ослабевали социально-экономические и политические основы Российской империи, что не могло не сказаться отрицательно на совокупности экстремальных условий, в которых проходила повседневная жизнь военнопленных.

Ситуация усугублялась тем, что прибытие новых партий военнопленных не прекращалось, несмотря на то что местные власти в категоричной форме заявляли об отсутствии условий для их принятия. Это обстоятельство спровоцировало возникновение очагов и распространение различных инфекционных болезней: холеры, тифа, чесотки и др.

Говоря об условиях, в которых проходила повседневная жизнь военнопленных, важно обратить внимание и на проблему обеспечения их питанием. Архивные материалы показывают, что рацион питания в годы войны неоднократно сокращался, ухудшилось его качество. Под влиянием негативных процессов, взявших верх в государстве, естественно, сокращается продовольственное обеспечение воюющей армии и населения страны. Эта проблема коснулась и военнопленных. Однако до начала Гражданской войны в крае в среде военнопленных случаев голодных смертей в архивных документах не зафиксировано. Наоборот, власть на местах принимала немало усилий в продовольственном обеспечении обитателей оренбургских лагерей. Правда, сами военнопленные в письмах родным и близким на родину часто выражали недовольство той пищей, которой их кормили. При этом они ссылались на то, что эта еда является для них непривычной. В частности, ржаной хлеб считали причиной желудочно-кишечных заболеваний. В одном из таких писем сообщалось: «Живу в России, меня страшно обижают: дают есть хлеб, воду и рыбу, которую я не могу есть» [18, л. 648 об.].

Материалы, извлеченные из архивов, позволяют реконструировать повседневную жизнь иностранных подданных, оказавшихся в плену в Оренбургской области. Для того чтобы показать, как они обычно действовали, думали и чувствовали ежедневно, необходимо определить их

этноконфессиональную принадлежность. Она являлась одним из основополагающих факторов, способствующих выявлению поведенческих установок, направленных на конкретный объект, к которому человек может испытывать некоторые чувства, эмоции или иметь определенные убеждения, определяющие склонность к тем или иным действиям (например, к стране своего пребывания, ее культуре, населению и т. д.).

В подавляющем большинстве иностранные военнослужащие, оказавшиеся в плену в Оренбургской губернии, являлись подданными Германии и Австро-Венгрии. С учетом того, что последняя отличалась искусственным объединением моноэтнических территорий, ее армия была многонациональной. Поэтому контингент военнопленных состоял из немцев, австрийцев, мадьяр (венгров), поляков, сербов, хорватов и т. д. На территории края в плену оказались также подданные Османской империи. Правда, их было немного. Военнопленные представляли разные религиозные конфессии: католичество, лютеранство, православие, баптизм, ислам и т. д.

Известно, что в годы Первой мировой войны идея славянского единства и России, как ее защитницы, явилась одной из составляющей государственной идеологии воюющей страны против своих внешних врагов. В контексте этого воззрения на территории Оренбургской губернии строились взаимоотношения власти и военнопленных славянского происхождения. В отношении последних администрации лагерей делали значительные послабления в соблюдении внутреннего режима содержания военнопленных. И не только. Различные благотворительные организации вместе с местной властью, администрацией лагерей, православной церковью проводили активную работу в организации быта военнопленных славян, их повседневной жизни. Они, в отличие от других, могли разнообразить свой досуг посещением концертов и спектаклей, организуемых специально для них, общественных столовых, чайных и ночлежных домов. Обитатели Менового двора регулярно ходили на религиозные службы, проводимые священнослужителями Оренбургской епархии. С разрешения властей военнопленные славяне могли совершать воскресные прогулки.

Однако особое отношение власти к славянам не исключало ее усилия по организации жизни иностранных подданных, принадлежащих к другим этносам и религиям в соответствии с международно-правовыми документами о статусе военнопленных. Отношение к этой категории иностранцев со стороны местных властей укладывалось в те требования, которые были закреплены в «Положении о военнопленных». Правда, по мере усиления центробежных тенденций в управлении государством вкупе с одновременным процессом разрушения хозяйственно-экономической и транспортной системы страны правила содержания военнопленных менялись, что отрицательно отразилось на повседневной жизни обитателей лагерей.

Политика местных властей способствовала разрушению русофобских настроений военнопленных, которые сами признавали, что «сказкам о русской жестокости теперь уже мало верят, так как в действительности она почти нигде не подтвердилась» [19, с. 525]. В январе 1916 г., когда вспышка тифа в Меновом дворе достигла пика, ежедневно от 25 до 30 больных лагерная власть переводила в военный госпиталь. В марте 1916 г. число больных, переправленных в это медицинское учреждение, составило около 500 чел. [20, л. 1]. Власть рассчитывала на то, чтобы ее благодушные поступки в отношении военнопленных запомнились ими «на вечную добрую славу и память о России в сердцах» [21, л. 21 об.]. Руководство региона, в том числе и губернатор края, на встречах с представителями общественности озвучивало мысль о необходимости проявить гуманное отношение к военнопленным. Свидетельством человечности власти являлись похороны усопших подданных враждебных государств на территории военного кладбища. В лагерях представители всех религий имели возможность для исповеди и причащения. В дни религиозных праздников их жильцы не работали. Эти дни объявлялись нерабочими.

Хотя центральная власть предусматривала возможности отдельного размещения славян и неславян, на территории Оренбургской области их намерения не были воплощены в жизнь в полном объеме. Правда, этот принцип применялся в практике использования военнопленных как трудового ресурса на объектах сельскохозяйственного и промышленного назначения. На такие шаги на местах вынуждены были пойти из-за возникавших частых конфликтов между представителями славянских народов, с одной стороны, и немцами, австрийцами, мадьярами – с другой. Архивные материалы зафиксировали и случаи конфликтов в отношениях между немецкими и австрийскими военнослужащими. Дело в том, что в частных беседах они часто поднимали вопросы, связанные с поиском виновников начала войны. В этом вопросе они не могли найти ответа, удовлетворяющего каждую из сторон спора [22].

Необходимо отметить, что помещения, в которых содержали военнопленных, очень мало походило на военные лагеря в восприятии современного человека. Тот же Меновой двор можно лишь условно назвать специальным лагерем, функционирующим по правилам внутреннего распорядка, изолированным от внешнего мира. Дело в том, что Меновой двор, как и до войны, так и после размещения военнопленных, оставался территорией местного рынка, куда был обеспечен доступ всем желающим. Служащие рынка (сторожа, фельдшер, ветеринарный врач, сборщики налогов – всего 31 чел.) по-прежнему исправно выполняли свои служебные обязанности. Соседство с военнопленными никак не повлияло на их рабочую повседневную жизнь в пределах Менового

двора. Более того, нельзя этот лагерь назвать и закрытым учреждением, потому что нередко военнопленные свободно могли покинуть его территорию и оказаться на улицах города [23, л. 250].

Строгостью не отличалась и внутренняя жизнь лагеря. Не обремененные суровыми внутренними порядками военнопленные были достаточно свободны в организации своей повседневной жизни. Многие пользовались этим, внося разнообразие в свою лагерную жизнь самостоятельными прогулками по городу, посещением кино и местного театра.

Тяготы плена жильцы лагерей пытались сгладить своими собственными стараниями, не уповая на власть. С разрешения администраций лагерей им дозволялось вести подсобные хозяйства. В складских помещениях Менового двора содержали свиней и птиц. Там же можно было увидеть кузницу и слесарную мастерскую, где изготавливались новые и ремонтировались старые изделия, необходимые для повседневной жизни [24].

В структуре повседневности плена солдат и офицеров Германии и Австро-Венгрии важное место занимала переписка с родными и близкими. Написание писем и отправка родным и близким на родину и получение весточки, особенно посылки, было значительным и положительно эмоциональным событием для каждого из них. Отправка и получение писем являлись одним из коммуникационных каналов с внешним миром для военнопленных. Причем, судя по приказам по Казанскому военному округу, такая возможность была доступна как офицерам, так и рядовому составу враждебных государств. Военнопленный мог отправить каждый месяц до двух писем в объеме не более шести страниц и еженедельно – одну открытку [16, с. 1153].

В корреспонденции для родных, как правило, они отражали свою жизнь в неволе. В негативных тонах описывали свою повседневность, показывая себя мучениками русского плена. Эти письма отличались наличием фейков – ложных, недостоверных сведений о жизни в лагерях. Военное ведомство, отвечающее за содержание военнопленных, было вынуждено реагировать на данные поступки со стороны военнопленных, направленные на дискредитацию России [25].

Достаточно «мягкие» правила для военнопленных поощряли их к вступлению в непосредственный контакт с местным населением. Более того, возникновению между ними отношений способствовал труд военнопленных в аграрном и промышленном секторах экономики Оренбургской области. Пленные были задействованы не только на крупных предприятиях. В условиях дефицита рабочей силы к их услугам часто прибегали крестьянские хозяйства. Эта сторона повседневной жизни позволяет дать более точную оценку взаимоотношений местного населения и военнопленных.

С началом поступления первых партий военнопленных в губернию местное население проявляло повышенный интерес к ним, им было любопытно видеть чужаков, удивление вызывал их внешний вид, манеры поведения и общения. Обыватели Оренбурга из-за праздного любопытства встречали поезда, прибывавшие на станцию Оренбург или проходящие через него в сторону Туркестана [26].

Местные власти не препятствовали установлению контактов населения с подданными других государств. Хотя в целях недопущения эксцессов с нежелательными последствиями предпринимались меры по их ограничению, особенно в отношениях местных и немцев. С учетом того, что в начале войны наметился подъем ура-патриотических настроений в российском обществе, в том числе и у всех слоев населения Оренбурга и губернии, местные власти предпринимали меры превентивного характера в целях предотвращения массовых посягательств насильственного характера на жизнь военнопленных. В частности, в первое время специальным распоряжением была определена совокупность условий, в которых должна была проходить повседневная жизнь прибывших иностранных подданных в г. Оренбурге. На военнопленных распространялся запрет собираться в публичных местах города более 3 чел. и разговаривать на немецком языке. Им запрещалась посещать увеселительные заведения, а также кино- и местные театры. Тем военнопленным, кого поселили на дому или на квартирах, было запрещено покидать свое местожительство после 6 ч вечера [11, с. 26].

Местное население охотно вступало в контакты с военнопленными славянского происхождения. Они признавали преимущества, которые получали от приема военнопленных-славян на работу. Общая вера, исторические и ментальные особенности, взаимные симпатии поощряли расположение друг к другу. Оно проявлялось в организации хозяевами хорошего питания для военнопленных, достойного вознаграждения их труда. В свою очередь иностранные подданные отличались рвением в работе.

Однако в отношениях с другими военнопленными – мадьярами, австрийцами и особенно немцами – местное население проявляло осторожность, подозрительность и недоверие [27, л. 244].

Заключение

Таким образом, власти Оренбургской губернии, как и центральные органы Российской империи, оказались не готовы к размещению военнопленных. В предвоенные годы в России не велись работы по строительству специальных лагерей. Масштабы и жесточенность военного конфликта породили проблему плена, которая обострялась по мере затягивания войны и увеличения количества военнопленных.

В Оренбургской губернии большие площади были отведены под организацию лагерей, которые мало отвечали предъявляемым к ним требованиям.

Экстремальными условиями плена в Оренбургской губернии также являлись отсутствие возможностей для соблюдения санитарно-гигиенических правил, плохое состояние продовольственного снабжения лагерей. Совокупность условий, в которых проходила повседневная жизнь солдат и офицеров, была результатом крайне ограниченных ресурсов государства, находившегося в масштабном конфликте с Четверным союзом.

Материалы, содержащиеся в местном архиве, позволили реконструировать быт военнопленных в Оренбургской губернии, преимущественно в лагере, находящимся в Оренбурге в расположении местного рынка (Меновой двор). К многообразным реалиям плена также относится организация быта, содержание досуга, специфика контактов с местным населением. Важное место в структуре повседневной жизни военнопленных занимали написание и отправка писем на родину. Это занятие служило одним из коммуникационных каналов их связи с внешним миром.

Список литературы

1. Бурлуцкая Е.В., Абдрахманов К.А. Специфика трудовой повседневности оренбургских купцов, ведущих торговлю с Азией в XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. – 2020. – Т. 19. – № 3. С. 544–562. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-3-544-562>.
2. Бурлуцкая Е.В., Абдрахманов К.Ю., Куренкова Ю.О., Фот А.Г., Клементьева Н.В. Повседневная жизнь провинциальной горожанки в пореформенной России (на материалах Оренбургской губернии второй половины XIX – начала XX века). – Оренбург: Оренб. кн. изд-во им. Г.П. Донковцева, 2020. – 472 с.
3. Репинецкий А.И., Румянцева М.А. Городское население среднего Поволжья в послевоенное двадцатилетие, 1945–1965 гг.: очерки демограф. истории. – Самара: Научно-технический центр, 2005. – 261 с.
4. Ипполитов Г.М., Репинецкий А.И. История повседневности: некоторые аспекты генезиса и эволюции отрасли исторической науки // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2012. – Т. 14. – № 3. – С. 154–161.
5. Репинецкий А.И. Повседневность "запасной столицы" (октябрь 1941 г. – август 1943 г.) // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в судьбах народов и регионов: сб. ст. / отв. ред. А.Ш. Кабирова. – Казань: Институт истории имени Шигабутдина Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2015. – С. 323–331.
6. Годовова Е.В. Повседневная жизнь российского казачества во второй половине XIX – начале XX в. – СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАВИН, 2020. – 464 с.
7. Сергеев Е.Ю. Русские военнопленные в Германии и Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны // Новая и новейшая история. – 1996. – № 4. – С. 65–78.
8. Васильева С.Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы первой мировой войны: учеб. пособие к спецкурсу / С.Н. Васильева; М-во общ. и проф. образования Рос. Федерации. Моск. гос. открытый пед. ун-т. – М.: Ред.-изд. центр МГОПУ, 1999. – 133 с.
9. Сенявская Е.С. Положение русских военнопленных в годы Первой мировой войны: очерк повседневной реальности // Вестник РУДН. Серия История России. – 2013. – № 1. – С. 64–83.
10. Федорова Т.В. Проблема социально-бытовых условий содержания австро-венгерских военнопленных на территории Восточной Сибири во время Первой мировой войны // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История, Политология. – 2014. – № 4/2 (84). – С. 232–236.

11. Сафонов Д.А. Немецкие военнопленные в Оренбургском крае в годы Первой мировой войны // Немцы и Оренбургский край: материалы обл. науч. конф., посвящ. 250-летию Оренбург. губ. и 60-летию Оренбург. обл. – Оренбург, 1994. – С. 25–26.
12. Семенов В.Г. Военнопленные в Оренбургской губернии // Этнопанорама. – 2001. – № 2. – С. 70–71.
13. Машкова Н.Н. Мобилизация людских и материальных ресурсов на Южном Урале в условиях войны (1914–1917 гг.): автореф. дис. ...канд. ист. наук, 2004.
14. Идрисова Э.С. Иностранцы военнопленные Первой мировой войны на Южном Урале в 1914–1921 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук, 2008.
15. Магомедов Р.Р., Гришаков Л.В. Идея славянского единства и ее отражение в политике в отношении военнопленных славян в Оренбургской губернии в годы Первой мировой войны // Вестник Оренбургского государственного университета. Электронный научный журнал. – 2017. – № 4 (24). – С. 109–118 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_32239547_13420541.pdf.
16. Приказы по Казанскому военному округу. – Казань, 1916.
17. Оренбургская жизнь. – 1914. – 15 авг.
18. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. 21. Оп. 2. Д. 569.
19. Сенявская Е.С., Миронов В.В. Человек на войне: «свои» и «чужие» // Мировые войны XX века. Кн. 1. Первая мировая война: исторический очерк. – М.: Наука, 2002. – С. 519–537.
20. ОГАОО. Ф. 22. Оп. 5. Д. 90.
21. ОГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1281.
22. Оренбургское слово. – 1916. – 16 июня.
23. ОГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 421.
24. Оренбургское слово. – 1916. – 4 окт.
25. Оренбургское слово. – 1916. – 10 авг.
26. Оренбургская газета. – 1914. – 21 сент.
27. ОГАОО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 289.

References

1. Burluckaya E.V., Abdrahmanov K.A. *Specifika trudovoj povsednevnosti orenburgskih kupcov, vedushchih trgovlyu s Aziej v XIX v.* [Specifics of the everyday work of Orenburg merchants trading with Asia in the XIX century] // *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Istoriya Rossii* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Ser. The history of Russia]. – 2020. – Т. 19. – № 3. – С. 544–562. (In Russ.).
2. Burluckaya E.V., Abdrahmanov K.YU., Kurenkova YU. O., Fot A.G., Klement'eva N.V. *Povsednevnyaya zhizn' provincial'noj gorozhanki v poreformennoj Rossii (na materialah Orenburgskoj gubernii vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka)* [Everyday life of a provincial townswoman in post-reform Russia (based on the materials of the Orenburg province of the second half of the XIX – early XX century)]. – Orenburg: Orenb. kn. izd-vo im. G. P. Donkovceva, 2020. – 472 s. (In Russ.).
3. Repineckij A.I., Romyanceva M.A. *Gorodskoe naselenie srednego Povolzh'ya v poslevoennoe dvadcatiletie, 1945–1965 gg.: ocherki demograf. Istarii.* [Urban population of the Middle Volga region in the post-war twentieth anniversary, 1945–1965: essays demograph. Stories]. – Samara: Nauchno-Tekhnicheskij Centr, 2005. – 261 s. (In Russ.).
4. Ippolitov G.M., Repineckij A.I. *Istoriya povsednevnosti: nekotorye aspekty genezisa i evolyucii otrasli istoricheskoi nauki* [The history of everyday life: some aspects of the genesis and evolution of the branch of historical science] // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk* [Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. – 2012. – Т. 14. – № 3. – С. 154–161. (In Russ.).

5. *Repineckij A.I. Povsednevnost' "zapasnoj stolicy" (oktyabr' 1941 g. – avgust 1943 g.)* [Everyday life of the "reserve capital" (October 1941 – August 1943)] // *Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945 gg. v sud'bah narodov i regionov: sb. st. / otv. red. A.SH. Kabirova* [The Great Patriotic War of 1941–1945 in the destinies of peoples and regions: collection of articles / ed. by A.Sh. Kabirov]. – Kazan: Institut istorii imeni SHigabutdina Mardzhani Akademii nauk Respubliki Tatarstan, 2015. – S. 323–331. (In Russ.).

6. *Godovova E.V. Povsednevnyaya zhizn' rossijskogo kazachestva vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.* [Everyday life of the Russian Cossacks in the second half of the XIX – early XX century]. – Saint Petersburg: DMITRIJ BULAVIN, 2020. – 464 s. (In Russ.).

7. *Sergeev E.YU. Russkie voennoplennye v Germanii i Avstro-Vengrii v gody Pervoj mirovoj vojny* [Russian prisoners of war in Germany and Austria-Hungary during the First World War] // *Novaya i novejschaya istoriya* [New and modern history]. – 1996. – № 4. – S. 65–78. (In Russ.).

8. *Vasil'eva S.N. Voennoplennye Germanii, Avstro-Vengrii i Rossii v gody pervoj mirovoj vojny: Ucheb. posobie k speckursu / S. N. Vasil'eva; M-vo obshch. i prof. obrazovaniya Ros. Federacii. Mosk. gos. otkrytyj ped. un-t.* [Prisoners of war of Germany, Austria-Hungary and Russia during the First World War: Textbook for a special course / S.N. Vasilyeva; M-in total. and Prof. education grew. Federation. Moscow State University. open ped. un-t.]. – Moscow: Red.-izd. centr MGOPU, 1999. – 133 s. (In Russ.).

9. *Senyavskaya E.S. Polozhenie russkih voennoplennykh v gody Pervoj mirovoj vojny: ocherk povsednevnoj real'nosti* [The situation of Russian prisoners of war during the First World War: an outline of everyday reality] // *Vestnik RUDN, seriya Istoriya Rossii* [Bulletin of the RUDN, The History of Russia series]. – 2013. – № 1. – S. 64–83. (In Russ.).

10. *Fedorova T.V. Problema social'no-bytovyh uslovij sodержaniya avstro-vengerskih voennoplennykh na territorii Vostochnoj Sibiri vo vremya Pervoj mirovoj vojny* [The problem of social and living conditions of Austro-Hungarian prisoners of war on the territory of Eastern Siberia during the First World War] // *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, Politologiya* [News of the Altai State University. Series: History, Political Science]. – 2014. – № 4/2 (84). – S. 232–236 i dr. (In Russ.).

11. *Safonov D.A. Nemeckie voennoplennye v Orenburgskom krae v gody Pervoj mirovoj vojny* [German prisoners of war in the Orenburg Region during the First World War] // *Nemcy i Orenburgskij kraj: materialy obl. nauch. konf., posvyashch. 250-letiyu Orenburg. Gub. i 60-letiyu Orenburg. Obl.* [The Germans and the Orenburg Region: materials of the regional scientific conference, dedicated. to the 250th anniversary of Orenburg. Gubernia and the 60th anniversary of Orenburg. Obl.]. – Orenburg, 1994. – S. 25–26. (In Russ.).

12. *Semenov V.G. Voennoplennye v Orenburgskoj gubernii* [Prisoners of war in the Orenburg province] // *Etnopanorama* [Ethnopanorama]. – 2001. – № 2. – S. 70–71. (In Russ.).

13. *Mashkova N.N. Mobilizaciya lyudskih i material'nyh resursov na YUzhnom Urale v usloviyah vojny (1914–1917 gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. Nauk* [Mobilization of human and material resources in the Southern Urals during the war (1914–1917): abstract. dis. ... Candidate of Historical Sciences], 2004. (In Russ.).

14. *Idrisova E.S. Inostrannye voennoplennye Pervoj mirovoj vojny na YUzhnom Urale v 1914–1921 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Foreign prisoners of war of the First World War in the Southern Urals in 1914–1921: abstract. dis. ... Candidate of Historical Sciences], 2008. (In Russ.).

15. *Magomedov R.R., Grishakov L.V. Ideya slavyanskogo edinstva i ee otrazhenie v politike v otnoshenii voennoplennykh slavyan v Orenburgskoj gubernii v gody Pervoj mirovoj vojny* [The idea of Slavic unity and its reflection in the policy towards Slavs prisoners

of war in the Orenburg province during the First World War] // *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Elektronnyj nauchnyj zhurnal* [Bulletin of Orenburg State University. Electronic scientific journal]. – 2017. – № 4 (24). – S. 109–118. (In Russ.).

16. *Priказы po Kazanskomu voennomu okrugу* [Orders for the Kazan Military District]. – Kazan, 1916.

17. *Orenburgskaya zhizn* [Orenburg life]. – 1914. – 15 avgusta [august].

18. *Ob"edinennyj gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti (OGA00)* [The United State Archive of the Orenburg region (OGA00)]. F. 21. Op. 2. D. 569.

19. Senyavskaya E.S., Mironov V.V. *CHelovek na vojne: «svoi» i «chuzhie»* [A man at war: "his own" and "strangers"] // *Mirovye vojny XX veka. Kn. 1. Pervaya mirovaya vojna: istoricheskij ocherk* [World wars of the XX century. Book 1. The First World War: a historical essay]. – Moscow: Nauka, 2002. – S. 519–537. (In Russ.).

20. OGA00 [OGA00]. F. 22. Op. 5. D. 90.

21. OGA00 [OGA00]. F. 11. Op. 1. D. 1281.

22. *Orenburgskoe slovo* [Orenburg word]. – 1916. – 16 *iyunya* [june's].

23. OGA00 [OGA00]. F. 41. Op. 1. D. 421.

24. *Orenburgskoe slovo* [Orenburg word]. – 1916. – 4 *oktyabrya* [october's].

25. *Orenburgskoe slovo* [Orenburg word]. – 1916. – 10 *avgusta* [august].

26. *Orenburgskaya gazeta* [Orenburg newspaper]. – 1914. – 21 *sentyabrya* [september].

27. OGA00 [OGA00]. F. 15. Op. 1. D. 289.

Г.Г. Циденков

Рабочая повседневность доставки шведских гуманитарных грузов в голодающие районы Самарской губернии в 1921–1922 гг.

С декабря 1921 г. в пораженных голодом районах Советской России, а затем и Украинской ССР, развернула свою деятельность экспедиция шведского Красного Креста. Ежедневное питание и лечение массы голодающих в районах действия экспедиции требовали все нарастающих грузовых морских и железнодорожных перевозок. Доставка и сопровождение грузов вызывали множество различных проблем, связанных с тяжелейшим экономическим положением страны, разрухой на транспорте, плачевным состоянием подвижного состава и бандитизмом. В статье на основе российских и шведских архивных документов описывается типичное движение шведских продовольственных маршрутов из морских портов в голодающие волости Самарской губернии.

Ключевые слова: голод 1921–1923 гг., шведский Красный Крест, продовольственные маршруты, транспорт.

Grigorii G. Tsidenkov

Working everyday routine of the delivery of Swedish humanitarian cargo to the starving regions of the Samara province in 1921–1922

Since December 1921, an expedition of the Swedish Red Cross launched its activities in the regions of Soviet Russia and then the Ukrainian SSR, affected by the famine. Daily nutrition and treatment of the mass of the starving population in the areas of the expedition required ever-increasing freight sea and rail transport. The delivery and escort of goods was accompanied by many different problems caused by the country's dire economic condition, devastation in transport, the deplorable state of the rolling stock and banditry. The article, based on Russian and Swedish archival documents, describes the typical movement of Swedish food routes from seaports to the starving districts of the Samara province.

Key words: the famine of 1921–1923, Swedish red Cross, food routes, transport.

Настоящая статья написана в ходе работы над докторской диссертацией под научным руководством выдающегося российского ученого, историка и демографа Александра Ивановича Репинецкого, который об-

ратил и благословил научный интерес автора на изучение истории голода 1921–1923 гг. и всей проблематики, связанной с историей голодных бедствий.

Введение

Непосредственная помощь пострадавшему населению во время масштабного голода 1921–1923 гг. на огромных территориях РСФСР и УССР осуществлялась путем доставки в голодающие местности продовольственных, медицинских и прочих гуманитарных грузов. Важнейшее значение железнодорожного транспорта в проводившихся операциях абсолютно очевидно. Вместе с тем большинство работ, посвященных данной проблематике, по большей части отмечают только разруху на транспорте, огромные железнодорожные пробки и длительные задержки в движении поездов на начальных этапах борьбы с голодом. Сведения о движении эшелонов с гуманитарной помощью содержат лишь даты отправки и прибытия грузов. В то же время вопросы, как именно осуществлялась транспортировка гуманитарной помощи и что происходило с эшелонами в пути, практически не находят отражения в современной научной публицистике. В настоящей статье мы постарались частично восполнить этот досадный пробел, показав движение продовольственных маршрутов глазами непосредственных участников – уполномоченных лиц по сопровождению грузов.

Обзор источников и литературы

Типичную картину движения продовольственных грузов на начальном этапе борьбы с голодом 1921–1923 гг. можно восстановить на основе многочисленных рапортов военных и гражданских комендантов продовольственных маршрутов, донесений и приказов вооруженной охраны эшелонов и железнодорожной администрации. Наиболее полно такого рода документы представлены в фондах Государственного архива Российской Федерации: фонд № Р-1058 Полномочного представительства РСФСР и Украинской ССР при всех заграничных организациях помощи России и фонд № Р-1064 Центральной комиссии помощи голодающим (ЦК помгол) при Всероссийском центральном исполнительном комитете. В представленной вниманию читателя статье приведены сведения из рапортов делегатов шведского Красного Креста, сопровождавших шведские гуманитарные грузы из портов Ревеля и Петрограда в Самарскую губернию зимой 1921–1922 гг. Данные документы, как и основной массив документов по шведской гуманитарной помощи советскому населению в 1921–1923 гг., содержатся на хранении в Национальном архиве Швеции – Riksarkivet, в фондах шведского Красного Креста: Byrånförhjälpverksamhet i Ryssland 1921–1925 и Samaraexpeditionen 1919–1924.

В качестве историографической базы при описании контекста работы служащих шведского Красного Креста на территории Советской

России нами отобраны научные работы, в той или иной мере освещающие шведскую гуманитарную помощь голодающему населению в 1921–1923 гг.: отдельные главы книги Пер Аллана Ульсона «Военнопленные и ангелы» [1], статьи Ю.Ю. Аншаковой, А.Ю. Федотовой, Г.Г. Циденкова [2–4], монография Бенгта Янгфельдта «Шведские пути в Санкт-Петербург: главы из истории о шведах на берегах Невы» [5].

Результаты

В августе 1921 г. на международной конференции Красного Креста в Женеве шведский Красный Крест (далее – ШКК) вступил в Международный комитет помощи России, созданный по инициативе Фритьофа Нансена (далее – комитет Нансена), и в дальнейшем оказывал помощь голодающим по его линии. Комитет Нансена по договору с советским правительством обладал правом самостоятельного выбора районов своей деятельности в пораженных голодом губерниях. ШКК первым районом своей деятельности выбрал Самарскую губернию, хорошо знакомую шведским сотрудникам по работе с военнопленными на территории России во время Первой мировой войны: в те годы в Самаре размещалась центральная контора ШКК по работе с военнопленными в Поволжье и Сибири [1]. Правительство Швеции и ШКК сразу же в августе начали подготовку к экспедиции.

Попутно шведская общественность и крупные шведские промышленники отправили ряд делегаций в Советскую Россию с гуманитарной помощью для разведки общей обстановки [2, с. 13]. Так, Объединение шведских торгово-промышленных предприятий самостоятельно доставило осенью-зимой 1921 г. в Петроград, а затем в Казань 230 т ржаной муки и промышленных грузов на общую стоимость в 123 233 шведские кроны [3, с. 95, 97].

Сама же экспедиция ШКК выехала из Швеции в октябре 1921 г. и 6 декабря того же года прибыла в Самару [4, с. 179]. Первоначально районом работы экспедиции были выбраны небольшие волости в окрестностях г. Самары, где шведы быстро развернули сеть питания на 8 тыс. чел. Однако, осознав масштабы бедствия, ШКК запросил помощи у своего правительства и в разы увеличил районы и охват гуманитарной помощи, доведя месячное количество порций горячих обедов и пайков до 1800 000 ед. [6, л. 18], что, в свою очередь, потребовало увеличения железнодорожных перевозок.

Шведская транспортная логистика строилась на доставке морскими судами гуманитарных грузов в порты Петрограда и Ревеля, где составлялись поезда, следовавшие затем в Самару. Центральным узлом служил Петроград, где окончательно определялись продовольственные маршруты, назначались коменданты поездов, сопровождающие делегаты ШКК и вооруженная охрана. Ключевую роль во всей этой системе играл шведский инженер Юн Тунельд, который с 1920 г. представлял в

Петрограде ШКК, Общество спасения детей, ряд крупных шведских торгово-промышленных объединений [5, с. 314]. В пути следования эшелонов общее руководство осуществлялось назначаемыми советскими властями комендантами продмаршрутов.

Каждому коменданту выдавался мандат от правительства РСФСР, согласно которому все железнодорожные власти, органы ВЧК и РККА обязывались оказывать полное содействие комендантам, производить охрану, защиту и конвой продовольственных эшелонов. Прямыми обязанностями комендантов были:

- наблюдение за снабжением паровозов топливом, сохранностью вагонов, своевременным отправлением поездов;
- надзор за охраной, установление мер безопасности иностранных грузов и служащих гуманитарных миссий [7, л. 389].

Сразу же за первым шведским эшелоном в Самару прибыли еще два: 30 декабря было доставлено 1800 т продуктов, 20 февраля 1922 г. прибыл поезд с 33 т продуктов [2, с. 14]. На основе сохранившихся рапортов шведских делегатов можно составить довольно полное представление о том, с какими колоссальными проблемами сталкивались на своем пути продовольственные маршруты, доставлявшие грузы в голодающие губернии в зиму 1921/22 г. Оба рапорта находятся на хранении в фондах ШКК в Национальном архиве Швеции – Riksarkivet.

Второй эшелон с продовольствием сопровождали два делегата ШКК: Свен Эдвард Норлин и Самюэль Сарве. В путь они отправились без оружия, так как ящик с зарегистрированными на советской таможне револьверами был отправлен с основной экспедицией первым эшелоном. О чем им, судя по всему, пришлось сильно пожалеть.

Согласно их рапорту, 26 ноября 1921 г. состоялось отплытие из Стокгольма. В порт Ревеля они прибыли спустя три дня.

Девять дней шведские делегаты контролировали разгрузку грузов с пароходов «Libau», «Uranus», «Egil» и «Alfred» и погрузку в прибывшие из Петрограда вагоны.

8 декабря 1921 г. в 3 ч утра эшелон выехал в Петроград. На первом же перегоне вышел из строя вагон № 647 069. Его пришлось оставить, грузы были перераспределены по остальным вагонам.

В 6 ч вечера того же дня эшелон прибыл в Ямбург. Здесь вагоны прицепили уже к советскому паровозу, Норлин и Сарве познакомились с вооруженной охраной, получили паспорта.

В 11 ч утра 9 декабря 1921 г. поезд выехал в направлении Москвы. Через сутки пути добрались только до Тосно.

11 декабря 1921 г. – долгая остановка в Любани: пропускали американские поезда с продовольствием.

13 декабря 1921 г. в 8 ч утра возобновили движение.

14 декабря 1921 г. в 10 ч вечера эшелон прибыл в Бологое: стоянка и осмотр вагонов – 4 ч.

15 декабря 1921 г. в 9 ч утра эшелон прибыл на вокзал Твери. Прямо на путях большая группа неизвестных людей пыталась вскрыть вагоны. Охрана открыла огонь и убила или ранила двух человек – те остались лежать на снегу, а поезд немедленно тронулся в путь и возобновил движение.

16 декабря 1921 г., в полдень, эшелон прибыл в Клин и через сутки добрался до Москвы. В Москве делегаты встретились со шведскими представителями, получили пропуска, накладные и т. п. Наркомат путей сообщения поменял вагоны.

21 декабря 1921 г. – отъезд из Москвы в направлении на Самару.

23 декабря 1921 г. в 6 ч вечера эшелон прибывал в Рязань, где стоял сутки в ожидании топлива и воды.

24 декабря 1921 г. – отправление из Рязани в Сасово.

25 декабря 1921. – остановка в Сасово: замена сломавшегося локомотива и получение топлива для нового. Из Сасово эшелон выехал в глубоких сумерках.

В ночь с 25 декабря на 26 декабря 1921 г. в районе Теплого Стана, прямо на ходу, неизвестные запрыгнули на подножки и пытались проломить вагоны. В вагон, где ехали Норлин с Сарве, буром и ломом проламывалась крыша. Снаружи шел бой – охрана открыла огонь. Грабители оказались вооружены и открыли ответный огонь.

27 декабря 1921 г. – остановка и осмотр поезда в Рузаевке. Бой прошел без потерь для вооруженной охраны. В трех вагонах были разбиты бочки с сельдью (вытащить бочку на ходу невозможно, их было 96 в вагоне и стояли они очень плотно. – *Прим. авт.*). Выломаны доски из вагона с мукой, все рассыпано, так что оценить ущерб не представлялось возможным. Помимо этого, нападавшие утащили три больших мешка с сухим молоком. В Рузаевке наскоро забили досками четыре поврежденных вагона и выехали далее уже в сумерках.

В ночь с 27 на 28 декабря 1921 г. из-за перегрева вагонных осей сломалась сцепка между 8-м и 9-м вагонами. В результате 30 вагонов с продовольствием отцепились. Затормозили их только через 15 км в поле.

Весь день 28 декабря 1921 г. эшелон простоял в чистом поле, осуществляя силами железнодорожников, вооруженной охраны и шведских делегатов необходимый ремонт.

30 декабря 1921 г. эшелон прибыл на станцию Самара [8, 28.А.3: с № 1199].

Третий эшелон ШКК был отправлен с грузом сельди и одежды из Швеции 20 декабря 1921 г. пароходом «Эгиль». Сопровождающим груз был назначен делегат ШКК Дэвид Белин, который уже находился в России.

21 декабря 1921 г. делегат ШКК Белин выехал из Петрограда в Ревель для встречи парохода, приема и сопровождения груза.

23 декабря 1921 г. Белин прибыл на место, заключил договор с эстонскими грузчиками и стал ждать оставшиеся вагоны, из которых составлялся поезд.

29 декабря 1921 г. прибыл пароход «Эгиль». Началась выгрузка с него 260 т сельди и двух вагонов одежды. Выгрузка происходила крайне медленно из-за нехватки рабочих рук.

3 января 1922 г. разгрузили только половину грузов, но уже закончились выделенные Белину вагоны. Все, что было уже погружено, он отвозил в Петроград и возвращался с порожними вагонами обратно.

8 января 1922 г. оставшиеся грузы прибыли в Петроград, где был сформирован поезд из 29 вагонов. 26 вагонов везли по 96 бочек с сельдью, два – одежду, в одном вагоне размещались Белин с вооруженной охраной.

В первый же день пути в Тосно сломался вагон № 862103. Требовалась замена подшипника. Вагон отцепили, надеясь получить запасной на станции Окуловка. В Окуловке вагона не оказалось: поезд остановился, и комендант продовольственного маршрута запросил телеграммой о состоянии вагона в Тосно. Двое суток эшелон ожидал вагона из Тосно с попутным локомотивом.

11 января 1921 г. отремонтированный вагон прибыл на станцию, но местные власти самовольно отцепили вагон с сельдью № 500501. Сутки Белин ожесточенно спорил с местными властями о возврате вагона, пока не получил срочную телеграмму от руководителя экспедиции ШКК Эрика Экстранда с категорическим приказом не задерживаться и как можно быстрее возобновить движение. Из-за этой задержки эшелон прибыл в Москву только 14 января.

В Москве произошла путаница с ведомственной принадлежностью вагонов. Часть из вагонов отобрали московские железнодорожники. Самарская экспедиция ШКК, стремясь избежать бюрократических споров, доставила своими силами выделенные для первой экспедиции вагоны из Самары в Москву.

29 января 1921 г. началась перегрузка сельди и одежды в «свои» вагоны. При этом пропал вагон № 3288651 с сельдью, обнаружить его не удалось и Белин написал заявление в ВЧК.

1 февраля 1922 г. погрузка в прибывшие из Самары вагоны наконец была завершена, прицеплен вагон для сопровождающих и вооруженной охраны.

2 февраля 1922 г. Белин получил телеграмму из Самары с просьбой попытаться обменять часть сельди на овес (в Самаре отчаянное положение с фуражом – *прим. авт.*). День ушел на переговоры с московскими властями, в результате которых выяснилась невозможность подобной операции. Поздним вечером эшелон возобновил движение.

Через двое суток, 4 февраля 1922 г., эшелон прибыл в Рязань, где представители Наркомата путей сообщения узнали в составе эшелона

«свои» вагоны. Несмотря на протесты Белина, ведомственный локомотив начал тянуть вагоны с гуманитарными грузами обратно в Москву. Белин доложил о происходящем в Самару и Эрик Экстранд направил срочную телеграмму полномочному представителю правительства РСФСР при всех иностранных организациях помощи Александру Эйдуку с требованием прекратить производ железнодорожных властей. Аппарат Эйдука вмешался в ситуацию, локомотив Наркомпути отцепили и эшелон ШКК возобновил движение на Самару.

8 февраля 1922 г. эшелон прибыл в Рыбное и стоял там двое суток: полностью закончилось топливо, на станции его запасы отсутствовали. 10 февраля Белин отправил в Самару очередную телеграмму с просьбой оказать содействие в продолжении движения эшелона. В свою очередь Экстранд снова отправил срочную телеграмму в адрес Эйдука.

11 февраля 1922 г. топливо «внезапно» обнаружилось на станции, локомотив заправили и эшелон возобновил движение.

13 февраля 1922 г. – остановка на станции Ясаково: один вагон пришлось оставить для замены подшипника, грузы перегрузили в оставшиеся вагоны.

14 февраля 1922 г. эшелон прибыл в Рузаевку, где стоял сутки: происходил осмотр осей вагонов, заправка водой и проводились мелкие ремонтные работы.

16 февраля 1922 г. эшелон прибыл в Инзу, откуда только через двое суток добрался до Сызрани.

18 февраля 1922 г. – остановка на сутки в Сызрани: починка, заправка и т. п.

19 февраля 1922 г. на станции Батраки, у железнодорожного моста через Волгу, неизвестные разбили засовы на двух вагонах с одеждой и пытались разграбить их. Охрана открыла огонь и рассеяла грабителей.

20 февраля 1922 г. эшелон прибыл в Самару [8, 28.А.3:с № 1204].

Как мы видим, основными причинами задержек в пути были:

- критическая изношенность подвижного состава;
- острый дефицит топлива;
- бюрократические препоны и проволочки;
- бандитизм и, как следствие, необходимость формирования и содержания вооруженной охраны.

Выводы

Сопровождение продовольственных маршрутов было нелегким и опасным делом. Тем не менее в этих суровых условиях ответственные лица сообща выполняли тяжелую работу, доставляя столь необходимые грузы страдающему от голода и эпидемий населению.

Все эти проблемы были, как известно, большей частью преодолены после назначения наркомом путей сообщения Феликса Дзержинского. Продовольственные маршруты, прибывавшие в голодающие губернии с весны 1922 г., уже не испытывали подобных трудностей и опасностей

в пути, хотя скорость их движения продолжала оставаться нестабильной до лета 1922 г. из-за нехватки топлива в стране.

После восстановления относительно нормального железнодорожного сообщения в европейской части России и на Украине, а также подавления крупных очагов бандитизма силами ВЧК-ГПУ и отрядов ЧОН, крупные дорожные инциденты практически пропадают из сводок и документов. Однако на железной дороге происходил одновременный рост мелких ссор и разногласий с иностранными миссиями помощи. Данное явление было вызвано, как нам видится, тем обстоятельством, что вместе со стабилизацией обстановки на транспорте иностранные организации помощи на территории РСФСР и УССР стали требовать от советских властей буквального исполнения договоров по перевозкам личного состава и грузов гуманитарных миссий. Так, 2 сентября 1922 г. полномочный представитель правительства РСФСР при всех иностранных организациях помощи в Самарской губернии т. Карклин докладывал Ф. Дзержинскому о том, что местная железнодорожная администрация не может выдать всем сопровождающим грузы иностранным работникам мягких вагонов и на два мягких отпускает один «твердый» вагон [9, л. 5].

Список литературы

1. Olsson P.A. Krigetsfångarochänglar: Svenska hjälparbetare under förstavärldskriget. – Stockholm: Historiskamedia, 2018.
2. Аншакова Ю.Ю. Гуманитарная деятельность шведского Красного Креста в России во время голода начала 1920-х гг. // Российская государственность: от истоков до современности: материалы междунар. науч. конф. – Самара, 2012. – С. 13–15.
3. Федотова А.Ю., Циденков Г.Г. Гуманитарная помощь шведским торгово-промышленным предприятием голодающим Советской России в 1921–1923 гг. // Клио. – 2019. – №. 6. – С. 93–99.
4. Циденков Г.Г. Организационная структура миссии шведского Красного Креста по оказанию помощи голодающим Самарской губернии во время голода 1921–1923 гг. // Самарский научный вестник. – 2018. – Т. 7. – №. 1 (22). – С. 179–182.
5. Янгфельдт Б. Шведские пути в Санкт-Петербург: главы из истории о шведах на берегах Невы / пер. со шв. Ю.Н. Беспятовых. – Стокгольм; СПб., 2003.
6. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 168.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Р-1058. Оп. 1. Д. 176.
8. Riksarkivet. SKR /Byrånförhjälpverksamhet i Ryssland/ F/ Vol. 1
9. ЦГАСО. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 109.

References

1. Olsson P.A. Krigetsfångarochänglar: Svenska hjälparbetare under förstavärldskriget – Stockholm: Historiskamedia, 2018.
2. Anshakova YU. YU. *Gumanitarnaya deyatel'nost' SHvedskogo Krasnogo Kresta v Rossii vo vremya goloda nachala 1920-h godov* [Humanitarian activity of the Swedish Red Cross in Russia during the famine of the early 1920s] // *Rossiyskaya gosudarstvennost': ot istokov do sovremennosti: materialy mezhdunar. nauch. konf.* [Russian Statehood: from

the origins to the present: materials of the International Scientific Conference]. – Samara, 2012. – S. 13–15.

3. Fedotova A.YU., Tsidenkov G.G. *Gumanitarnaya pomoshch' shvedskim trgovopromyshlennym predpriyatiyam golodayushchim Sovetskoj Rossii v 1921–1923 gg.* [Humanitarian aid to Swedish commercial and industrial enterprises starving Soviet Russia in 1921–1923] // *Klio* [Clio]. – 2019. – №. 6. – S. 93–99.

4. Tsidenkov G.G. *Organizacionnaya struktura missii SHvedskogo Krasnogo Kresta po okazaniyu pomoshchi golodayushchim Samarskoj gubernii vo vremya goloda 1921–1923 godov* [Organizational structure of the mission of the Swedish Red Cross to assist the starving of Samara province during the famine of 1921–1923] // *Samarskij nauchnyj vestnik* [Samara Scientific Bulletin]. – 2018. – T. 7. – №. 1 (22). – S. 179–182.

5. YAngfel'dt B. *SHvedskie puti v Sankt-Peterburg: Glavy iz istorii o shvedah na beregah Nevy* [Swedish ways to St. Petersburg: Chapters from the history of the Swedes on the banks of the Neva] / per. so shv. YUN Bespyatyh. – Stokgol'm-Sankt-Peterburg, 2003.

6. *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Samarskoj oblasti (CGASO)* [Central State Archive of the Samara region]. F. R-79. Op. 1. D. 168.

7. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation]. R-1058. Op. 1. D. 176.

8. Riksarkivet. SKR/Byrånförhjälpverksamhet i Ryssland/ F/ Vol. 1

9. CGASO. R-79. Op. 1. D. 109.

ТРУДОВАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

УДК 94(470.323)«19»:378.6:61

ГРНТИ 03.23.55: История России Новейшего времени

DOI 10.35231/25422375_2022_2_77

Е.С. Кравцова

Организация работы Курского медицинского института в довоенный период

Курский государственный медицинский университет является одним из успешных вузов не только Курской области, но и Российской Федерации в целом; известен не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Решение об открытии Курского медицинского института было принято в 1934 г. Оно было связано с острой нехваткой медицинских кадров разных звеньев в черноземных губерниях РСФСР. В феврале 1935 г. был подписан приказ об открытии вуза. Особенностью был тот факт, что все процессы проходили параллельно: подготовка документации, строительство учебных корпусов и общежитий, комплектование штата профессорско-преподавательского состава, комплектование материальной базы, проведение вступительных экзаменов и др. Все эти проблемы приходилось решать первым директорам института: Виктору Ивановичу Дешевому, Яну Мартыновичу Бунэ, Самуилу Рувимовичу Гехману, которые преодолевали трудности, формируя высококвалифицированный коллектив и складывая славные традиции вуза, поднимали его авторитет среди других учебных медицинских заведений.

Ключевые слова: Курский государственный медицинский институт, директор, Наркомат здравоохранения, кадровая политика, успеваемость, история образования.

Elena S. Kravtsova

Organization of work of Kursk Medical Institute in the pre-war period

Kursk State Medical University is one of the most successful universities not only in the Kursk region, but also in the Russian Federation as a whole; known not only in our country, but also far beyond its borders. The decision of opening Kursk Medical Institute was made in 1934. It was associated with an acute shortage of medical personnel at various levels in the RSFSR black-earth provinces. The order to open the university was signed in February 1935. The feature of the university was the fact that all processes took place in parallel: preparation of documentation, construction of educational buildings and dormitories, teaching staff recruitment, material base acquisition, conducting of entrance exams, etc. All these problems had to be solved by the first directors of the institute: Viktor Ivanovich Deshevoy, Yan Martynovich Bune, Samuil Ruvimovich Gekhman, who overcame difficulties, forming a highly qualified team and adding up the glorious traditions of the university, raised its authority among other educational medical institutions.

Key words: Kursk State Medical Institute, director, People's Commissariat of Health, personnel policy, academic performance, history of education.

Говоря о научных интересах А.И. Репинецкого, стоит отметить, что они очень разноплановы: от политической истории России [1] до государственной политики во время послевоенного голода 1946–1947 гг. [2]. Отдельный спектр работ посвящён проблемам образования разных периодов: военного [3], послевоенного [4] и современного [5–7]. Многие факты и выводы вызывают интерес. Например, подсчеты автора динамики получения образования молодыми людьми, чье отрочество и юность пришлись на военные годы. «Война негативно повлияла на образовательный уровень людей, которым к началу Великой Отечественной войны было 22–26 лет. Они подлежали первоочередной мобилизации и на их долю выпали все испытания начального этапа войны» [3, с. 67]. Подчёркивается связь между уровнем образования рабочих и потребностью государства в его повышении в послевоенный период. «Между тем общее среднее образование имели только около трети рабочих, а рабочий с высшим образованием был крайне редок, и на него смотрели как на явного неудачника. Необходимо было повысить не только профессиональный, но и образовательный уровень рабочих. Эта диспропорция между потребностью и реальностью стала одной из причин проведения реформы образования» [8, с. 204]. Поддерживая это направление исследований Александра Ивановича, мы решили обратиться к вопросам организации работы Курского государственного медицинского института в довоенный период.

Курский государственный медицинский университет имеет долгую и славную историю. Институт был основан согласно постановлению СНК (Совет народных комиссаров СССР) № 89 от 9 февраля 1935 г. и уже в начале мая того же года был определён план приема на 1935/36 уч. год – 250 студентов на первый курс лечебного факультета. Деятельностью вуза интересуются исследователи, однако большая часть публикаций посвящена военному [9–13] и послевоенному периодам [14; 15], а момент организации института незаслуженно обделен вниманием историков.

О первых годах работы университета сохранились материалы в государственном архиве Курской области (далее – ГАКО), архиве Курского государственного медицинского университета, публикациях в газетах «Курская правда» и «Молодая гвардия», воспоминаниях преподавателей и студентов. Обратимся к коллекции документов, собранных в фондах ГАКО. Деятельности КГМУ посвящен фонд Р-4847, который вмещает дела начиная с 1935 г. и по настоящее время. Однако отметим, что довоенный комплекс дел довольно фрагментарен. Такая ситуация объяснима событиями Великой Отечественной войны, эвакуацией института в Казахстан (г. Алматы). После завершения войны поступления архивных дел имеет стабильный характер и широк по спектру вопросов (от приказов по министерству до деятельности ячейки проф-

союзов). Решение поставленных исследовательских задач обеспечивалось комплексом взаимосвязанных теоретических (анализ научной литературы, сравнительный, сопоставление, обобщение, систематизация) и эмпирических методов (изучение и обобщение источников, герменевтический).

Из довоенных документов представляет интерес небольшое количество сохранившихся довоенных протоколов заседания ученого совета института. Отметим, что в тот период состав его был малочислен (не более 20 чел.). Темы, которые подлежали рассмотрению, были разнообразны: от анализа успеваемости до кадровых вопросов.

В довоенный период отчет об успеваемости чаще всего представлял заведующий кафедрой биохимии М.И. Равич-Щербо. Так, на заседании совета 15 марта 1937 г. он отметил, что на первом и втором курсе успеваемость в целом удовлетворительная. Десять человек с первого курса и одиннадцать со второго являются отличниками. Поскольку институт работал только второй год, и количество студентов было небольшое, то профессорско-преподавательский состав и руководство вуза знали проблемы каждого студента. В частности, в этом же докладе отмечалось, что студентам Якубо, имеющей задолженность по химии и анатомии, необходимо сдать анатомию до 25 марта (в случае несдачи исключить из института); Бурцеву, имеющему задолженность по химии, биологии и физике, дать срок сдачи этих предметов до 10 апреля 1937 г. (в случае несдачи исключить из числа студентов) и т. д. [16, л. 3].

В декабре 1937 г. докладчик отмечал ухудшение подготовки студентов. Проведенный коллоквиум по биохимии «не дал положительных результатов. Беседа проводилась в присутствии всей группы, удовлетворительных ответов процентов 40, что объясняется близостью экзаменационной сессии» [16, л. 30]. Кроме того, Михаил Иванович вынес на обсуждение принципы проведения сессии: все студенты сдают экзамены в строго установленные сроки, расписание экзаменов было подготовлено и разослано по кафедрам. Лица, не пришедшие в срок на экзамен или получившие неудовлетворительную отметку, могли пересдать только в феврале с разрешения декана. Студенты, получившие два раза неудовлетворительную отметку, могли еще надеяться сдать экзамен с разрешения ректора в июне. Экзамен разрешалось принимать только при наличии зачётных книжек, в них должна быть отметка о переводе на следующий курс. Кафедры должны были предоставлять сведения об отметках в деканат на следующий день после экзамена. Они должны были иметь журнал учета успеваемости и выделить ответственного ассистента по нему. Студенты, имевшие задолженность, должны были погасить её к 1-му января, а не сдавшие задолженность не допускались к зачётной сессии [16, л. 30].

Важное место на заседаниях совета занимал вопрос обсуждения учебных программ. Отметим, что этот вопрос вызывал много нареканий

и требовал доработок. Целый ряд программ критиковался за чрезмерный объем. Например, при обсуждении программы по физиологии проф. Н.К. Верещагин отмечал, что она «чрезвычайно обширна, охватить такую программу студенту не представляется возможным. Как пособие для лектора – она пригодна. Кроме всего этого имеется много уклонений в сторону смежных дисциплин» [16, л. 22], «между тем как исполнительная записка требует, и вполне правильно, углубленных знаний» [16, л. 16]. Поэтому, если освещать все предложенные вопросы в 140 лекционных часах, получится весьма поверхностное изложение. Вторил ему и профессор Н.С. Смирнов: «Программу следует срезать. Чересчур перегружена. Программа охватывает много, но это значит не дать ничего. Программа составлена с ненужной полнотой и обширностью, затрудняющей основательное прохождение необходимых основ предмета. Таким образом, учащийся получит только поверхностное, неглубокое представление о предмете. Кроме того, охвачена и такая область, относящаяся уже не к пропедевтике, а к следующему курсу по терапии» [16, л. 22]. Н.С. Смирнов делал вывод, что 100 болезненных форм плюс курс пропедевтики в 41 лекции профессионально изложить просто невозможно. При обсуждении программы по латинскому языку отмечался большой объем и сложность учебного материала предлагаемой программы, а также ограниченность времени, отведенного на изучение латинского языка, поэтому предлагалось внести ряд непринципиальных сокращений в программу: по разделу склонений – ограничиться важнейшими подключениями; из предлогов взять только те, которые встречаются в тексте для упражнений [16, л. 16].

Другие программы подвергались пересмотру в связи с недостаточностью предлагаемого материала. Отмечалось, что в программе по биохимии отсутствуют принципиально важные определения ацетона, аммиака, креатинина и др., а вместе с тем приведены ряд процессов (например, гидролиз нуклеопротеинов), «которые не имеют большого практического назначения» [16, л. 16]. А в программу по фармакологии в раздел «Гормональные препараты» следует включить в препараты половых желез также и препараты, выделенные из половых гормонов: «андростерон, тестостерон, также следовало внести после калликрейна такпазутин» [16, л. 16]. Также для полноты изучения дисциплины «следует также упомянуть о ваготропных влияниях кофеина, морфия, а также о влиянии атропина на дыхательный аппарат» [16, л. 16].

Качественная работа вуза была напрямую связана с поступлением подготовленных абитуриентов, привлечением успешных выпускников школ к обучению в КМИ. Этот вопрос специальным блоком был выделен на заседании ученого совета в мае 1938 г., более того Народный комиссариат здравоохранения также был заинтересован в этой работе. По вопросу о планах осуществления приемной кампании выступил профес-

сор Н.К. Верещагин. Он сообщил, что необходимо организовать приемную комиссию, куда должны войти: директор, заведующий учебной частью, декан, два – три профессора и секретарь института. Следовало активизировать работу по продвижению имиджа вуза для привлечения абитуриентов через рекламу в газетах и радио. Предлагалось внедрить систему посещений десятилеток для ознакомления школьников с вузом, а также организовать экскурсии в институт, для чего «выбрать ответственное лицо, которое и ведало бы экскурсиями», причем из числа тех, кто окончил десятилетку и продолжил обучение в медицинском институте. Кроме этого, было решено щиты с фотографиями вуза и правилами приема разослать в районы, выбрать ответственное лицо для охвата районных школ с целью их посещения и проведения профессионально ориентированных бесед. Привлечь к агитационной работе врачей на местах и «организовать велопробег студенчества в районы» [16, л. 24].

Поднимались и вопросы строительства института, его приведения в надлежащий учебный вид при постоянном дефиците средств. Так, на заседании ученого совета в 1937 г. в качестве решений по строительно-хозяйственной деятельности были приняты следующие. «Привести в порядок в кратчайший срок все уборные института. Привести столовую в санитарно-гигиенический вид. Организовать централизованное снабжение кафедр хозяйственным инвентарем. Выделить особое помещение с несгораемым шкафом для хранения ядовитых веществ по особому списку. Устроить затемнение в новой аудитории. Вентиляция в читальном зале! Витрины для кафедр анатомии. Организовать вечерний надзор за студентами в стенах института, обязав коридорных следить, чтобы студенты не разносили мебель из комнат и не закрывались парочками в комнатах. Обязать швейцара проверять и давать пропуска» [16, л. 24].

Вызывает интерес доклад директора вуза С.Р. Гехтмана в 1940 г. на совещании руководителей медицинских учебных заведений при наркомате здравоохранения, в котором он поднимал в том числе и кадровый вопрос. Докладчик отмечал, что «в НКЗдраве существует легкое отношение к провинциальным вузам, провинциальный вуз ставится на такое место, куда можно сваливать всё, что не годится. Не считаются с тем, что в провинциальных вузах нужно проводить работу на таком же высоком уровне, как это делается в центральных вузах» [17, л. 1]. Далее С.Р. Гехтман подчеркивал, что нет четкой системы назначения профессорско-преподавательского состава в вузы в центральном управлении: «в один прекрасный день ко мне является профессор и говорит, что он выбран по конкурсу. Я об этом ничего не знаю. Я тотчас же написал во все соответствующие инстанции. Через некоторое время является ко мне молодой человек и говорит: я назначен на кафедру нервных болезней. Он 3–4 дня или, может быть, два месяца тому назад сдал на степень доктора медицины, он не вел доцентуры. Правда, он хорошо знает

гистологию. Я звоню т. Шабанову [Александр Николаевич Шабанов – начальник Главного управления медицинскими учебными заведениями. – Е.К.] по телефону, он говорит – объяви конкурс. Затем сыплется целый град телеграмм – почему не выполняется приказ» [17, л. 2]. Самуил Рувимович отмечал, что в такой системе терялась роль директора как руководителя, поскольку от его решений мало что зависело. Он подчеркивал, что распределение кадров осуществлялось крайне нелогично и приводил следующий пример: для усиления кафедры нервных болезней Курского медицинского института «мы пригласили из Ленинграда доктора медицины тов. Шелудко, а Наркомздрав вел 10 дней с ним переговоры, чтобы он поехал не куда-нибудь, а в Харьков» [17, л. 3]. По мнению ректора, такая политика подрывала положение вуза. «Нужно положить конец такому отношению к провинциальным вузам. Нужно учиться у Запада. Докторов медицины, которые работают в поликлинике, нужно смелее двигать на периферию. Надо положить конец разговорам, что провинциальные вузы – это вузы второго сорта. Мы выпускаем продукцию не худшую, чем центральные институты» [17, л. 3].

«Война прервала процесс развития отечественной общеобразовательной школы» [3, с. 63] и летом 1941 г. Курский медицинский институт начал новую страницу своей истории.

С 1935 по 1941 гг. состоялось два полноценных выпуска студентов, которые распределялись по разным регионам страны и уровень их подготовки не вызывал критики со стороны руководителей медицинских учреждений. К сожалению, до наших дней дошел небольшой пласт архивных материалов об истории Курского медицинского института в начале его становления. Сохранились и другие интересные данные: о государственном распределении выпускников после пятилетнего срока обучения в 1940 г. [18] и 1941 г. [19]; о проведении государственных выпускных экзаменов [20], что дает возможность для проведения разноплановых исследований.

Список литературы

1. Репинецкий А.И., Ипполитов Г.М. ГУЛАГ как исторический феномен: опыт историографического обзора // Клио. – 2011. – № 4 (55). – С. 20–29.
2. Репинецкий А.И. «Никому мы не нужны» голод 1946–1947 гг. в Куйбышевской (Самарской) области // Самарский научный вестник. – 2014. – № 4 (9). – С. 106–109.
3. Репинецкий А.И. Война и образовательный уровень населения России // Российская история. – 2010. – № 4. – С. 63–69.
4. Репинецкий А.И. Грамотность и образовательный уровень российского населения в 1960–1970-е гг. // Труды Института российской истории РАН. – 2010. – № 9. – С. 354–373.
5. Репинецкий А.И. Глобализация образовательного пространства и проблемы школьного исторического образования в России // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. – 2014. – № 7 (129). – С. 165–171.

6. Кислова Н.Н., Репинецкий А.И. Историко-культурный стандарт как база формирования единого культурно-исторического пространства Российской Федерации // Волжский вестник науки. – 2017. – № 4-6 (8-10). – С. 91–94.

7. Бараниченко Н.В., Елугачев П.А., Карпик А.П., Карпов В.А., Мерзлякова Г.В., Репинецкий А.И. Российская наука в университетском разрезе // Аккредитация в образовании. – 2019. – № 8 (116). – С. 28–31.

8. Репинецкий А.И., Рябов В.В. Реформирование системы школьного образования в 1958-1964 гг.: задачи и просчёты // Самарский научный вестник. – 2020. – Т. 9. – № 1 (30). – С. 200–205.

9. Кравцова Е.С. Участие студентов и сотрудников Курского медицинского института в Великой Отечественной войне // Проблемы изучения военной истории: сборник статей Третьей Всероссийской научной конференции с международным участием / отв. редактор А.И. Репинецкий. – Самара: ООО "Научно-технический центр, 2015. – С. 184–185.

10. Сечная Е.В. Деятельность медицинских работников в годы Великой Отечественной войны (на примере выпускников Курского медицинского института) // Журнал исторических исследований. – 2021. – Т. 6. – № 2. – С. 45–49.

11. Манджосов А.Н., Друговская А.Ю., Литвиненко Н.Ф. Воспитанники Курского медицинского института – участники Великой Отечественной войны // Друговская А.Ю. История Великой Отечественной войны в документах и судьбах: (по материалам Курского государственного медицинского университета): к 70-летию Великой Победы. – Курск: Изд-во Курского гос. мед. ун-та, 2015. – С. 178–186.

12. Тагаева Т.Ф. У нас не было выпускного вечера... // Человеческие документы войны: (Воспоминания. Письма. Стихотворения. Статьи) / отв. ред. А.Ю. Друговская. – Курск: Изд-во Курского гос. мед. ун-та, 1998. – С. 89–95.

13. Кулешова В.В., Губарев В.М., Гончарова Г.И. Подготовка врачей в Курском медицинском институте в период Великой Отечественной войны // Медицина в годы Великой Отечественной войны. Материалы III науч.-теор. конф. (с междунар. участием), посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне / отв. редактор А.В. Данилова. – Курск: Изд-во Курского гос. мед. ун-та, 2020. – С. 159–162.

14. Губарев В.М., Кравцова Е.С., Степашов Н.С., Шульгина Т.А. Отражение студенческого стройотрядовского движения в коллекции и материалах фонда музея истории Курского медуниверситета // Материалы I Всероссийского молодежного Форума студенческих отрядов медицинских и фармацевтических вузов России, 22–23 сентября 2016 г., Курск. – Курск: Изд-во КГМУ, 2016. – С. 43–108.

15. Михайлова Е.Д., Солодухина Д.П. Об изучении истории медицины Курска // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2020. – № 3 (55). – С. 19–24.

16. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-4847. Оп. 1. Д. 1.

17. ГАКО. Ф. Р-4847. Оп. 1. Д. 3.

18. ГАКО. Ф. Р-4847. Оп. 1. Д. 2.

19. ГАКО. Ф. Р-4847. Оп. 1. Д. 4.

20. ГАКО. Ф. Р-4847. Оп. 1. Д. 5.

References

1. Repineckij A.I., Ippolitov G.M. *GULAG kak istoricheskij fenomen: opyt istoriograficheskogo obzora* [GULAG as a historical phenomenon: the experience of a historiographic review] // *Klio* [Clio]. – 2011. – № 4 (55). – S. 20–29.
2. Repineckij A.I. «Nikomu my ne nuzhny» golod 1946–1947 gg. v Kujbyshevskoj (Samarskoj) oblasti ["No one needs us" famine of 1946–1947 in the Kuibyshev (Samara) region] // *Samarskij nauchnyj vestnik* [Samara Scientific Bulletin]. – 2014. – № 4 (9). – S. 106–109.
3. Repineckij A.I. Vojna i obrazovatel'nyj uroven' naseleniya Rossii [War and the educational level of the population of Russia] // *Rossijskaya istoriya* [Russian history]. – 2010. – № 4. – S. 63–69.
4. Repineckij A.I. *Gramotnost' i obrazovatel'nyj uroven' rossijskogo naseleniya v 1960–1970-e gg.* [Literacy and educational level of the Russian population in the 1960s – 1970s.] // *Trudy Instituta rossijskoj istorii RAN* [Proceedings of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences]. – 2010. – № 9. – S. 354–373.
5. Repineckij A.I. *Globalizaciya obrazovatel'nogo prostranstva i problemy shkol'nogo istoricheskogo obrazovaniya v Rossii* [Globalization of educational space and problems of school history education in Russia] // *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istorija. Mezhdunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Political Science. Story. International relationships. Foreign Regional Studies. Oriental studies]. – 2014. – № 7 (129). – S. 165–171.
6. Kislova N.N., Repineckij A.I. *Istoriko-kul'turnyj standart kak baza formirovaniya edinogo kul'turno-istoricheskogo prostranstva Rossijskoj Federacii* [Historical and cultural standard as a basis for the formation of a single cultural and historical space of the Russian Federation] // *Volzhskij vestnik nauki* [Volzhsky Bulletin of Science]. – 2017. – № 4–6 (8–10). – S. 91–94.
7. Baranichenko N.V., Elugachev P.A., Karpik A.P., Karpov V.A., Merzlyakova G.V., Repineckij A.I. *Rossijskaya nauka v universitetskom razreze* [Russian science in the university context] // *Akkreditaciya v obrazovanii* [Accreditation in education]. – 2019. – № 8 (116). – S. 28–31.
8. Repineckij A.I., Ryabov V.V. *Reformirovanie sistemy shkol'nogo obrazovaniya v 1958–1964 gg.: zadachi i proschyoty* [Reforming the system of school education in 1958–1964: tasks and miscalculations] // *Samarskij nauchnyj vestnik* [Samara Scientific Bulletin]. – 2020. – T. 9. – № 1 (30). – S. 200–205.
9. Kravcova E.S. *Uchastie studentov i sotrudnikov Kurskogo medicinskogo instituta v Velikoj Otechestvennoj vojne* [Participation of students and employees of the Kursk Medical Institute in the Great Patriotic War] // *Problemy izucheniya voennoj istorii: sbornik statej Tret'ej Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem* [Problems of studying military history: a collection of articles of the Third All-Russian Scientific Conference with International Participation] / otv. redaktor A.I. Repineckij. – Samara: OOO "Nauchno-tehnicheskij centr, 2015. – S. 184–185.
10. Sechnaya E.V. *Deyatel'nost' medicinskih rabotnikov v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (na primere vypusknikov Kurskogo medicinskogo instituta)* [The activities of medical workers during the Great Patriotic War (on the example of graduates of the Kursk Medical Institute)] // *Zhurnal istoricheskikh issledovanij* [Journal of Historical Research]. – 2021. – T. 6. – № 2. – S. 45–49.
11. Mandzhosov A.N., Drugovskaya A.YU., Litvinenko N.F. *Vospitanniki Kurskogo medicinskogo instituta – uchastniki Velikoj Otechestvennoj vojny* [Pupils of the Kursk Medical Institute - participants in the Great Patriotic War] // *Drugovskaya A.YU. Istorija Velikoj*

Otechestvennoj vojny v dokumentah i sud'bah: (po materialam Kurskogo gosudarstvennogo medicinskogo universiteta): k 70-letiyu Velikoj Pobedy [History of the Great Patriotic War in documents and destinies: (based on the materials of the Kursk State Medical University): to the 70th anniversary of the Great Victory]. – Kursk: Izd-vo Kurskogo gos. med. un-ta, 2015. – S. 178–186.

12. *Tagaeva T.F. U nas ne bylo vypusknogo vechera... [We didn't have a prom...]* // *CHelovecheskie dokumenty vojny: (Vospominaniya. Pis'ma. Stihotvoreniya. Stat'i)* [Human Documents of the War: (Memoirs. Letters. Poems. Articles)] / otv. redaktor A.YU. Drugovskaya. – Kursk: Izd-vo Kurskogo gos. med. un-ta, 1998. – S. 89–95.

13. *Kuleshova V.V., Gubarev V.M., Goncharova G.I. Podgotovka vrachej v Kurskom medicinskom institute v period Velikoj Otechestvennoj vojny* [Training of doctors at the Kursk Medical Institute during the Great Patriotic War] // *Medicina v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Materialy III nauchno-teoreticheskoy konferencii (s mezhdunarodnym uchastiem), posvyashchennoj 75-letiyu Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne* [Medicine during the Great Patriotic War. Materials of the III scientific-theoretical conference (with international participation), dedicated to the 75th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War] / otv. redaktor A.V. Danilova. – Kursk: Izd-vo Kurskogo gos. med. un-ta, 2020. – S. 159–162.

14. *Gubarev V.M., Kravcova E.S., Stepashov N.S., SHul'gina T.A. Otrazhenie studencheskogo strojotryadovskogo dvizheniya v kollekcii i materialah fonda muzeya istorii Kurskogo meduniversiteta* [Reflection of the student construction brigade movement in the collection and materials of the museum of the history of the Kursk Medical University] // *Materialy I Vserossijskogo molodezhnogo Foruma studencheskih otryadov medicinskih i farmacevticheskikh vuzov Rossii, 22–23 sentyabrya 2016 g., Kursk* [Materials of the I All-Russian Youth Forum of student teams of medical and pharmaceutical universities in Russia, September 22–23, 2016, Kursk]. – Kursk: Izd-vo KGMU, 2016. – S. 43–108.

15. *Mihajlova E.D., Soloduhina D.P. Ob izuchenii istorii mediciny Kurska* [On the study of the history of medicine in Kursk] // *Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Uchenye zapiski. Electronic scientific journal of Kursk State University]. – 2020. – № 3 (55). – S. 19–24.

16. *Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti (GAKO)* [State Archive of the Kursk Region (SAKR)]. F. R-4847. Op. 1. D. 1.

17. GAKO (SAKR). F. R-4847. Op. 1. D. 3.

18. GAKO (SAKR). F. R-4847. Op. 1. D. 2.

19. GAKO (SAKR). F. R-4847. Op. 1. D. 4.

20. GAKO (SAKR). F. R-4847. Op. 1. D. 5.

Д.А. Астафьев, Е.В. Годовова

**Страницы повседневной жизни школьного
учителя постсоветской России
(по материалам «Учительской газеты» 1995–1998 гг.)**

Авторы на основе публикаций, представленных на страницах периодического издания «Учительская газета» (1995–1998), характеризуют повседневную жизнь педагогов постсоветской России. Привлечение в качестве исторического источника материалов периодической печати при изучении повседневности позволяет исследователю увидеть происходящие события глазами очевидцев, участников событий, показать субъективное, эмоциональное отношение к окружающей действительности, происходящим реформам, изменениям, собственным достижениям, проблемам и трудностям, возникающим в повседневной жизни человека, в случае нашего исследования – представителя педагогической профессии.

Повседневность постсоветского педагога претерпела значительные изменения, начав приобретать экстремальные черты. «Выживание» стало главной, действительно, повседневной задачей, а протесты, забастовки и даже голодовки в какой-то момент перестали быть аномалией и стали нормой повседневности постсоветского учителя.

Публикации в «Учительской газете» 1990-х гг., письма читателей в редакцию показывают нам актуальную картину происходящего в сфере образования и повседневной жизни педагогов в эти годы. Считаю, что обращение к подобному источнику позволяет современному исследователю расширить познавательные возможности в изучении учительской повседневности не только постсоветского времени, но и советской эпохи.

Ключевые слова: повседневность учителя, постсоветский учитель, периодическое издание, «Учительская газета», письма учителей, забастовки, голодовки.

Dmitrii A. Astaf'ev, Elena V. Godovova

**Pages of the everyday life of a school teacher in post-Soviet Russia
on the "Teacher's newspaper" materials of 1995–1998**

The authors, on the basis of publications presented on the pages of the periodical "Teacher's newspaper" (1995-1998), characterize teachers' daily life in post-Soviet Russia. Involvement of periodicals as a historical source in the study of everyday life allows the researcher to see the ongoing events through the eyes of eyewitnesses, participants in the events, to show subjective, emotional attitude to the surrounding reality, ongoing reforms, changes, their own achievements, problems and difficulties that arise in everyday life, in case of our study, a representative of the teaching profession.

Everyday life of the post-Soviet teacher has undergone significant changes, beginning to acquire extreme features. "Survival" became the main, indeed everyday task, and protests, strikes and even hunger strikes at some point ceased to be an anomaly and became the norm of everyday life for a post-Soviet teacher.

Publications in the "Teacher's newspaper" in the 1990s, letters from readers to the editors show us an up-to-date picture of what was happening in the field of education and the daily life of teachers in these years. We believe that turning to such a source allows a modern researcher to expand cognitive opportunities in the study of teachers' everyday life not only in the post-Soviet period, but also in the Soviet era.

Key words: everyday life of a teacher, post-Soviet teacher, periodical, "Teacher's newspaper", letters from teachers, strikes, hunger strikes.

Введение

Основной целью настоящей работы стало исследование повседневной жизни учителя постсоветской эпохи, написанное на основе источниковедческого анализа «Учительской газеты». Такая тема неслучайно выбрана авторами для написания статьи в юбилейный номер журнала «История повседневности», посвященном 70-летию доктора исторических наук, профессора А.И. Репинецкого. В исследовательское поле Александра Ивановича входят как проблемы, связанные с изучением повседневности в методологическом аспекте [1], так и анализ повседневных практик советских людей [2; 3] и системы образования [4–6].

«Учительская газета» издается в нашей стране с 1924 г. и освещает проблемы образования и воспитания, школы, учителей и учеников. В советское время она являлась одним из ведущих изданий педагогической направленности, всегда отвечала веяниям времени, на ее страницах публиковались статьи педагогов-новаторов, сторонников преобразований и реформ в школьной системе. После распада Советского Союза в 1991 г. «Учительская газета» стала независимым изданием. Обращаясь к ней в качестве исторического источника, современный исследователь не только ощущает дух того времени, но и знакомится с повседневной жизнью учителя «изнутри», его восприятием происходящих событий.

Обзор литературы

Тема школьной повседневности в различных аспектах достаточно широко разрабатывается в современной науке. Отметим, что изучение школьной и учительской повседневности характеризуется мультидисциплинарным характером. Многие современные исследования в этой области выполнены в рамках не только исторической науки, но и истории педагогики, философии образования, социологии образования, культурологии и других научных направлений. Это, безусловно, позитивная тенденция, поскольку данное обстоятельство позволяет современному историку, изучающему повседневность школьного учителя,

использовать источниковую базу и методологический аппарат различных наук, тем самым расширяя собственные исследовательские возможности.

Среди научных публикаций, посвященных проблемам учительской повседневности, отметим монографию Н.А. Беловой «Повседневная жизнь учителей», в которой автор дает комплексную характеристику повседневной жизни советского учителя на материалах Костромского края, используя в качестве источника исследования и материалы периодической печати (газетные и журнальные публикации) [7].

Однако научных работ, обращенных к изучению школьной и учительской повседневности и выполненных на материалах аутентичной периодики того или иного времени, не так много в общем объеме исследований учительской повседневности конкретного исторического периода.

Значительный объем научных публикаций посвящен детско-юношеской прессе как источнику повседневности. Так, объектом внимания исследователей становится газета «Пионерская правда». Используя ее материалы как исторический источник, исследователи анализируют образ пионера, идеологическое воспитание молодежи, борьбу советских пионеров с хулиганами, внешкольную повседневность советских школьников и др. [8–10].

Опираясь на данные, взятые из региональных педагогических журналов, Э.Е. Протасова и О.А. Братцева характеризуют такие вопросы школьного образования, как реализация всеобуча и самообразование педагогов [11–12]. Образ советского учителя на основе текстов и иллюстраций журнала «Смена» второй половины 1940-х – начала 1950-х гг. представлен в статье М.А. Клиновой [13]. Автор делает вывод о том, что образ педагога, конструируемый на страницах издания, создается исключительно в профессиональной плоскости. Это, несомненно, обеспечивает определенную цельность учительского образа как воспитателя и наставника, но в то же время существенно обедняет его, лишая живости и превращая в стерильный образец – символ советской пропаганды [13, с. 90]. Л.Ю. Панина выделяет проблемы подготовки учителей в период перестройки, используя в качестве источника публикации в журнале «Советская педагогика» [14].

Повседневность постсоветского учителя, подчас экстремальная в связи с влиянием на нее исторических событий, происходящих в стране, периодически становится объектом исследования современных ученых, но и эта тема в контексте определенного хронологического периода по-прежнему остается недостаточно разработанной. Например, Н.В. Коршунова и А.Н. Мищенко на основе архивных материалов, интервью непосредственных участников событий и публикаций в периодической печати изучают трудовую и бытовую повседневную жизнь

постсоветского учителя [15]. Авторы обращаются к актуальной проблеме того времени – забастовкам школьных учителей, ставших в 1990-е гг. частью их повседневности.

Материалы и методы

Источником данной статьи стали публикации «Учительской газеты» (1995–1998), посвященные повседневной жизни учителей. Хронологические рамки исследования определены таким образом потому, что в данный период времени в связи с ухудшением социально-экономического положения обостряется протестное движение учителей в стране и учительская повседневность приобретает новые черты, не характерные для нее ранее. Методологическая база исследования опирается на применение микроисторического подхода. Методы: аналитический, историко-педагогический, сравнительно-исторический.

Результаты

В рамках настоящего исследования рассмотрим две грани повседневной жизни учителя: трудовую (педагогическую) и материально-бытовую.

Повседневность советского учителя достаточно серьезно регламентировалась нормативно-правовыми документами и контролировалась со стороны и органов народного образования, и администрации школы. Одной из отличительных черт повседневности советского педагога была общественная работа. При этом педагоги находились в относительно стабильном положении, поскольку о них в той или иной степени заботились партийные и государственные структуры. В советский период формировалась положительная профессиональная идентичность и престижность педагогической профессии, в том числе через литературные, визуальные и кинематографические образы учителей. Этот аспект, как и ряд других, положительно сказывался на повседневной жизни советского учителя.

Постсоветская реальность в корне поменяла не столько трудовую, сколько материально-бытовую повседневность учителя. Ухудшение общей экономической ситуации в стране в 90-е гг. XX в. привело к тому, что учителя, как и другие работники бюджетной сферы, оказались на грани выживания. В связи с этим изменился и образ педагога. Теперь он воспринимался как неуспешный, малообеспеченный представитель непрестижной профессии. Гендерный состав педагогов, который и в советское время характеризовался значительным преобладанием женщин, в 1990-е гг. в еще большей степени становится феминизированным, поскольку лишается и так немногочисленных мужчин-педагогов, вынужденных искать лучшего заработка в других сферах экономики ради материального благополучия семьи. Педагогические кадры еще больше в эти годы подвергались «старению», поскольку молодые выпускники вузов либо вообще не шли работать в школу, либо, отработав небольшое количество времени, увольнялись, так как приход в профессию не оправдал их ожиданий.

Публикации «Учительской газеты» в 1990-е гг. показывают нам различные стороны повседневности постсоветского учителя: непосредственно саму педагогическую деятельность, воспоминания о начале профессионального пути, становление молодого педагога, рассказы учителей о материальных трудностях, сложностях взаимоотношений со старшими коллегами. Важная особенность данного источника – многие статьи написаны от первого лица, эмоционально окрашены, в них отражается собственная, пускай и субъективная, точка зрения на проблемы учителей. Так, на страницах «Учительской газеты» есть статьи, в которых резко критикуется отношение к молодым педагогам со стороны старших коллег и администрации школы. Некоторые высказывания и суждения настолько эмоциональны, что в них кипит обида и недовольство существующим положением дел.

Г. Фролова из г. Новосибирска писала в статье «Вспомнить бы начальникам начало...»: «Нередко молодых в школе ругают: апатичны, ленивы, самонадеянны, невежественны. Чего только не услышишь от иной шестидесятилетней учительницы, научный и педагогический багаж которой мог бы позволить ей самой уже писать учебники, а не только планы к урокам. „Молодые ничего не хотят” – слышно чаще всего среди других упреков там, где начинающий учитель предоставлен сам себе и всем своим многочисленным стрессам, и бедам. Ничего не хотят? Да не есть ли это тревожный признак того, что человек оказался в отчаянии, в плену той обиды и душевной боли, из которой не видит выхода, избавления?!» [16] Между тем автор отмечала, что такая ситуация не имела повсеместного распространения, что в ряде школ молодым педагогам оказывалась помощь в решении педагогических, бытовых, правовых проблем. Однако чаще всего «именно молодые учителя оказываются в том катастрофическом положении, которое справедливо именуют экстремальным и бесчеловечным», – резюмировала Г. Фролова [16]. Это картина повседневной жизни молодого педагога, пришедшего работать в школу в 1990-е гг., и как результат – уход из профессии многих способных и талантливых специалистов.

Еще один пример резкой позиции, высказанной по поводу «старения» педагогических кадров: «Основная причина старения педагогических коллективов в обычных школах – это, конечно, директора. Они тоже часто пенсионеры, а потому не хотят расставаться с теми, кто проработал с ними десятки лет. <...> Раньше было не так: директор уходил с почетом на пенсию, а потом 2–3 года работал учителем, помогая в работе молодому директору. Ныне перестройка пошла в другую сторону. Кому от этого хорошо? Никому, потому что директор-пенсионер не думает о будущем школы и ее выпускниках, не дает внедрять какие-то смелые новшества» [17].

Редакция «Учительской газеты» на основе анализа писем молодых учителей комментировала: «Итак, наш современник. Молодой учитель,

чей словесный портрет легко представить после прочтения сотен писем. Он пришел в школу по призванию или семейной традиции, реже по совету друзей или родителей. Лишь немногих связать свою судьбу с образованием заставили жизненные обстоятельства. Добрая половина наших молодых читателей вернулась учительствовать в родные места – в деревню или небольшой город. Каждый десятый «новичок» – мужчина. По нашим временам – и то роскошь... Золотой запас! <...> А на будущее, как пишет один молодой учитель, не мешало бы, кроме настольных книг, иметь и чековую книжечку во внутреннем кармане. Семью ведь надо кормить! Ту самую, из которой со временем выйдут новые учителя. Возможно, люди будущего научатся обходиться без книжных полок. Без школ – никогда» [18].

В 1990-е гг. повседневность учителя становится экстремальной, так как вопросы «выживания» вышли на первый план, а протесты и забастовки превратились из аномалии в норму повседневности. Социальная напряженность росла с каждым днем. Учителя, которые не хотели мириться с подобным положением дел, начали выходить на демонстрации, организовывать продолжительные забастовки и даже голодовки. Акции протеста проходили по всей стране. По количеству бастующих образовательных учреждений и педагогических работников на первых местах стояли Иркутская и Читинская области, значительные выступления педагогов прошли в Челябинской и Курганской областях. Согласно данным официальной статистики, в Российской Федерации в 1995 г. бастовало 319,9 тыс. учителей из 8555 образовательных учреждений [19, с. 69–70]. «Как мы выживаем? Можно без всяких декораций и репетиций снимать нас в фильме ужасов. Возле домов – горы мусора, помойки, текут ручьи с канализационными стоками. Это уже не назовешь жизнью. Мы решили приостановить в декабре работу. Может, тогда наши власти обратят внимание на то, как мы выживаем» [20] – эти строки, написанные педагогами из Читинской области, характеризовали положение дел в сфере образования и состояние многих учительских коллективов того времени. Об этом писали и педагоги из Республики Бурятия: «Беспросветная нищета настигла нас. Нет денег на самое необходимое. <...> В первые дни учебного года в наш район прибыла госпожа Нимаева – работник аппарата президента республики. На все вопросы учителей о зарплате отвечала так: „Бастуйте, закрывайте школы, денег нет и не будет”» [21].

Учителя в различных регионах страны стали участвовать в протестном движении, причем были представлены как массовые, организованные выступления со значительным количеством участников, так и стихийные, кратковременные забастовки части педагогических работников школ. Количество забастовок росло с каждым годом начиная с 1991 г. В 1997 их количество в сфере образования составило 91,8 % к

общему количеству забастовок по стране. Пик забастовочного движения в сфере образования пришелся на 1998–1999 гг., когда в целом по стране начал отмечаться общий спад забастовочного движения. В пикетах и демонстрациях приняли участие более 500 тыс. чел. Особой формой протеста стали захватные забастовки, когда учителя занимали кабинеты представителей органов власти. По стране периодически проходили всероссийские забастовки. Отметим, что подчас педагогам с помощью протестных методов удавалось добиться определенных положительных результатов по выплате заработной платы.

С 1996 г. в «Учительской газете» постоянным становится раздел «География протеста». Города, районы, тысячи участников протеста, миллиарды рублей долгов – обо всем этом говорилось в публикациях раздела. «Мы больше не можем смотреть в голодные глаза детей и требуем оплатить наш труд», – писал коллектив Каменноборской основной школы Сегежского района Республики Карелия» [22].

Материалы «Учительской газеты» свидетельствуют об экстремальной повседневности учителей тех лет. Чтобы учителя не умерли с голоду, директор одной из школ Колочеевского района ловил голубей на чердаке и готовил из них обеды для педагогов. «А что мне делать, если ко мне каждый день подходят учителя и говорят: „Когда будет зарплата? Мы хотим есть!“» – объяснял он. В Каширском районе одна молодая учительница на уроках постоянно падала в голодные обмороки, а заведующий РОНО в телефонном разговоре двадцать минут пытался убедить заместителя председателя воронежского профсоюза, что причина обмороков не в пятимесячной задержке зарплаты, а просто учительница «слабенькая» [23].

Наиболее экстремальным проявлением протестной повседневности постсоветских учителей стало проведение голодовок. Буквально за один год, с 1996 г. по 1997 г., их количество выросло в три раза: в голодовках 1996 г. принимали участие 421 чел., а в 1997 г. их уже было 1349¹.

В одной из публикаций «Учительской газеты» под названием «Голодание не по Брэггу» автор писал про объявившую головку учительницу: «Голодает она в знак протеста против многомесячной невыплаты учителям заработанных ими денег. Учителя и служащие школы полностью поддерживают ее требования, признавая, что не у всех хватает мужества на столь крайнюю меру. Рядом с голодающей учительницей коллеги установили круглосуточное дежурство. <...> На предложение властей выплатить лично ей все долги по зарплате мужественная женщина заявила: «Нет – только всему коллективу и при условии, что моя роспись в ведомости будет последней» [24].

¹ История протестов и самоорганизации в образовании [Электронный ресурс]. URL: <https://pedagog-prof.org/stati/istoriya-protestov-i-samoorganizatsii-v-obrazovanii/> (дата обращения: 30.05.2022).

К сожалению, иногда подобные акции заканчивались трагически: учителя, участники протестных акций, умирали. В периодической печати все чаще встречались заметки о смертях педагогов из-за хронического недоедания.

Практически в каждом номере «Учительской газеты» представлен раздел «Письмо номера», в котором были собраны письма педагогов с разных концов страны. Они задавали вопросы, писали о своих насущных проблемах, о родной школе, т. е. на любую тему, касающуюся образования и повседневной учительской жизни. Анализ этого раздела газеты за 1995–1998 гг. показывает, что задержка и невыплата заработной платы и, как следствие, сложности материально-бытовой повседневности – одна из ключевых тем писем того времени.

«Каждый день начинаю с горестных вопросов. Как прокормить семью, если зарплату не дадут с июня? Как выжить? Просыпаться, ох, как не хочется», – такими словами начинается письмо одного педагога из Пензенской области. «На уроке все получается. Но вот звенит звонок. И опять наступают вопросы: „Где взять денег, ведь скоро приедет на каникулы дочь-студентка? Чем платить за квартиру и свет? Откуда ждать помощи?“ <...> Засыпаю поздно ночью с теми же мыслями. Как изловчиться и дать образование дочери? Как утешить старость матери? Как встретить новый день без страха? Засыпать тяжело, а просыпаться невыносимо» [25].

Завуч сельской школы писала: «Питание наше – самое скудное. Чтобы купить хлеб, продаем овощи. Я в детстве так скудно не жила, хотя в доме было пятеро детей, а работал один отец. Жизнь стала совсем невмоготу. Как ни работай, все равно не выбьешься из нужды. Хорошо ли, плохо трудишься – все едино. До чего же обидно и больно!» [26] Подобные письма опубликованы практически в каждом номере «Учительской газеты» за 1995–1998 гг.

Педагоги, не порвавшие с профессией, для того чтобы выжить, вынуждены были подрабатывать. Сельские учителя торговали урожаем со своих огородов. В № 44 «Учительской газеты» от 31 октября 1996 г. учитель географии школы № 156 г. Москвы Ю. Самохин сообщал о том, как в туристическом путешествии со школьниками по Краснодарскому краю они встретили семейную пару, продающую арбузы. Оба оказались учителями. «Женщина вздохнула: „Сейчас бы, в конце августа, надо к школе готовиться, а мы торгуем. Жить-то надо, дом достраиваем, дочь учится в институте. Без денег не оставишь”» [27].

Сбор грибов, ягод, выращивание овощей на огороде, заготовки на зиму становились необходимым занятием учителей в период летнего отпуска. Часть продуктов съедалась самостоятельно, часть продавали [28].

Выводы

Таким образом, на основе анализа публикаций в «Учительской газете» определены характерные черты повседневной жизни российского учителя в сложные 90-е гг. XX в. Безденежье, оплата труда водкой вместо денег (15 бутылок водки – средняя зарплата учителя), подработки, ведение натурального хозяйства, занятие торговлей, участие в забастовках, нередко и в голодовках – такой была суровая повседневность педагога этого времени. Но были и плюсы. Именно эти годы сами учителя называли периодом свободы для творчества и эксперимента: самостоятельный выбор программ, учебников, технологий, стиля преподавания и т. д. Этот аспект повседневной жизни постсоветского учителя еще предстоит изучить.

Список литературы

1. Репинецкий А.И., Ипполитов Г.М. История повседневности: некоторые аспекты генезиса и эволюции отрасли исторической науки // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2012. – Т. 14. – № 3. – С. 154–161.
2. Репинецкий А.И. Повседневность «запасной столицы» (октябрь 1941–1943 г.) // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в судьбах народов и регионов: сб. статей / отв. ред. А.Ш. Кабирова. – Казань, 2015. – С. 323–331.
3. Репинецкий А.И. Три вызова: западный образ жизни как вызов традиционной повседневности населения СССР (вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг.) // «Вызов» в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конференции / отв. ред. В.А. Веремченко. – СПб., 2021. – С. 336–342.
4. Репинецкий А.И., Рябов В.В. Реформирование системы школьного образования в 1958–1964 гг.: задачи и просчеты // Самарский научный вестник. – 2020. – Т. 9. – № 1 (30). – С. 200–205.
5. Репинецкий А.И. Глобализация образовательного пространства и проблемы школьного исторического образования в России // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. – 2014. – № 7 (129). – С. 165–171.
6. Репинецкий А.И. Грамотность и образовательный уровень российского населения в 1960–1970-е гг. // Труды Института российской истории РАН. – 2010. – № 9. – С. 354–373.
7. Белова Н. А. Повседневная жизнь учителей. – М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2015. – 228 с.
8. Кудряшев А.В. Газета «Пионерская правда» как историко-педагогический источник // Источники исследования о педагогическом прошлом: интерпретация проблем и проблемы интерпретации: сб. науч. тр. междунар. науч.-практ. конф., Москва, 20–21 сентября 2019 г. – М.: Московский пед. гос. ун-т, 2019. – С. 378–389.
9. Кудряшев А.В. Материалы газеты «Пионерская правда» второй половины XX века в реконструкции повседневности советских школьников // Поволжский педагогический поиск. – 2018. – № 4(26). – С. 37–46. – DOI 10.33065/2307-1052-2018-4-26-37-46.
10. Куприянов Б.В., Кудрящев А.В. Борьба советских пионеров с хулиганами по материалам «Пионерской правды» 1950-х – 1960-х гг // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2021. – Т. 12. – № 4(102).
11. Протасова Э.Е. «Программа всеобуча» на страницах уральской периодической печати в начале 1930-х гг. // Историко-педагогические чтения. – 2019. – № 23. – С. 117–121.

12. Братцева О.А. Региональные педагогические журналы как источник самообразования учителей в период становления советской педагогики // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2015. – № 9/10(104). – С. 4–10.

13. Клинова М.А. «Она им на все ответчица, наставница новых людей»: образ советского учителя по материалам журнала «Смена» послевоенного периода // Лики культуры в эпоху социальных перемен: материалы Всерос. с междунар. участием науч. конф., Екатеринбург, 23–24 марта 2018 г. / под ред. Н.Б. Кирилловой. – Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2018. – С. 86–91.

14. Панина Л.Ю. Проблемы подготовки учителей в период перестройки (1985–1991 гг.) (по материалам журнала «Советская педагогика») // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2020. – № 1(64). – С. 92–101.

15. Коршунова Н.В., Мищенко А.Н. Забастовки начала 1990-х гг. Как аномалия повседневности постсоветского школьного учителя (на примере Челябинской области) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2019. – Т. 19. – № 1. – С. 22–26.

16. Фролова Г. Вспомнить бы начальникам начало... // Учительская газета. – 1995. – 7 марта. – № 9.

17. Учительская газета. – 1995. – 14 нояб. – № 44.

18. Сычева Л. Портрет на фоне // Учительская газета. – 1996. – 21 нояб. – № 47.

19. Образование в России 2003: стат. сб. / Гос. ком. Рос. Федерации по статистике (Госкомстат России); [Редкол.: М. Н. Сидоров – Пред. редкол. и др.]. – [Офиц. изд.]. – М.: Гос. ком. Рос. Федерации по статистике, 2003. – 414 с.

20. Знак беды. Куда ж нам плыть? // Учительская газета. – 1996. – 12 дек. – № 50.

21. Сознательные, но бедные // Учительская газета. – 1996. – 19 дек. – № 51.

22. Козлова М. Штормит // Учительская газета. – 1997. – 27 мая. – № 20.

23. Кробка М. Деньги, голуби, экзамены // Учительская газета. – 1997. – 27 мая. – № 20.

24. Григорьев М. Голодание не по Брэггу // Учительская газета. – 1996. – 21 марта. – № 12.

25. Кучменева О. Полон мешок не муки, а мук // Учительская газета. – 1996. – 31 окт. – № 44.

26. Еремеева Н. Сенom питаться не умеем... // Учительская газета. – 1996. – 21 нояб. – № 47.

27. Самохин Ю. Воспоминания о лете. Замечательный арбуз // Учительская газета. – 1996. – 31 окт. – № 44.

28. География протеста // Учительская газета. – 1998. – 17 нояб. – № 48.

References

1. Repinetsky A.I., Ippolitov G.M. *Istoriya povsednevnosti: nekotorye aspekty genezisa i evolyucii otrasli istoricheskoy nauki* [History of everyday life: some aspects of the genesis and evolution of the branch of historical science] // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk* [Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. – 2012. – Т. 14. – № 3. – P. 154–161. (In Russ.)

2. Repinetsky A.I. *Povsednevnost` «zapasnoj stolicy» (oktyabr` 1941–1943 g.)* [Everyday life of the "spare capital" (October 1941–1943)] // *Sbornik statej Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945 gg. v sud`bax narodov i regionov. otv. red. A.Sh. Kabirova* [Great Patriotic War 1941–1945. in the fate of peoples and regions. Digest of articles. resp. ed. A.Sh. Kabirova]. – Kazan, 2015. – P. 323–331. (In Russ.)

3. Repinetsky A.I. *Tri vy`zova: zapadny`j obraz zhizni kak vy`zov tradicionnoj povsednevnosti naseleniya SSSR (vtoraya polovina 1950-x – pervaya polovina 1960-x gg.)* [Three challenges: the Western way of life as a challenge to the traditional everyday life of the population of the USSR (the second half of the 1950s – the first half of the 1960s)] // «Vy`zov» v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost`. *Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Otv. redaktor V.A. Veremenko.* ["Challenge" in the everyday life of the population of Russia: history and modernity. Materials of the international scientific conference. Rep. editor V.A. Veremenko]. – St. Petersburg, 2021. – P. 336–342. (In Russ.)

4. Repinetsky A.I., Ryabov V.V. *Reformirovanie sistemy` shkol`nogo obrazovaniya v 1958–1964 gg.: zadachi i proschyoty`* [Reforming the system of school education in 1958–1964: tasks and miscalculations] // *Samarskij nauchny`j vestnik* [Samara Scientific Bulletin]. – 2020. – T. 9. – № 1 (30). – P. 200–205. (In Russ.)

5. Repineczkij A.I. *Globalizaciya obrazovatel`nogo prostranstva i problemy` shkol`nogo istoricheskogo obrazovaniya v Rossii* [Globalization of educational space and problems of school history education in Russia] // *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodny`e otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Political science. Story. International relationships. Foreign Regional Studies. Oriental studies]. – 2014. – № 7 (129). – P. 165–171. (In Russ.)

6. Repineczkij A.I. *Gramotnost` i obrazovatel`ny`j uroven` rossijskogo naseleniya v 1960- 1970-e gg.* [Literacy and educational level of the Russian population in the 1960s-1970s.] // *Trudy` Instituta rossijskoj istorii RAN.* [Proceedings of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences]. – 2010. – № 9. – S. 354–373.

7. Belova N.A. *Povsednevnyaya zhizn' uchitelej* [The daily life of teachers]. – Moskva: Institut etnologii i antropologii im. N.N. Mikluho-Maklaya RAN, 2015. – 228 p.

8. Kudryashev A.V. *Gazeta «Pionerskaya pravda kak istoriko-pedagogicheskij istochnik* [The newspaper «Pionerskaya Pravda» as a historical and pedagogical source] // *Istochniki issledovaniya o pedagogicheskom proshlom: interpretaciya problem i problemy interpretacii* [Sources of research on the pedagogical past: interpretation of problems and problems of interpretation]: *Sbornik nauchnyh trudov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Moskva, 20–21 sentyabrya 2019 goda.* – Moskva: Moskovskij pedagogicheskij gosudarstvennyj universitet, 2019. – P. 378–389. (In Russ.)

9. Kudryashev A. V. *Materialy gazety «Pionerskaya pravda» vtoroj poloviny XX veka v rekonstrukcii povsednevnosti sovetskih shkol`nikov* [Materials of the newspaper «Pionerskaya Pravda» of the second half of the twentieth century in the reconstruction of everyday life of Soviet schoolchildren] // *Povolzhskij pedagogicheskij poisk* [Volga Pedagogical Search]. – 2018. – № 4 (26). – P. 37–46. (In Russ.)

10. Kupriyanov B.V., Kudryashchev A.V. *Bor`ba sovetskih pionerov s huliganami po materialam «Pionerskoj pravdy» 1950-h – 1960-h gg* [The struggle of Soviet pioneers with hooligans based on the materials of «Pionerskaya Pravda» of the 1950s – 1960s] // *Elektronnyj nauchno-obrazovatel`nyj zhurnal «Istoriya»* [Electronic scientific and educational journal «History»]. – 2021. – Vol. 12. – № 4(102). (In Russ.)

11. Protasova E.E. *«Programma vseobucha» na stranichah ural'skoj periodicheskoy pechati v nachale 1930-h gg.* [«The program of general education» on the pages of the Ural periodical press in the early 1930s.] // *Istoriko-pedagogicheskie chteniya* [Historical and pedagogical readings]. – 2019. – № 23. – P. 117–121. (In Russ.)

12. Bratceva O.A. *Regional`nye pedagogicheskie zhurnaly kak istochnik samoobrazovaniya uchitelej v period stanovleniya sovetskoj pedagogiki* [Regional pedagogical journals as a source of teachers' self-education during the formation of Soviet pedagogy] // *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [News of the Volgograd State Pedagogical University]. – 2015. – № 9/10(104). – P. 4–10. (In Russ.)

13. Klinova M.A. «Ona im na vse otvetchica, nastavnica novyh lyudej»: obraz sovetskogo uchitelya po materialam zhurnala «Smena» poslevoennogo perioda [«She is the answer to everything, the mentor of new people»: the image of the Soviet teacher based on the materials of the magazine «Change» of the post-war period] // *Liki kul'tury v epohu social'nyh peremen* [Faces of culture in an era of social change]: *Materialy Vserossijskoj s mezhdunarodnym uchastiem nauchnoj konferencii, Ekaterinburg, 23–24 marta 2018 goda / Pod red. N.B. Kirillovoj.* – Ekaterinburg: Ural'skij gosudarstvennyj pedagogičeskij universitet, 2018. – P. 86–91. (In Russ.)

14. Panina L. YU. *Problemy podgotovki uchitelej v period perestrojki (1985–1991 gg.) (po materialam zhurnala «Sovetskaya pedagogika»)* [Problems of teacher training in the period of perestroika (1985–1991) (based on the materials of the journal «Soviet Pedagogy»)] // *Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta* [Bulletin of the Surgut State Pedagogical University]. – 2020. – № 1(64). – P. 92–101. (In Russ.)

15. Korshunova N.V., Mishchenko A.N. *Zabastovki nachala 1990-h gg. Kak anomalija povsednevnosti postsovetskogo shkol'nogo uchitelya (na primere Chelyabinskogo oblasti)* [Strikes in the early 1990s As an anomaly of everyday life of a post-soviet school teacher (on the example of the Chelyabinsk region)] // *Vestnik YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Social'no-gumanitarnye nauki* [Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and Humanities]. – 2019. – Vol. 19. – № 1. – P. 22–26. (In Russ.)

16. Frolova G. *Vspomnit' by nachal'nikam nachalo...* [Remind the bosses the beginning ...] // *Uchitel'skaya gazeta* [Teacher's Newspaper]. – 1995. – 7 marta. – № 9. (In Russ.)

17. *Uchitel'skaya gazeta* [Teacher's Newspaper]. – 1995. – 14 noyabrya. – № 44. (In Russ.)

18. Sycheva L. *Portret na fone* [Portrait against the background] // *Uchitel'skaya gazeta* [Teacher's Newspaper]. – 1996. – 21 noyabrya. – № 47. (In Russ.)

19. *Obrazovanie v Rossii 2003* [Education in Russia 2003]: Stat. sb. / Gos. kom. Ros. Federacii po statistike (Goskomstat Rossii); [Redkol: M.N. Sidorov – Pred. redkol. i dr.]. [Ofic. izd.]. – Moskva: Gos. kom. Ros. Federacii po statistike, 2003. – 414 p. (In Russ.)

20. *Znak bedy. Kuda zh nam plyt'?* [Sign of trouble. Where are we to sail?] // *Uchitel'skaya gazeta* [Teacher's Newspaper]. – 1996. – 12 dekabrya. – № 50. (In Russ.)

21. *Soznatel'nye, no bednye* [Conscious but poor] // *Uchitel'skaya gazeta* [Teacher's Newspaper]. – 1996. – 19 dekabrya. – № 51. (In Russ.)

22. *Kozlova M. SHtormit* [Stormy] // *Uchitel'skaya gazeta* [Teacher's Newspaper]. – 1997. – 27 maya. – № 20. (In Russ.)

23. *Krobka M. Den'gi, golubi, ekzameny* [Money, pigeons, exams] // *Uchitel'skaya gazeta* [Teacher's Newspaper]. – 1997. – 27 maya. – № 20. (In Russ.)

24. *Grigor'ev M. Golodanie ne po Breggu* [Fasting not according to Bragg] // *Uchitel'skaya gazeta* [Teacher's Newspaper]. – 21 marta. – № 12. (In Russ.)

25. *Kuchmeneva O. Polon meshok ne muki, a muk* [The bag is not full of flour, but torture] // *Uchitel'skaya gazeta* [Teacher's Newspaper]. – 1996. – 31 oktyabrya. – № 44. (In Russ.)

26. *Eremeeva N. Senom pitat'sya ne umeem...* [We can't eat hay...] // *Uchitel'skaya gazeta* [Teacher's Newspaper]. – 21 noyabrya. – № 47. (In Russ.)

27. *Samohin YU. Vospominaniya o lete. Zamechatel'nyj arbuz* [Memories of summer. Wonderful watermelon] // *Uchitel'skaya gazeta* [Teacher's Newspaper]. – 31 oktyabrya. – № 44. (In Russ.)

28. *Geografiya protesta* [Geography of protest] // *Uchitel'skaya gazeta* [Teacher's Newspaper]. – 17 noyabrya. – № 48. (In Russ.)

ДОСУГОВАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

УДК 94(470.56)«18»:394

ГРНТИ 03.21.31: История России Нового времени

DOI 10.35231/25422375_2022_2_98

Н.Л. Семенова

Формы досуговой повседневности жителей Оренбурга в первой половине XIX в.

В статье на основе архивных материалов и опубликованных источников характеризуется складывание таких форм досуговой повседневности, как музей и театр в Оренбурге в первой половине XIX в. Сделана попытка выделить их особенности, связанные с военно-чиновничьим составом населения города, с отсутствием «кастовости», замкнутости и ориентацией на различные, довольно широкие слои жителей.

Формы досуговой повседневности определялись не только составом населения, но во многом – управленческими стратегиями оренбургских военных губернаторов как главных начальников края. Несмотря на то, что перед ними на первом месте стояли задачи военно-пограничного характера, военные губернаторы оказывали серьезное влияние на формы досуговой повседневности жителей г. Оренбурга. Во второй четверти XIX в. благодаря усилиям военных губернаторов в составе губернской администрации растет число чиновников с высшим образованием. Приток в край образованных управленцев стал важным фактором, повлиявшим на изменение повседневной жизни российской провинции.

Ключевые слова: досуг, повседневность, музей, театр, Оренбург, оренбургский военный губернатор, чиновники, военные.

Nataliya L. Semenova

Forms of leisure everyday life of the inhabitants of Orenburg in the first half of the 19th century

The article, based on archival materials and published sources, characterizes the formation of such forms of leisure everyday life as museum and theater in Orenburg in the first half of the 19th century. An attempt is made to highlight their features associated with the military-bureaucratic composition of the city's population, with the absence of "caste", isolation and orientation towards various, rather wide sections of the population.

The forms of leisure everyday life were associated not only with the composition of the population, but were largely determined by the management strategies of the Orenburg military governors as the region chief commanders. Despite the fact that the tasks of a military-border nature were in the first place, the military governors had a serious influence on the forms of leisure everyday life of the Orenburg inhabitants. In the second quarter of the 19th century thanks to the efforts of military governors, the number of officials

with higher education has grown in the provincial administration. The influx of educated managers to the region has become an important factor influencing the change in the daily life of the Russian province.

Key words: leisure, everyday life, museum, theater, Orenburg, Orenburg military governor, officials, military.

Введение

Одним из важнейших предметов исследования современной исторической науки является сфера повседневности. Это стало, с одной стороны, результатом междисциплинарного взаимодействия и появления новых направлений, а с другой – следствием поворота внимания ученых к изучению социокультурных и личностных характеристик, частной жизни людей, наметившегося в 1980–1990-е гг. В фокусе новейших исследований находятся теоретико-методологические вопросы истории повседневности, возможности интерпретации значительного источникового материала для отдельных хронологических периодов и разных регионов Российского государства. Внимание ученых К.Н. Любутина, Н.Л. Пушкаревой, Е.С. Суровой, А.И. Репинецкого, С.В. Любичанковского сосредоточено на выделении структур и характеристик повседневности, механизмах воздействия властных структур на формы повседневной жизни [1–6].

Обзор литературы

Основы изучения повседневности были заложены в трудах философов и социологов второй половины XIX – начала XX в., которые обосновали такие категории, как «сферы человеческой обыденности», «жизненный мир» [7–9]. Представители школы «Анналов» фактически выделили «структуры повседневности», сосредоточившись на историко-психологических, историко-демографических и историко-культурных сюжетах, ментальности и социальном поведении [10–11].

Одним из элементов повседневности является досуг. Некоторая часть современных исследователей полагает, что досуговую повседневность довольно условно можно рассматривать как часть повседневной жизни, поскольку она предполагает нечто выходящее за рамки «повседневной рутины» [12]. Тем не менее большинство историков все же рассматривает ее как важнейшую сферу повседневности, как специфическую форму деятельности.

Отдельные проблемы, касающиеся досуга как элемента повседневной жизни жителей Оренбурга в первой половине XIX в., получили освещение в очерках краеведов, дореволюционных чиновников, посетивших губернию по делам службы. Известный краевед П.Н. Столпянский нарисовал широкую картину истории Оренбурга, внимательно рассмотрев строительство города, состав и особенности городского общества, привел отдельные факты о способах досуга населения [13]. Среди краеведов также следует назвать полковника Оренбургского казачьего войска

Ф.И. Лобысевича, составившего историко-статистический очерк Оренбурга. Он довольно подробно описал внешний облик города, общественную жизнь, подчеркнув, что он сильно отличался от «хорошо устроенного города и особенно столиц» [14, с. 19]. Авторы обобщающих очерков и историко-статистических сочинений по истории Оренбурга описывали только отдельные формы досуга как части повседневной жизни жителей губернии.

В современной историографии история повседневности представляет собой динамично развивающееся направление. Особенно активно исследуются повседневное пространство города во всем многообразии форм, городская ментальность. Известный оренбургский краевед В.В. Дорофеев проанализировал особенности городской архитектуры Оренбурга, историю строительства Оренбургской крепости, вклад главных начальников края: военных губернаторов П.П. Сухтелена, В.А. Перовского, генерал-губернатора Н.А. Крыжановского в градостроительство [15].

Серьезное развитие история повседневности на Урале получила в работах Е.В. Бурлуцкой (Банниковой), которая предложила свою концепцию, в основе которой лежит идея о процессуальном характере повседневности. Она впервые исследовала купеческую культуру повседневного общения и отдыха в первой половине XIX в. и пришла к выводам, что она была тесно связана с корпоративными социальными нормами, конфессиональными традициями, общим уровнем развития городского уральского общества [16, с. 273]. В последние годы предметом изучения Е.В. Бурлуцкой (Банниковой) стала досуговая составляющая повседневной жизни провинциальных горожанок второй половины XIX – начала XX в.: балы, маскарады и танцевальные вечера, которые были наиболее популярными способами свободного времяпрепровождения не только у аристократок, но и у горожанок среднего достатка (купцов, мещан, казаков) Оренбургской губернии. По мнению автора, каждая категория населения, прежде всего дворяне, купцы, вкладывала в них особый смысл [16, с. 77]. Особенную научную значимость имеет разработка темы детской досуговой повседневности, поднятая Е.В. Бурлуцкой (Банниковой) [17]. Специальное исследование посвящено прогулкам жителей Оренбурга во второй половине XIX в. как варианту досуговой повседневности [18]. Таким образом, современный уровень развития методологии, результаты научных исследований, значительный пласт введенных в научный оборот исторических источников позволяют составить более полное представление о структурах, формах повседневной жизни. Однако данный вывод характеризует не все хронологические периоды, менее изученным на сегодняшний день остается первая половина XIX в.

Целью нашей статьи является попытка рассмотреть становление отдельных форм досуга жителей Оренбурга (музея и театра) как элементов городской провинциальной повседневности первой половины XIX в.

Материалы и методы

В основу работы положен комплексный анализ опубликованных и архивных материалов. Использовались материалы делопроизводства, прежде всего отчеты оренбургских военных губернаторов; статистика, которая содержит сведения о числе жителей, сословном составе населения, количестве домов, учебных заведений, учащихся, лавок, трактиров; источники личного происхождения, среди которых описания путешествий, заметки ученых, мемуары; периодическая печать. Особенность периодических изданий этого периода времени, прежде всего неофициальной части «Оренбургских губернских ведомостей», очень верно определил П.Н. Столпянский [19]. Он писал, что, во-первых, программа их была чрезвычайно обширной и невыполнимой, а для ее реализации не было ни штата сотрудников, ни средств [19, с. 10]. Во-вторых, неофициальная часть «Губернских ведомостей» должна была стать газетой высшей администрации края, но «... о взглядах не было даже речи, более того газетным листком даже не пользовались и в значении проводника известных понятий и знаний» [19, с. 11]. Тем не менее сохранились отдельные фрагментарные сведения, характеризующие досуг жителей Оренбургской губернии, например, хроники театральной жизни, сведения о холере.

Концептуально мы исходили из того, что досуг – это свободное время, активность и личностный опыт [20, с. 134]. Данное положение может быть уточнено с учетом данных культурологии: досуг выполняет функции развлечения и развития; и философии: это особый тип деятельности, складывающийся из коммуникативного действия и «инструментального манипулирования» [2]. Поэтому досуговые практики связывают поле повседневного опыта в порядках коммуникативного взаимодействия и осуществляются с помощью специфических форм деятельности, ориентированных на активизацию потребности индивида в идентификации и самореализации. Предложенный контекст позволил рассмотреть такие формы деятельности, как посещение театров, музеев.

Результаты

В Оренбургской губернии в первой половине XIX в. было 12 городов, два посада, одно местечко, 21 слобода, 249 сел, 4544 деревень [21, с. 66 об.]. Большая часть городов была создана искусственно, правительственными распоряжениями.

Оренбург появился в XVIII в. как военная крепость. Здесь находились военное, гражданское, пограничное управление главного начальника края – военного губернатора, пограничная комиссия, таможня,

аптека, провиантская комиссия, казачья канцелярия, корпусный госпиталь, Неплюевское училище, уездное училище и училище военных кантонистов [22, с. 102]. Согласно сведениям гражданского губернатора И.Л. Дебу, в начале 1830-х гг. население включало 9009 душ м. п. военных и 2 500 душ м. п. гражданских. В форштадте Оренбурга, населенном казаками, насчитывалось 2000 душ м.п. По подсчетам Е.В. Бурлуцкой (Банниковой) дворянство составляло 8,8 % от числа городских жителей [16, с. 121]. В Оренбурге проживало высшее военное чиновничество губернии, в том числе главный начальник края – военный губернатор.

Практически все авторы-путешественники, проезжавшие через Оренбург в первой половине XIX в., подчеркивали его важную особенность: это был город военных и чиновников. Доктор философии Т.-Ю. Базинер, посетивший Оренбург в начале 1840-х гг., писал, что «... город похож на колонию военных и чиновников, чем на буржуазный город; этот-то многочисленный элемент и способствует оживленной торговле и цветущему виду города, без него, город, предоставленный сам себе, поблек бы скоро, как степное растение» [цит. по: 13, с. 234–235].

Сведения о досуговой повседневности горожан в первые десятилетия XIX в. довольно фрагментарны. Так, генерал-майор Оренбургского казачьего войска, краевед И.В. Чернов в своих воспоминаниях писал, что оренбургский военный губернатор князь Г.С. Волконский (находился во главе края с 1803 по 1817 гг.) устраивал в Оренбурге вечера для танцев, на которые приглашал жен и дочерей казачьих офицеров в их нарядах. Незамужние женщины приходили в жемчужных лентах или повязках, замужние – в кокошниках [23, с. 175]. Кроме того, в особо исключительных случаях Г.С. Волконский организовывал вечера для всего населения, которые отличались разнообразной программой: фейерверками, ракетами, каскадами огня.

Центральное место в полномочиях оренбургских военных губернаторов занимали военно-пограничные функции. Тем не менее многие из них видели свою задачу в том, чтобы поднять культурный и образовательный уровень населения, в том числе путем организации их досуга. Например, оренбургский военный губернатор П.П. Сухтелен (1830–1833) в 1830 г. открыл музей при Неплюевском училище. Основные причины, которые побудили его, – «неизученность Оренбургского края и некультурность его обывателей» [13, с. 139]. Экспонаты музея должны были показать всем посетителям, независимо от их «звания или сословия», «недостатки средств ими употребляемых и способы в сравнительном отношении их улучшения», а всем любопытным путешественникам «представят сокращенную, но верную картину целого края» [13, с. 140–141]. По замыслу военного губернатора музей должен был включать в себя «все произведения Оренбургского края, в особенности, коллекции

одежды, оружия и всего относительно домашнего быта и промышленности разных народов». Кроме того, древние и иностранные монеты, книги, картины, для закупки которых он отправил в Харьков чиновника Н.Д. Шангион-Гартинга, который прибыл вместе с ним в Оренбург.

П.П. Сухтелен выступил фактическим попечителем музея. Для формирования его коллекции он планировал обратиться с просьбой присылать «пожертвования» к иркутскому генерал-губернатору А.С. Лавинскому, главному начальнику горных заводов А.А. Богуславскому, томскому гражданскому губернатору и начальнику Колывановоскресенских заводов Е.П. Ковалевскому, к берг-инспектору А.Т. Булачеву, профессорам Харьковского университета И.А. Криницкому, Дерптского – И.И. Эшмальцу и др. Пожертвования поступали довольно успешно: хан Букеевской орды прислал мужскую и женскую одежду, из Иркутска – гербарий, насчитывавший 700 видов, белебеевский помещик прислал два пистолета, которые П.П. Сухтелен решил не оставлять в музее, поскольку «в культурном учреждении, долженствующим служить целям цивилизации», не должно быть места орудиям войны [13, с. 141].

Военный губернатор обратился к родственникам И.И. Неплюева, О.А. Игельстрома, С.К. Вязмитинова, П.К. Эссена с просьбой прислать портреты их «предков, потрудившихся в Оренбургском крае». По его инициативе в Казани был обучен для работы в музее «чучелочник» Масленников, который умел очень изящно, даже «художественно готовить чучела». После смерти П.П. Сухтелена заботиться о музее продолжил В.А. Перовский, по инициативе которого для музея было построено новое здание при училище земледелия и лесоводства. Во второй период его пребывания в крае, уже в качестве генерал-губернатора, музей пополнился новыми коллекциями. Однако, начиная с военного губернатора В.А. Обручева, который фактически не обращал никакого внимания на музей, он постепенно приходил в упадок: его коллекции были распределены между разными учебными заведениями. Восстановление музея началось впоследствии благодаря деятельности ученой архивной комиссии. К сожалению, имеющиеся архивные документы и опубликованные источники не позволяют ответить на вопрос, как часто жители Оренбурга посещали музей. Однако следует особо подчеркнуть, что он был ориентирован на всех жителей и приезжих, независимо от их сословной принадлежности.

Оценивая вклад начальников Оренбургского края в его развитие и процветание, П.Н. Столпянский вывел очень важную и точную закономерность: наибольших успехов достигли те военные губернаторы, которые справедливо считали, что нельзя «единолично» достичь значительных результатов. Важно добиваться «развития общества, распространения образования» [13, с. 268]. Так, через все начинания военного губернатора П.П. Сухтелена проходит идея «пробудить общество, заставить его подумать». По мнению П.Н. Столпянского, большая

часть его замыслов осталась незавершенной по причине отсутствия «культурного населения» в Оренбургской губернии, основная часть жителей, даже интеллигенция, не сочувствовали начинаниям графа.

Самым ярким периодом в культурной и общественной жизни Оренбурга в первой половине XIX в., по воспоминаниям современников и новейшим исследованиям, стало время управления краем военного губернатора В.А. Перовского, который во многом продолжил работу, начатую П.П. Сухтеленем. С первых дней своего пребывания в крае он пытался решить две взаимосвязанные проблемы: принять меры к «приобретению хороших чиновников» и «развить высшие воспитательные способы в губернии» [24, с. 42]. В результате он не только привлек в край достаточно большое количество способных и ярких чиновников – В.И. Даля, Я. Виткевича, Т. Зана, но и смог воспроизвести в Оренбурге «уголок столичности». Дочь В.И. Даля – Е.В. Даль – писала, что «с приездом Перовского для Оренбурга настала новая эра. Перовский привез с собой людей образованных, нашлись и „туземцы“, сочувственно отнесшиеся к этому пришествию варягов» [25, с. 518–519].

Полковник И.Ф. Блаرامберг, который в 1840 г. был командирован в Отдельный Оренбургский корпус и стал обер-квартирмейстером, писал, что зимой 1843–1844 г. офицеры Генерального штаба устроили в Оренбурге любительский театр «в пользу бедняков» [26, с. 266–268]. В первой половине XIX в. любительские солдатские театры существовали во многих крупных гарнизонах. Как правило, эти спектакли посещали нижние воинские чины, мещане, небогатые купцы, разночинцы, крестьяне. Особенную заинтересованность в его организации проявили оренбургский военный губернатор В.А. Обручев и его супруга, они нашли помещение для театра. Директором стала супруга И.Ф. Бларамберга, а сам Иван Федорович исполнял обязанности оформителя и кассира. Первые небольшие пьесы были приняты очень тепло. На сцене театра ставились и крупные пьесы: «Ревизор», «Параша-сибирячка», «Купец Иголкин».

В любительском театре был даже солдатский оркестр штаба, состоявший из «поляков и евреев», дирижером которого стал польский офицер Обнинский. На спектаклях присутствовали дети в сопровождении гувернанток. Премьеры становились праздником для всего Оренбурга, билеты раскупались заранее, зал был всегда полон. После представления, как правило, устраивался небольшой импровизированный бал. По словам И.Ф. Бларамберга, выручка от продажи билетов почти не тратилась, что позволяло оказывать помощь «оренбургским беднякам». За семь лет среди неимущих Оренбурга было распределено 20 тыс. р. ассигнациями.

В 1860-е гг. начал свою деятельность профессиональный театр. Ф.И. Лобысевич отмечал, что он «усердно посещается всеми слоями общества, но выносят ли эти посетители из театра приятное впечатле-

ние?» [14] Здание театра очень «изрядно и удобно». Первым антрепренером труппы был ветеринарный лекарь Невский. Состав труппы был довольно профессионален: Берх, служащий на московской императорской сцене, известная провинциальная актриса Линовская. В 1860-е гг. А.П. Безак, понимая необходимость для города театра, поручил начальнику инженерного округа переделать манеж в театр. Составили план, смету. Быстро построили, но теперь ежегодно проводят ремонты. Другая проблема – «промышленная спекуляция антрепренеров, которая продолжалась до 1872 г. когда была организована дирекция и театр стал истинным удовольствием. В составе театральной группы была А.А. Немирова-Ральф, прекрасный оркестр. Как писал Ф.И. Лобычевич, «к сожалению, дорогостоящая труппа, отсутствие субсидий от города разрушили дело...» [14, с. 59].

Яркими событиями светской жизни Оренбурга в 1840-е гг. оставались костюмированные балы, проводившиеся в Дворянском собрании. Приглашенные тщательно готовились, придумывали и шили костюмы. Так, для костюмированного бала в феврале 1844 г. сам И.Ф. Бларамберг подготовил костюм маркиза времен Людовика XV. Он сшил себе фрак из ярко-красного бархата с кружевными манжетами, шелковый вышитый белый жилет, белые короткие панталоны, шелковые чулки и башмаки с бриллиантовыми пряжками. Его жена приготовила греческий костюм [25, с. 518]. По данным «Оренбургских губернских ведомостей» за октябрь 1844 г., в Оренбурге среди жителей города проживали: 15 портных, 39 сапожников и башмачников, 25 купцов, девять слесарей, два серебряных дел мастера, четыре столярных и паркетных мастера, двое медиков, трое каретников [27, с. 486].

В 1850-е гг. в Караван-сараях был разбит сад силами башкир, которые привезли в огромных кадках большие сосны, а затем тщательно ухаживали за ними. В саду был устроен ресторан и кафешантан [13, с. 116]. Впоследствии сад был разделен на две половины: одна была присоединена к губернаторской квартире, другая – оставлена на «всеобщее пользование».

Важной особенностью Оренбурга и всей губернии в первой половине XIX в. было то, что «... аристократии, ни родовой, ни финансовой, за очень немногими исключениями, здесь нет; даже большинство высокопоставленных лиц принадлежит к обыкновенному всероссийскому и других национальностей дворянству и живет почти одним содержанием, – значит, попытки и стремления лезть в знать совершенно напрасны» [14, с. 21]. Здесь нет или почти нет дворянства, оно не играет никакой роли, «... и в общество, в собрание является из них несколько дам, замечу мимоходом, очень состоятельных и очень хорошеньких; для остальных, кроме театра и катанья, все общественное закрыто» [14, с. 21]. Доктор философии Т.-Ю. Базинер, описывая свои впечатления от посещения

бала, отмечал, что «... был очень рад заметить, что здесь не господствует, как в большинстве маленьких городов провинции, тот чванный кастовый дух, то внешнее соблюдение чопорного этикета, которое отнимает все волшебство у приятельского общения» [цит. по 15, с. 141].

Выводы

Анализ становления таких форм досуга повседневной жизни Оренбурга первой половины XIX в., как посещение музея и театра, показывает, что они были напрямую связаны с характером состава городского населения, его военно-чиновничьем большинством, были лишены «кастовости», замкнутости и ориентировались на различные, довольно широкие слои жителей.

Учитывая, что досуг был напрямую связан с общим культурным уровнем жителей города и губернии, ростом грамотности, составом городского населения, можно говорить о влиянии управленческих стратегий главных начальников Оренбургского края на формирование досуговой повседневности жителей губернии. Оренбургские военные губернаторы, решая прежде всего военно-пограничные задачи, заведовали гражданским управлением, осуществляли кадровую политику. В первой половине XIX в. наблюдается переход от традиционных принципов формирования высшей губернской администрации и представлений о региональной власти к рациональным. Если в первой четверти XIX в. в Оренбургской губернии преобладали бывшие военные, механизмы карьерного роста чиновников запускались благодаря их совместной службе с влиятельными военными и государственными деятелями, исполнению адъютантских функций, то в последующем в составе губернской администрации растет число чиновников с высшим образованием, при назначениях учитывается управленческий опыт, профессиональные качества. Приток в край образованных управленцев стал важным фактором, влиявшим на изменение повседневной жизни российской провинции.

Список литературы

1. Любутин К.Н., Кондрашов П.Н. Диалектика повседневности: методологический подход. – Екатеринбург: УрГУ; ИФиП УрО РАН; РФО, 2007. – 295 с.
2. Сурова Е.С., Бутонова Н.В. Досуговые практики в пространстве повседневности // Вестник Санкт-петербургского университета. Серия 6. Культурология. – 2014. – Вып. 2. – С. 54–60.
3. Репинецкий А.И. Повседневность «запасной столицы» (октябрь 1941 – август 1943 г.) // Великая Отечественная война 1941-1945 гг. в судьбах народов и регионов. Сборник статей / отв. ред. А.Ш. Кабирова. – Казань: Институт истории имени Шигабутдина Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2015. – С. 323–331.
4. Малышева С.Ю. Рождение досуга: возникновение и эволюция понятия в XIX веке // Вишленкова Е., Сдвижков Д. (ред.). Изобретение века: проблемы и модели времени в России и Европе XIX столетия. – М.: НЛО, 2013. – С. 173–188.
5. Ключко Е.М. Ключко Е.М. Исторический подход к анализу дихотомии «работа-досуг» (по материалам зарубежных исследований) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2013. – № 1 (51). – С. 115–124.

6. Пушкарева Н.Л., Любичанковский С.В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от школы Анналов к российской философской школе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2014. – Т. 4. – № 1. – С. 7–21.
7. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология // Вопросы философии. – 1992. – № 7. – С. 136–176.
8. Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. – 1988. – № 2. – С. 23 – 34.
9. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психологические исследования. – СПб.: Университетская книга, 2001. – Т. 1. – 332 с.
10. Бродель Ф. Структуры повседневности: Возможное и невозможное // Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: в 3 т. – М.: Альма Матер ИГ, 2022. – Т. 1. – 702 с.
11. Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: AD MARGINEM, 1997. – 156 с.
12. Бурлуцкая Е.В. (Банникова Е. В.) Балы, маскарады и танцевальные вечера как варианты досуговой повседневности горожанок Оренбургской губернии второй половины XIX – начала XX в. // История повседневности. – 2019. – № 3 (11). – С. 68–80.
13. Столпянский П.Н. Город Оренбург. Материалы к истории и топографии города. – Оренбург: Изд-во Оренб. губ тип., 1908. – 399 с.
14. Лобысевич Ф.И. Город Оренбург: ист.-статист. очерк. – СПб.: Тип. Э. Гоппе, 1878. 60 с.
15. Дорофеев В.В. «Над Уралом-рекой». – Челябинск: Южноуральское кн. изд-во, 1988. – 270 с.
16. Банникова Е.В. Повседневная жизнь провинциального купечества (на материалах губерний Урала дореформенного периода). – СПб.: Полторак, 2014. – 440 с.
17. Бурлуцкая Е.В. Детская досуговая повседневность в общественном пространстве пореформенного Оренбурга по материалам оренбургской прессы (вторая половина XIX – начало XX века) // Исторический курьер. – 2021. – № 1 (15). – С. 83–95.
18. Бурлуцкая (Банникова) Е.В., Абдрахманов К.А. Прогулка как вариант досуговой повседневности во второй половине XIX в. // Клио. – 2018. – № 12 (144). – С. 87–92.
19. Столпянский П.Н. Официальная и официозная пресса в Оренбургском крае // Материалы к истории Оренбургского края. – Оренбург: Типография Н.Г. Волкова, 1903. – 64 с.
20. Секенова О.И., Пушкарева Н.Л. К истории повседневного быта первых российских женщин-историков конца XIX – начала XX в.: досуг и отдых // Антропологический форум. – 2021. – № 49. – С. 132–153.
21. Национальный архив республики Башкортостан (НА РБ). Ф. И. 6. Оп. 2. Д. 59.
22. Дебу И.Л. Топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии в нынешнем ее состоянии. – М.: Университетская тип., 1837. – 224 с.
23. Семенов В.Г., Семенова В.П. Губернаторы Оренбургского края. – Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 1999. – 400 с.
24. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1281. Оп. 4. Д. 146.
25. Любичанковский С.В. Оренбургский край – поликультурный и трансграничный регион Российской империи: сб. документов. К 250-летию со дня рождения выдающегося военного и государственного деятеля, оренбургского военного губернатора Петра Кирилловича Эссена (1772). – Оренбург: ИПК Университет, 2021. – 712 с.
26. Бларамберг И.Ф. Воспоминания. – М.: Изд-во восточной литературы, 1978. – 357 с.
27. Оренбургские губернские ведомости. – 1844. – № 47 (4 окт.).

References

1. Lyubutin K.N., Kondrashov P.N. *Dialektika povsednevnosti: metodologicheskij podhod* [Dialectics of everyday life: a methodological approach]. – Yekaterinburg: Ural State University Press, 2007. – 295 p. (In Russ.)
2. Surova E.S., Butonova N.V. *Dosugovye praktiki v prostranstve povsednevnosti* [Leisure practices in the space of everyday life] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Nauchnyi zhurnal. Seriya 6. Kul'turologiya* [Bulletin of St. Petersburg University. Scientific Magazine. Series 6. Culturology]. – 2014. – Ed. 2. – P. 54–60. (In Russ.)
3. Repineckij A.I. *Povsednevnost' «zapasnoj stolicy» (oktyabr' 1941 – avgust 1943 g.)* [Everyday life of the "reserve capital" (October 1941 – August 1943)] // *Velikaya Otechestvennaya vojna 1941-1945 gg. v sud'bah narodov i regionov* [Great Patriotic War 1941–1945 in the fate of peoples and regions]. Sbornik statej / otv. red. A.SH. Kabirova. – Kazan': Institut istorii imeni SHigabutdina Mardzhani Akademii nauk Respubliki Tatarstan, 2015. – P. 323–331. (In Russ.)
4. Malysheva S.YU. *Rozhdenie dosuga: vznikovenie i evolyuciya ponyatiya v XIX veke* [The birth of leisure: the emergence and evolution of the concept in the 19th century] // *Vishlenkova E., Sdvizhkov D. (red.). Izobretenie veka: problemy i modeli vremeni v Rossii i Evrope XIX stoletiya* [Invention of the Century: Problems and Models of Time in Russia and Europe in the 19th Century]. – Moscow: New Literary Review, 2013. P. 173–188. (In Russ.)
5. Klyusko E.M. *Klyusko E.M. Istoricheskij podhod k analizu dihotomii «rabota-dosug» (po materialam zarubezhnyh issledovanij)* [Historical approach to the analysis of the "work-leisure" dichotomy (based on foreign studies)] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]. – 2013. – Vol. 1(51). – P. 115–124. (In Russ.)
6. Pushkareva N.L., Lyubichankovskij S.V. *Ponimanie istorii povsednevnosti v sovremennom istoricheskom issledovanii: ot shkoly Annalov k rossijskoj filosofskoj shkole* [Understanding the History of Everyday Life in Modern Historical Research: From the Annales School to the Russian Philosophical School] // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Bulletin of the Leningrad State University. A.S. Pushkin]. – 2014. – Vol. 4. – Num. 1. – P. 7–21. (In Russ.)
7. Gusserl' E. *Krizis evropejskih nauk i transcendental'naya fenomenologiya* [Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology] // *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. – 1992. – Vol. 7. – P. 136–176. (In Russ.)
8. SHyuc A. *Struktura povsednevnogo myshleniya* [Structure of everyday thinking] // *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. – 1988. – Vol. 2. – P. 23–34. (In Russ.)
9. Elias N. *O processe civilizacii. Sociogeneticheskie i psihologicheskie issledovaniya* [On the process of civilization. Sociogenetic and psychological research]. – St. Petersburg: University book, 2001. – 332 p. (In Russ.)
10. Brodel' F. *Struktury povsednevnosti: Vozmozhnoe i nevozmozhnoe* [Structures of Everyday Life: The Possible and the Impossible] // *Brodel' F. Material'naya civilizaciya, ekonomika i kapitalizm, XV – XVIII vv.* [Braudel F. Material civilization, economy and capitalism, XV - XVIII centuries]. – Moscow: Alma Mater IG, 2022. – Vol. 1. – 702 p. (In Russ.)
11. Hajdegger M. *Bytie i vremya* [Being and time]. – Moscow: AD MARGINEM, 1997. – 156 p. (In Russ.)
12. Burluckaya E.V. (Bannikova E. V.) *Baly, maskarady i tanceval'nye vechera kak varianty dosugovoj povsednevnosti gorozhanok Orenburgskoj gubernii vtoroj poloviny XIX – nachala XX v.* [Balls, masquerades and dancing evenings as variations of leisure everyday life of townswomen of the Orenburg province of the second half of the XIX – early XX centuries] // *Istoriya povsednevnosti* [History of everyday life]. – 2019. – Vol. 3(11). – P. 68–80. (In Russ.)

13. *Stolpyanskij P.N. Gorod Orenburg. Materialy k istorii i topografii goroda* [Orenburg. Materials for the history and topography of the city]. – Orenburg: Orenb Publishing House, 1908. – 399 p. (In Russ.)
14. *Lobysevich F.I. Gorod Orenburg: istoriko-statisticheskii ocherk* [The city of Orenburg: historical and statistical essay]. – SPb.: Tipografiya E. Goppe, 1878. – 60 p. (In Russ.)
15. *Dorofeev V.V. Nad Uralom-rekoi* [Over the Ural River]. – Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1988. – 272 p. (In Russ.)
16. *Bannikova E.V. Povsednevnyaya zhizn' provincial'nogo kupechestva (na materialah gubernij Urala doreformennogo perioda)* [Everyday life of the provincial merchants (based on the materials of the provinces of the Urals in the pre-reform period)]. – SPb: Poltorak, 2014. – 440 p. (In Russ.)
17. *Burluckaya (Bannikova) E.V. Detskaya dosugovaya povsednevnost' v obshchestvennom prostranstve poreformennogo Orenburga po materialam orenburgskoj pressy (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka)* [Leisure in Children's Daily Life in the Public Space of Post-Reform Orenburg Based on the Materials of the Orenburg Press (the Second Half of the 19th – Early 20th Century)] // *Istoricheskij kur'er* [Historical Courier]. – 2021. – No. 1 (15). – P. 83–95. (In Russ.)
18. *Burluckaya (Bannikova) E.V., Abdrahmanov K.A. Progulka kak variant dosugovoj povsednevnosti vo vtoroj polovine XIX v.* [Walk as a variant of leisure everyday life in the second half of the 19th century] // *Klio* [Clio]. – 2018. – Vol. 12(44). – P. 87–92. (In Russ.)
19. *Stolpyanskij P.N. Oficial'naya i oficioznaya pressa v Orenburgskom krae* [Official and semi-official press in the Orenburg region] // *Materialy k istorii Orenburgskogo kraja* [Materials for the history of the Orenburg region]. – Orenburg: Printing house N.G. Volkova, 1903. – 64 p. (In Russ.)
20. *Sekenova O.I., Pushkareva N.L. K istorii povsednevnogo byta pervyh rossijskikh zhenshchin-istorikov konca XIX – nachala XX v.: dosug i otdyh* [On the history of everyday life of the first Russian women historians of the late 19th – early 20th centuries: leisure and recreation] // *Antropologicheskij forum* [Anthropological forum]. – 2021. – Vol. 49. – P. 132–153 (In Russ.)
21. *Nacional'nyj arhiv respubliki Bashkortostan (NA RB)* [National Archives of the Republic of Bashkortostan (NA RB)]. F. 16. Op. 2. D. 59.
22. *Debu I.L. Topograficheskoe i statisticheskoe opisanie Orenburgskoj gubernii v nyneshnem ee sostoyanii* [Topographic and statistical description of the Orenburg province in its current state]. – Moscow: University printing house, 1837. – 224 p. (In Russ.)
23. *Semenov V.G., Semenova V.P. Gubernatory Orenburgskogo kraja* [Governors of the Orenburg Territory]. – Orenburg: Orenburg book publishing house, 1999. – 400 p. (In Russ.)
24. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (RGIA)* [Russian State Historical Archive (RGIA)]. F. 1281. Op. 4. D. 146.
25. *Lyubichankovskij S.V. Orenburgskij kraj – polikul'turnyj i transgranichnyj region Rossijskoj imperii: sbornik dokumentov. K 250-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya voennogo i gosudarstvennogo deyatelya, orenburgskogo voennogo gubernatora Petra Kirillovicha Essena (1772)* [The Orenburg Territory is a multicultural and transboundary region of the Russian Empire: a collection of documents. To the 250th anniversary of the birth of the outstanding military and statesman, Orenburg military governor Pyotr Kirillovich Essen (1772)]. – Orenburg: IPK University, 2021. – 712 p. (In Russ.)
26. *Blaramberg I.F. Vospominaniya* [Memories]. – Moscow: Oriental Literature Publishing House, 1978. – 357 p.
27. *Orenburgskie gubernskie vedomosti* [Orenburg Provincial Gazette]. 1844. Vol. 47. (The 4th of Octobe).

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 94(47)«19»:394:069

ГРНТИ 03.23.07: Историография и источниковедение Истории России

03.61.21: Историческая антропология

DOI 10.35231/25422375_2022_2_110

А.Д. Попова

Реконструкция образа советской повседневности в современной музейной экспозиции

В статье исследуется образ советской повседневной жизни, который реконструируется в ряде современных музеев. Автор использовал экспозиции и отзывы о них в Москве, Санкт-Петербурге, Сочи, Минске, Ростове-на-Дону, Коломне, Рязани. В статье указано, что выставки составлены из предметов, которые были в обиходе советских людей в 1970–1980-е гг.: мебель, одежда, кухонная утварь, школьные учебники и детские игрушки. Автор показывает, что экспозиции довольно многогранно формируют образ советской повседневности. Многие музеи используют ансамблевый метод построения экспозиции, который позволяет наиболее точно реконструировать обстановку в различных уголках квартиры, показать образ жизни и занятия советских людей. Впечатления от экспозиции дополняются различными интерактивными программами, имитирующими бытовые и досуговые практики: обед на коммунальной кухне, игра в домино. В статье проанализированы отзывы посетителей этих музеев и делается вывод, что подобные экспозиции оставляют позитивное впечатление от советской повседневности из-за ностальгии по детским годам.

Ключевые слова: музей советского быта, повседневность, бытовые практики, коллективная память.

Anna D. Popova

Reconstruction of the image of Soviet everyday life in a modern museum exposition

The article explores the image of Soviet everyday life, which is reconstructed in a number of modern museums. The author used expositions and reviews about them in Moscow, St. Petersburg, Sochi, Minsk, Rostov-on-Don, Kolomna, Ryazan. The study showed that the exhibitions are made up of items that were in everyday life of the Soviet people in 1970s and 80s: furniture, clothes, kitchen utensils, school textbooks and children's toys. The author shows that the expositions form the image of Soviet everyday life in a rather multifaceted way. Many museums use the ensemble method of building exhibitions. It allows to most accurately reconstruct the situation in various parts of the apartment and show the lifestyle and occupations of Soviet people. Museums use various interactive programs that imitate everyday and leisure practices: lunch in a communal

kitchen, a game of dominoes. The author analyzed the reviews of these museums' visitors. It is concluded that such expositions leave a positive impression of Soviet everyday life due to nostalgia for childhood.

Key words: museum of Soviet life, everyday life, everyday practices, collective memory.

Советский Союз, который перестал существовать уже более 30 лет, стал частью истории. Однако эта канувшая в Лету страна как особый политический строй не может уйти из памяти бесследно и постепенно превращается в образ, который получает отражение в массовом сознании в самых различных формах, не только в виде текста школьных учебников, но и в форме воспоминаний, различных социальных практик. Как точно отметил французский философ и социолог М. Хальбвакс, «...наряду с письменно зафиксированной историей существует живая история, которая продолжается и возобновляется через годы и в которой можно обнаружить большое количество прежних течений, казавшихся иссякшими» [1, с. 10]. В том числе образ прошлого передает старшее поколение через рассказы или приобщение к традициям своей молодости, совместное чтение книг или посещение музеев.

Образ повседневной жизни советской эпохи является достаточно востребованным в современные дни, и это активно используется в сфере услуг и массовой культуре. Как правильно определяет Р.Н. Абрамов, ностальгические настроения весьма свойственны обществам, пережившим серьезные исторические переломы. После этапа кардинального отрицания и критики всего советского неизбежно пришла мода на атрибуты той эпохи: используются торговые бренды прошлого (пиво «Жигулевское», сырок «Дружба», шоколад «Алёнка»), снимаются шоу и фильмы, обращенные к ценностям советской эпохи («Старые песни о главном», «Намедни: 1961–1991 гг.») [2, с. 100]. Одно время получили распространение точки общепита с названиями в советском стиле, стали открываться кафе или столовые: «Вареничная № 9» (Севастополь), «Вареничная» (Москва), «Коммунальная квартирка», «Столовая № 1» (Санкт-Петербург), «Совок» (Воронеж), «Советская столовая» (Рязань). В них при оформлении дизайна интерьера были использованы атрибуты советской повседневной жизни. В столовых эту роль обычно выполняют репродукции плакатов, в кафе на полках находят пристанище советские книги, фотоаппараты, проигрыватели, фарфоровые фигурки. Некоторые из этих точек общепита пользуются большой популярностью у посетителей, но некоторые уже перестали существовать, например: «Вареничная № 9» в Севастополе и «Советская столовая» в Рязани.

Интерес отмечается и к музеям, тематика которых также связана с советской эпохой. Некоторые из них возникли на базе бывших заводов или предприятий. Таковыми является Балаклавский подземный музейный

комплекс, возникший на месте завода ремонта подводных лодок или Музей печатного и издательского дела в г. Мышкине, где основу экспозиции составляют печатные станки советской типографии. В Севастополе в помещении бывшего бомбоубежища организован музей «Подземный Севастополь». Однако наибольшее распространение получили музеи, где отражена специфика именно бытовой жизни советской эпохи. Создание таких учреждений обусловлено естественным процессом смены картины повседневности: люди меняют мебель, предметы обихода, одежду, устаревшие вещи часто занимают место на антресолях, кладовках, лоджиях. Однако потом приходит время, когда и там они начинают мешать. И перед владельцами встает вопрос о судьбе этого уже ненужного имущества. Находятся энтузиасты, которые собирают такие предметы и создают из них коллекции.

В настоящее время музеи в духе «назад в СССР» становятся «фишками» целого ряда городов. Все они отличаются по объему экспозиции и подходу к ее организации. В Ростовском областном музее краеведения организована небольшая выставка «Время надежд и свершений» (повседневная жизнь Донского края 1950-х гг.), которая занимает всего один зал музея. В Минске под «советскую» экспозицию отведен целый этаж одного из зданий музейного комплекса «Лошицкая усадьба». Довольно обширной экспозицией обладал Музей советского быта, который находился в Санкт-Петербурге на набережной канала имени Грибоедова. К сожалению, он не выдержал испытания, которые принес коронавирус, и в настоящее время уже не работает. И поныне действует музей СССР в Рязани. Самой большой экспозицией может похвастаться музей в Сочи. В Коломне создан не просто музей советского быта, а одна из важнейших составляющих той жизни, с которой пришлось познакомиться многим советским гражданам, – коммунальной квартирой. Музей так и называется «Арт-коммуналка». В Москве и Санкт-Петербурге еще функционируют музеи советских игровых автоматов. Список указанных музеев не является исчерпывающим, но именно их экспозиции стали эмпирической базой данного исследования.

Музеи, которые обращаются к тематике советского быта и повседневной жизни, по-разному подходят к организации экспозиции. Музей в Минске выбрал ансамблевый способ: в разных уголках музейного зала выстроены композиции, имитирующие различные уголки советской квартиры. Посетитель попадает в детскую, кабинет, гостиную, в которой накрыт стол для приема гостей. Экспонатами выступают мебель советской поры, посуда, бытовая техника ушедшей эпохи. Все они расставлены так, как они могли быть использованы в советской квартире. Игрушки находятся именно там, где они могли функционировать, – в детской комнате, сифон для изготовления газированной воды – на столе, который накрыт для приема гостей.

Ансамблевый метод использован и в рязанском музее. Само это учреждение культуры располагается в жилом доме: три квартиры на первом этаже были выкуплены и соединены в единое пространство. В каждой комнате реконструирована часть территории советской квартиры: жилые комнаты, кухня, детская. Экспозиция в этом музее имеет одну яркую особенность: в каждой комнате есть экспонаты, которые связаны с рязанской землей. И это не только портреты и бюсты поэта-земляка Сергея Есенина в различных техниках исполнения, но и предметы производства местной промышленности. В кухне и в одной из комнат можно увидеть изделия традиционного рязанского промысла – скопинскую керамику. В другой комнате стоит приемник с весьма запоминающейся картинкой: девушка в сарафане и платочке рядом с березкой. Такие радиоаппараты выпускал местный завод. В свое время подобные вещи были практически в каждой рязанской квартире. В другой комнате в серванте среди традиционной хрустальной посуды и фарфоровых фигурок можно увидеть весьма примечательный сувенир – компанию стеклянных ежей. Таких декоративных зверьков выдували рабочие рязанского лампового завода, это не было официальной продукцией, они не шли в продажу и чаще всего просто дарились в качестве забавной безделушки.

Ансамблевый метод формирования экспозиции фигурирует и в коломненской Арт-коммуналке. Там пространство музея формирует облик коммунальной квартиры: посетители могут зайти в общий коридор, в котором устроилась вешалка с верхней одеждой советской поры, висят старые велосипеды и на столике стоит дисковый телефон. Потом можно пройти на кухню с плитой и посудными шкафами, затем посмотреть несколько комнат с весьма скромной обстановкой из мебели советской эпохи, а напоследок заглянуть в ванную, используемую в то время не только в целях санитарии, но и как место досуга: в ней печатали фотографии.

Отчасти ансамблевый метод использован и в музее г. Сочи. Там в экспозиции реконструированы школьный класс, уголок отдыха в советской квартире и кухня того периода.

В краеведческом музее Ростова-на-Дону выбрали тематический принцип. В нескольких витринах выставлены предметы советской эпохи, разбитые по темам: приготовление пищи, обучение в школе, строительство нового жилья, мода и изготовление одежды и др. Витрины оформлены табличками с цитатами из мемуаров Л. Фрейдлина «Царство, в котором никто не умирает» (Ростов н/Д.: Булат, 2010), которые очень ярко иллюстрируют не просто предназначение экспонируемых предметов, но и их роль в социальных практиках, эмоциональное восприятие этих вещей. В сочинском музее также активно используется систематический метод построения экспозиции. Там экспонатов собрано настолько много, что стало возможным организовать целую

витрину с детскими игрушечными машинками или советскими проигрывателями.

Содержание экспозиции таких музеев отражает именно повседневную жизнь людей, а не производственную деятельность, что и логично исходя из механизма формирования подобных музеев – сбор устаревших предметов из квартир граждан.

В музеях, где используется пусть даже частично ансамблевый принцип построения экспозиции (в Сочи, Минске, коломенской Арт-коммуналке), представлена мебель, которую можно было встретить в советских квартирах в 1970-е гг.: лакированные шкафы и «стенки», кресла, журнальные и обеденные столы, стулья. Открытое пространство в стенках и шкафах не пустует, в них выставлены предметы гордости советских хозяек: обеденные сервизы, посуда из искусственного хрусталя. В сочинском и рязанском музеях композиции из мебели дополняются настенными и напольными коврами. В минском выставочном зале частью экспозиции стал письменный стол, который является центральным предметом реконструкции рабочего кабинета: на нем представлена пишущая машинка, настольная лампа, радиоприемник и несколько папок с бумагами. Рядом пристроилась этажерка с книгами и классическим будильником, который встречался практически в каждой советской квартире. Столу с печатной машинкой, дисковым телефоном и кожаным портфелем нашлось место и в рязанском музее.

Важным элементом повседневного быта является приготовление пищи. К этой теме обращаются не все музеи. Однако она очень ярко представлена в рязанском и сочинском музеях, а также в Арт-коммуналке. Последний из указанных музеев создавался в бывшей коммунальной квартире, поэтому логично, что посетители видят коммунальную кухню именно так, как устраивались места для приготовления пищи в квартирах такого типа. Пространство на полке шкафа заполнено предметами, которые можно было встретить во многих кухнях советских хозяек: бидоны для молока, ручная мясорубка, граненные стаканы, жестяная коробочка из-под грузинского чая и даже картонная коробочка из-под очень любимого и дефицитного советского лакомства – мармелада «Лимонные дольки». Аналогично организована и экспозиция в рязанском музее. Под реконструкцию советской кухни выделена самая большая комната из всех, которые были в этих квартирах, чтобы иметь возможность проводить в ней мероприятия. Кухонные шкафы, холодильник той эпохи, плита, круглый стол с советским сервизом составляют основу экспозиции. На плите висит сумка из прозрачной пластиковой сетки. Такая была у многих хозяек. Почетное место занимает скороварка и форма для приготовления популярного в советские годы лакомства – орешков со сгущенкой. Под плитой стоит несколько эмалированных бидонов – своеобразный атрибут инициации в советском детстве. Для многих участие в хозяйственной жизни, признание

статуса «уже большой» начиналось именно с этого предмета, а точнее, с поручения «сходи за молоком» или «сходи за квасом». Хотя был и взрослый вариант эксплуатации бидона: в него еще наливали разливное пиво. Рядом на кухонном столе прикручена ручная мясорубка. На стене есть стенд с этикетками от конфет советской поры. Знаменитые конфеты «Мишка на Севере» представлены двумя этикетками от разных фабрик. Аналогичный стенд (только в коридоре) демонстрирует алкогольную продукцию ушедшей эпохи.

Реконструкция советской кухни представлена и в сочинском музее. Посетитель видит двухкомфорочную плиту, которую часто использовали в хрущевках, где комнаты отличались очень скромными размерами. На ней устроился алюминиевый чайник и за ручку конфорки подвешен предмет, который дважды символичен для той эпохи – «авоська» с мандаринами. Сумка-сетка ярко отражает такую черту советского быта, как дефицит, и ее обычно носили практически все на всякий случай, вдруг подвернется в продаже какой-нибудь дефицитный товар, которым можно будет затариться по полной программе. Сами мандарины тоже символичны: они появлялись в продаже только перед Новым годом и прочно заняли места в символике этого праздника. Раковина, кухонный гарнитур советского периода и холодильник довольно образно воссоздают типичную кухню в малогабаритной квартире.

Очень примечательным экспонатом является холодильник. Он имеет яркую деталь: ручка снабжена замком, который может запираеть дверцу на ключ. Это привет из быта коммунальных квартир, которые еще не ушли в прошлое и сейчас. Часто в коммуналках холодильники держали прямо в комнатах, дабы не допустить к своим запасам посторонних: могут не только похитить, но и испортить после очередной склоки. Но на тот случай, если все же холодильник окажется в местах общего пользования, промышленность выпускала этот предмет быта с такой дополнительной опцией. Холодильник присутствует и в экспозиции ростовского музея. Более того, он снабжен комментарием из книги Л. Фрейдлин: «Техническим чудом воспринимался в нашей коммунальной квартире первый холодильник „Кавказ“, добытый в результате многомесячных переключек, беготни и волнений. Его крошечная морозилка быстро зарастала льдом и требовала частой разморозки. При включении „Кавказ“ сотрясался, как в малярийном приступе, в нем вибрировали и булькали продукты, а мы сладостно улыбались, просыпаясь ночью от этого трюка». Нельзя не отдать должное создателям этой экспозиции в очень удачном и умелом подборе цитат из мемуаров современника. Они не просто показывают особенности работы этой вещи – способность холодильника издавать самые различные звуки в весьма неподходящее время. В данном случае экспонирование холодильника

оживает такими социальными практиками советской эпохи, как необходимость искать связи и «доставать» вещь по знакомству, а также держать его в комнате, а не на кухне коммунальной квартиры в силу уже указанных обстоятельств. Также в ростовской экспозиции присутствует и одна из первых стиральных машин с двумя валиками для отжима лишней влаги. И на столе нашлось место совсем примечательному предмету: там устроился керогаз с эмалированным чайником. Керогаз был весьма распространен в советских квартирах в 1950–1960-е гг., заменяя плиту в тех квартирах, где еще не был проведен газ.

Сочинский музей собрал большую коллекцию предметов, которые использовали на кухне советские хозяйки в 1970–1980-е гг.: соковыжималки, кондитерский шприц с набором пластмассовых насадок, кофемолка, механический миксер, мясорубка. Все эти предметы показывают, что советские люди питались в основном дома, а не в точках общепита. При этом обязанность по приготовлению пищи лежала в основном на женщинах, которым после рабочего дня приходилось нести вторую вахту дома. Причем многие делали это весьма виртуозно. Даже такие сложные вещи, как бисквитный торт, украшенный розочками из крема, мог появиться на праздничном столе не только из магазина, но и как результат домашнего кулинарного творчества. Один предмет особенно показателен: на полке рядом с соковыжималкой примостилась «машинка Макарова», т. е. приспособление для закатывания банок. Очень многие советские хозяйки летом и осенью тратили много усилий для изготовления «закаток», т. е. домашних консервов из овощей и фруктов. Часто для этого использовалась продукция со своего огорода, а горожане обзаводились участками земли за городом, чтобы иметь возможность выращивать свои овощи и фрукты. И дело даже не в том, что такие закуски считались более вкусными и полезными. Порой даже самые простые овощи не всегда можно было приобрести в советских овощных магазинах. И если картофель, морковь, лук, свекла были в продаже всегда, но часто в гнилом состоянии, то такие продукты, как помидоры, баклажаны, болгарский перец, даже в сезон в магазины не поступали.

Заготовки на зиму были в основном женской работой и занимались ею представительницы самых разных социальных слоев. В том числе и уделяла время этому занятию супруга оружейника-конструктора Н.Ф. Макарова, который спроектировал знаменитый пистолет. Чтобы облегчить нелегкий кухонный труд, он по просьбе жены придумал и машинку для закатывания банок, которая прочно вошла в обиход многих хозяек и используется по сей день. Эта социальная практика нашла отражение и в Арт-коммуналке в Коломне: в коридоре на нижней полке книжного шкафа выстроились трехлитровые банки с компотами.

Сочинский музей реконструировал и еще один уголок квартиры, без которого не может обойтись ни один человек, – санитарный узел. Самым примечательным является даже не сам унитаз, а полочка над ним, на котором лежит стопочка нарезанной газеты: в Советском Союзе туалетная бумага была большим дефицитом и для санитарных целей часто использовали старые газеты. Очень ярко и образно реконструирована ванная в Арт-коммуналке. Она показывает не только процесс поддержания чистоты, но и некоторые досуговые практики. Над ванной висят простыни, которые имитируют сушку белья после стирки. В небольшой нише в стене, которая выполняет роль полочки для гигиенических принадлежностей, нашли пристанище самые известные средства советской поры: зубные порошки «Особый», «Мятный», два куска мыла «Земляничное» в пластмассовых мыльницах.

На протянутых вдоль ванны веревках нашлось место не только белью, на них прищепками прикреплены фотографии. Рядом с раковиной стоит фотоувеличитель и кювета, в которой проявляли снимки. На столике напротив пристроился еще один фотоувеличитель и другие принадлежности для фотографии: кюветы для проявки фотографий, щипцы, красный фонарь, банки с реактивами. Посетитель получает представление не просто о том, что процесс изготовления фотографий был иной, чем сейчас в цифровую эпоху, а что заниматься этим хобби приходилось в местах общего пользования, так как в комнатах не хватало места и было трудно организовать качественное затемнение комнаты. В то же время занятие фотографией представлено в качестве распространенного хобби, которым увлекались многие советские люди.

В рязанском музее этот уголок квартиры также выступает в своем традиционном для того времени облике: рядом с унитазом стоит советская стиральная машинка, на натянутых веревках висит нижнее белье. Надо отдать должное: его модели были подобраны именно сообразно ушедшей эпохе, а на полочке – привычные для советских хозяек средства для стирки и гигиены: хозяйственное мыло, порошок «Пемолюкс», зубной порошок «Особый», связка прищепок. Весьма органично в этом месте смотрится и коробка с клеем для обоев: в Советском Союзе граждане часто делали ремонт сами, а инструменты и расходные материалы как раз могли хранить в ванне или туалете. В коридоре еще можно обнаружить банки с масляной краской.

Очень активно в музеях советского быта выступает тема детства: в музее представлены предметы, отражающие процесс обучения в школе, и игрушки. В Минске в Лошицкой усадьбе реконструирована детская для ребенка-дошкольника: на полу разложена железная дорога, на которой стоит паровозик с вагончиками. Рядом на лошадке-качалке восседает плюшевый розовый слон, на полке стоят волчок, игрушечная посуда и проектор для показа диафильмов. Часто в качестве экспоната в таких экспозициях фигурирует школьная форма для девочек, школьные

учебники того периода, канцелярские принадлежности: пеналы, линейки. В сочинском музее представлена большая коллекция советских учебников по различным предметам: истории, физики, математике и др. Экспозицию дополняют несколько портфелей, которые были распространены в 1970-е гг., некоторые наглядные пособия, стопка тетрадей и дневник советского школьника. Причем они не помещены, как это обычно бывает, под стекло, а лежат в открытом доступе, их можно брать в руки, листать. Посетитель имеет возможность получить представление, какие упражнения выполнялись советскими школьниками по химии или географии, посмотреть в дневнике расписание, увидеть оценки и записи учителей.

Подборка игрушек тоже бывает достаточно широкой. Выставляются куклы производства СССР, настольные игры, детские машинки разных размеров, некоторые электрические и механические игрушки. В частности, очень часто в «советской» экспозиции фигурирует мечта каждого советского ребенка – игрушка «За рулем». В сочинском, петербургском и рязанском музеях можно увидеть детские швейные машинки.

В этих же разделах находятся и предметы, которые связаны с идеологическим воспитанием: пионерские галстуки, значки, горны, барабаны. Каждый школьник за редким исключением состоял в пионерской, а потом в комсомольской организации. Многие дети лето проводили в пионерских лагерях, где обязательно проводились линейки-построения под барабан, горн, торжественно поднимался флаг. Некоторые атрибуты советской идеологии имеются и в экспозиции Арт-коммуналки: в одной из комнат висит красный треугольный вымпел за победы в социалистическом соревновании. В коридоре рязанского музея также собраны атрибуты советской идеологии: портрет и большой бюст В.И. Ленина, несколько маленьких бюстов И.В. Сталина, плакат с заповедью бригады коммунистического труда, текст Конституции СССР. Все это передал красный уголок одного из рязанских заводов.

Активно обращаются музеи к реконструкции моды. В Сочи экспозиция начинается с воссоздания типичной советской прихожей: вешалка, на которой висят два драповых женских пальто с меховыми воротниками изнутри. Затем следуют целые стеллажи, завешанные советскими спортивными костюмами. Однако такая обильная коллекция создает эффект присутствия в магазине секонд-хенд, а не в советской квартире. В ростовском краеведческом музее моды и одежды выделена одна витрина, в которой экспонируются манекены, одетые в блузки и юбки, модные в 1970-е гг., женские туфли, сумочка и перчатки. Экспозицию дополняют фотографии с изображением мужчин и женщин в 1970-е гг.. Создатели экспозиции использовали бытовые фотографии людей, которые часто делались «на память» на отдыхе, и при этом на них хорошо можно разглядеть фасон платьев. Несколько снимков сделаны в магазине тканей или на предприятии, где изготавливалась одежда.

Чаще всего музеи представляют весьма типичные предметы, которые шились в массовом количестве советской легкой промышленностью. Однако рязанскому музею удалось в свою коллекцию получить уникальные вещи: платья и пальто одной рязанской модницы, которая шила изящную одежду, отличающуюся от массового поточного производства.

Неслучайно раздел о моде может в таких музеях часто дополняться предметами, которые связаны с процессом изготовления одежды в домашних условиях. В минском музее присутствует уголок рукодельницы: ножная швейная машинка, маленький «командировочный» уют, набор катушек, ножницы. Он показывает, что многие советские женщины были вынуждены сами шить одежду себе и членам своей семьи, так как хорошие вещи было трудно купить, а рукоделие становилось одной из форм досуга. В рязанском музее представлен целый ряд вышитых изделий: полотенца, салфетки, исполненные в разных техниках.

В ростовском музее данная витрина «оживляется» с помощью цитаты из мемуаров Л. Фрейдлин. В ней очень ярко показаны некоторые общие черты советского быта: пошив пальто представлен как очень серьезное событие, так как был сопряжен с поиском дефицитной ткани и фурнитуры. Также в этой цитате упоминается, что вещи шились с запасом, чтобы можно было ушивать или расшивать на меняющуюся фигуру, «поскольку носились годами».

Тема досуга присутствует и в другой форме. Во всех музеях экспонируются советские телевизоры, проигрыватели, радиолы и магнитофоны. Экспозиция Арт-коммуналки дополнена набором пластинок и магнитофонных лент с записями. В комнатах на стенах висят фотографии с изображением советских певцов и артистов, демонстрируя художественные вкусы советских людей. В сочинском музее один из телевизоров представлен в ансамблевой композиции, реконструирующей общую комнату в квартире со стенкой, и в ней в специальной нише почетное место занимает телевизор. Так выглядели комнаты многих советских граждан. Кроме того, в этом музее имеется целая коллекция бытовой аппаратуры для воспроизводства звука и изображения, она занимает огромный стеллаж. Также в музеях выставлены старые фотоаппараты и кинокамеры с механическим заводом. Старая ручная камера лежит на полке в одной из комнат в коломенской Ар-коммуналке, целая коллекция фотоаппаратов и киноаппаратов представлена в сочинском и рязанском музеях. В Музее советского быта в Петербурге имелась довольно большая коллекция электрических гитар – предмет гордости их обладателей.

В сочинском музее организована ансамблевая экспозиция, посвященная такому увлечению советских людей, как спорт и туризм. В ее центре – палатка, рядом расположены вещи, необходимые в походе: фонарики, компасы. В Музее советского быта Петербурга была выставлена коллекция деревянных клюшек. Подобные имелись практически в

каждой семье, где был мальчик-подросток. К теме досуга в советский период обращаются два очень своеобразных музея, которые организованы в Москве и Санкт-Петербурге, – Музей советских игровых автоматов. Экспонатами в них стали советские игровые автоматы, которые ранее стояли в фойе кинотеатров, в парках культуры и прочих зонах отдыха. Нехитрые приспособления для игры, которые за 15 к. позволяли получить удовольствие от имитации охоты, стрельбы в тире, игры в хоккей, баскетбол или футбол. В процессе развития сферы индустрии эти автоматы стали вытесняться более современными. Старые автоматы должны были последовать в сторону помойки. Возможно, это так и было сделано во многих городах. Однако некоторым экземплярам повезло, и они стали экспонатами. Кроме того, в этих музеях можно выпить газировки из автомата. Целый ряд игровых автоматов представлен и в музее СССР в Сочи. Во всех трех музеях собраны самые известные хиты советской развлекательной индустрии: «Снайпер», «Морской бой», «Охотник», «Городки», «Баскетбол». Кроме входного билета необходимо приобретение жетона для игры. В сочинском музее жетоны даже стилизованы под монеты в 15 к. Именно эта часть экспозиции приводит в наибольший восторг посетителей.

Некоторые экспонаты напоминают о последних днях советского строя, когда быт простого человека наполнился новыми деталями. Дефицитом стали даже те вещи, которые ранее продавались свободно: мыло, папиросы, крупы. В экспозиции Музея советского быта в Петербурге были выставлены талоны на продукты периода перестройки. Плюс представлен ваучер, который являлся попыткой организации приватизации в рамках советской экономики.

В этом же музее был экспонат, напоминающий о специфических социальных практиках, имевших место в Советском Союзе. В частности, представлена копия характеристики, которая выдавалась по месту работы гражданам, желающим совершить зарубежную поездку. Подобные мероприятия были делом достаточно редким для советских граждан, так как выехать можно было только в составе экскурсионной группы, члены которой отбирались очень тщательно. Оказаться за границей могли граждане только после тщательной проверки на благонадежность.

Большой вклад в создание образа советской повседневности вносят игровые программы, которые представляют некоторые музеи. В частности, музей СССР в Рязани дает возможность провести время в нескольких вариантах: можно посмотреть диафильм, поиграть в лото или домино, посетить мастер-класс, на котором можно приобщиться к творчеству многих советских детей, – выжиганию [3].

В Арт-коммуналке также предлагаются различные программы кроме традиционных экскурсий. Желающие могут пройти театрализованный квест «Тест на коммунальность». При желании потом можно

остаться на обед или на чаепитие, которое называется «Чай со слоном». Название выбрано неслучайно: в советское время индийский чай с изображением слона был наиболее качественным, но купить его было нелегко. Поэтому наличие его на столе было признаком удачи и престижа. На обед предлагаются блюда, которые тоже олицетворяют советскую эпоху: сосиски с картофелем, зеленым горошком и соленья [4]. Также в декабре музей предлагает программу «Космический Новый год в коммунальной квартире». Как интригуяюще обещают сотрудники музея на официальном сайте, «Вас ждёт настоящая встреча нового ... 1962 года. Уходящий 1961 год ознаменовался фантастическим событием – полётом Гагарина в космос. За два часа, проведенных в нашей коммунальной квартире, вам предстоит: узнать главный космический секрет вечера и подписать заявление о его неразглашении, услышать репортаж с новогоднего спутника, спеть новогодние песни под аккомпанемент соседа-пианиста, совместно приготовить и съесть самое новогоднее блюдо, заглянуть в интерьеры орбитальной станции, встретиться с Дедом Морозом и многое другое» [4].

Большой интерес вызывают у посетителей музеи игровых автоматов. Пользуются популярностью советские игровые автоматы и в музее СССР в Сочи. Кроме того, там каждый желающий может вспомнить свои школьные уроки НВП или службу в армии. Среди экспонатов имеются образцы стрелкового оружия, в том числе автомат Калашникова, который можно собрать и разобрать. В рязанском музее детям предлагают сделать то же самое с ручной мясорубкой. В музее СССР в Сочи есть небольшой кинозал, где показывают фильмы советской эпохи. При этом кресла для посетителей взяты из советского кинотеатра – с жесткими откидывающимися сиденьями.

Насколько ярко формируется образ ушедшей эпохи, позволяет оценить анализ отзывов об этих музеях. Было использовано два ресурса, на которых посетители традиционно делятся отзывами: Яндекс и TripAdvisor. Большинство отзывов положительные. Арт-коммуналка на TripAdvisor имеет более 120 отзывов, и оценки в среднем составляют 4,5 балла. Очень говорящие заголовки отзывов об этом музее («Круто!», «Отлично», «Классное место!», «Потрясающе!»). Для многих посетителей посещение Арт-коммуналки – это путешествие в собственное детство или юность.

«Я росла в квартире бабушки, где практически всё помнило детство моей мамы, которое как раз пришлось на 60-ые. От многого избавилась не так уж давно, например, от земляничного мыла, что-то типа синьки использую до сих пор, а что-то так и пылится на антресолях и в сараях на даче. Но здесь оно всё так органично собрано воедино... и вот мне снова б, и я украдкой лезу в бабушкин шкаф мерить её платья...»; «Старья всякого много, аж душа ностальгически раду-

ется»; «Для нас, взрослых, это был ностальгический прыжок в прошлое: ... а у нас был такой же сифон, ... а у бабушки точно такое же платье, ... за такую линейку я бы в детстве многое отдал, ... ой, моя любимая школьная форма!» [5]; «Потрясающий музей, чтобы познакомиться с культурой и историей города через жизни обычных людей! Очень колоритно! Обязательно берите экскурсию. Рассказывают очень интересно – после сразу захотелось побывать в прошлом, атмосфера СССР окутает вас на тот прекрасный час экскурсии!»; «Для тех, кто жил в СССР – отличное место! Масса предметов из того времени. Ходишь и узнаёшь: книги, мебель, посуда, фототехника, предметы быта... Даже дети заинтересовались тем, как жили их родители» [6].

В Арт-коммуналке многим понравилось то, что часть предметов экспозиции можно трогать или даже нюхать. «Дети изучили все ящики, исследовали трюмо, и даже нашли там „клад“ в виде советских денег»; «Ребенок в восторге от того, что можно всё рассмотреть и потрогать, особенно понравился тяжелый железный грузовик». Позитивные слова заслужил и предлагаемый квест. «В квесте народ делится на 3 семьи по жребью и решает бытовые проблемы путем проведения разных конкурсов. В принципе весело и занимательно»; «Это было самое веселое, самое интересное в Коломне! Особенно детям. Все хотели остаться там пожить, пойти еще на следующий день! Они такое не видели никогда. Мы тоже бук не строили и включились в игру! Называется квест! Смеялись, ругались, спорили!!!! Дети обалдели. Еще и дядька из шкафа вышел» [5].

Конечно, квест в Музее коммунальной квартиры, мягко говоря, отличается от того реального квеста, в который превращалась жизнь обитателей реальных коммунальных квартир. Неслучайно один из посетителей высказывает свой восторг такой фразой: «Очень хорошо передан дух слава богу ушедшей эпохи коммунальных квартир. Это место возвращает в детство» [6]. Аналогичные впечатления оставляет и музей СССР в Сочи. На сайте Tripadvisor этот музей тоже имеет среднюю оценку 4,5 и также посетителей восхищает возможность погружения в свое детство или юность. «Кому-то этому кажется складом старых вещей, у кого-то пробуждает воспоминания. Я родился в СССР, поэтому для меня большинство экспонатов вызывает ностальгию»; «Мы с мужем окунулись в своё детство, как-будто побывали детьми в гостях у бабушки, посидели в своей советской квартире у телевизора, переключаящегося руками, вспомнили, что туалетная бумага – это старые газеты».

И опять восторг вызывает, что экспонаты не просто выставлены, но могут выступать в практической плоскости. «Огромный плюс, в музее все можно трогать, мерить, фотографировать, „пострелять“ из настоящего оружия, посидеть за партой, поиграть в песочнице,

много-много ещё всего интересного»; «Большая, разнообразная экспозиция, почти всё можно потрогать, посидеть, поиграть... Из зала с оружием мужа еле увела, вспоминал, как Калашникова разбирать-собирать» [7]. Впрочем, музей вызвал интерес и у тех, кто уже не застал советские времена, но знаком с этой эпохой по продуктам массовой культуры. «Представленные на суд зрителей артефакты один за другим заставляют улыбаться, потому что так или иначе с ними когда-то сталкивался или видел в многочисленных советских фильмах»; «Для детей это древний мир, они были в восторге» [7].

Восторг вызывает у посетителей музеи игровых автоматов. Причем не только взрослые ностальгируют по развлечениям своего детства, музей нравится и современному подрастающему поколению. *«Не думала, что этот музей так понравится моим пятиклашкам. Я человек из Советского Союза и знаю игровые аппараты тех времён. „Меткий стрелок“ у нас в лагере стоял. Мы ходили играть по расписанию. Было круто. Поэтому для меня понятно.....ностальгия. Но оказалось, что и современным детям тоже это интересно. Они хоть телефоны из рук убрали и с азартом играли в баскетбол, хоккей, морской бой.....»; «Мы с дочерью-подростком бегали по залам в ажитации, бурно выражали эмоции и с огромным удовольствием играли на автоматах! Для нынешних детей заведение вдвойне интересно и необычно, ведь здесь можно выпить лимонад из автомата (жаль, наливают его не в стеклянные стаканы), увидеть телефонную будку „как в кино“, коллекцию вычислительной техники и автоматических лошадей-качалок. Больше всего нам понравился автомат „Снайпер“ и тот, где питон собирает морковки» [8].* Главные претензии у посетителей к музеям советских автоматов связаны с состоянием экспонатов: многие из них неисправны или работают плохо, что вполне понятно, так как это старые автоматы, которые использовались еще 30 лет назад.

Таким образом, музеи в стиле «назад в СССР» стали довольно популярными в стране и получили распространение во многих городах. Их экспозиции довольно типичные. Они реконструируют разные стороны повседневной жизни советских людей: моду и изготовление одежды, приготовление пищи, детские игры и учебу в школе. Образность этих реконструкций во многом зависит от умения создателей музея соединить в экспозиции выставляемые предметы. Так на первый взгляд совершенно посторонний для санузла клей для обоев ярко демонстрирует такую социальную практику, как делать ремонт своими руками. Авоська с мандаринами на кухне показывает типичную черту советского быта – дефицит. Еще большее значение имеют различные интерактивные и игровые программы, в которых предметы оживают в социальных практиках: игры, еда, рукоделие воссоздают образ эпохи, дают возможность прочувствовать ее. Недостатком подобных экспозиций часто является их перегруженность. Порой авторы стремятся воссоздать обстановку в

советской квартире, но собирают слишком много однотипных вещей, которые вряд ли могли быть у одного человека. Возникает ощущение склада подержанных вещей, а не музея. При этом создатели экспозиции не всегда четко разделяют предметы по эпохам. Предметы 1960-х соседствуют с предметами 1980-х. Объясняется это тем, что такие музеи создаются энтузиастами и им приходится довольствоваться весьма скромной площадью.

Музеи советского быта заняли прочное место в культурном пространстве современной России. И это неслучайно. Во-первых, происходит активная смена бытовых предметов. Современный рынок товаров позволяет покупать вещи, которые гораздо удобнее тех, которые использовались в советский период, содержат новые опции и функции. Поэтому несложно составить коллекцию нового музея из устаревших вещей. Во-вторых, большую роль играет ностальгия по советскому строю. Такие музеи вызывают интерес у посетителей. Прежде всего это связано с воспоминаниями о советском прошлом. Причины ностальгии многоплановые. Профессор И.В. Упоров на первое место в качестве причины ее появления ставит социально-экономические трудности, лишение людей привычных социальных благ: бесплатных квартир, низкой платы за проезд в общественном транспорте, профсоюзных путевок [9, с. 45]. Однако видится более обоснованной позиция молодой исследовательницы Е.В. Шлегель, которая подчеркивает, что основную роль в формировании образа ушедшей страны играют люди, заставшие ее в детстве. То есть они пока не успели на себе познать особенности социалистического быта, распределения социалистических «благ», а помнят только лучшие стороны и отсутствие каких-либо забот благодаря родителям: «А детские воспоминания – они всегда самые светлые и радужные» [10, с. 89]. Как подчеркнула в беседе с автором статьи создатель рязанского музея Светлана Макова, «к нас не музей политического строя, у нас музей детства, нашего повседневного прошлого».

Именно эти корни ностальгии делают привлекательными музеи советского быта. Неслучайно одной из наиболее распространенных фраз, произносимой в этих музеях, является: «Ой, а у меня в детстве была такая же игрушка, кукла, чашка, вазочка, статуэтка». При этом нельзя не отметить, что создатели советских музеев формируют довольно позитивный образ прошлого. Музеи, где реконструируется советское прошлое, есть и в западных странах. Однако там они чаще делают акцент на политических аспектах, подчеркивают недемократический характер власти [2, с. 106]. В российских музеях идеологические аспекты выступают только отдельными штрихами как часть школьной или рабочей жизни без эмоционального акцента.

Посетители сталкиваются в этих музеях с предметами своего детства. Особенность восприятия экспозиции в этих музеях заключается в огромной сопричастности самих посетителей к образам и предметам,

которые получили воплощение на экспозиции: очень многие гости таких экспозиций сами были владельцами похожих предметов, участниками социальных практик, которые они олицетворяют. Увидев школьный учебник советской поры, посетители вспоминают, как сами решали задачи из него, школьная форма и пионерский галстук оживляют воспоминания о собственных уроках, процедуре приема в пионеры. При этом положительные эмоции о беззаботном детстве выходят на первый план, оттесняя проблемы и трудности бытовой жизни советской поры. Например, банки с компотом и инструменты для их приготовления в первую очередь вызывают воспоминания о родственниках, которые их готовили, а не о трудностях, с которым сопрягается приготовление этого вида заготовок (нудная переборка ягод и фруктов, необходимость стоять у горячей плиты в жаркую погоду). Вполне можно согласиться с мнением С.А. Добрецовой, которая утверждает, что именно благодаря сопричастности представленных экспонатов к личной истории посетителей уходят на задний план отрицательные стороны этих предметов: их невысокое качество, незамысловатый вкус, массовый характер производства [11, с. 108]. Эмоциональное состояние взрослых посетителей передается и подрастающему поколению. Неслучайно во многих отзывах подчеркивается интерес детей к подобным экспозициям. В результате аналогичные музеи играют значительную роль в формировании коллективной памяти. «Коллективные воспоминания накладываются на воспоминания индивидуальные, обеспечивая нам гораздо более удобный и надежный контроль над последними; но для этого необходимо, чтобы уже существовали личные воспоминания» [1, с. 20]. Однако насколько популярными эти музеи останутся в будущем – покажет жизнь.

Список литературы

1. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2. – С. 8–27.
2. Абрамов В.Н. Музеефикация советского. Историческая травма или ностальгия // Человек. – 2013. – № 5. – С. 99–111.
3. Музей СССР в Рязани в ВКонтате. – URL: <https://vk.com/myzeicccp> (дата обращения: 4.04.2022).
4. Официальный сайт музея Арт-коммуналка. – URL: <https://artkommunalka.com/ru/content/ekskursii#chay> (дата обращения: 4.04.2022).
5. URL: https://www.tripadvisor.ru/Attraction_Review-g798120-d5503669-Reviews-Art_Kommunalka_Erofeyev_and_Others_Museum_Residency-Kolomna_Moscow_Oblast_Central.html (дата обращения: 4.04.2022).
6. URL: https://yandex.ru/search/?text=%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%BC%D0%BD%D0%B0+%D0%BC%D1%83%D0%B7%D0%B5%D0%B9+%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%BC%D1%83%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%BA%D0%B0+%D0%BE%D1%84%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9+%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82&lr=10773&src=suggest_Tail (дата обращения: 4.04.2022).

7. URL: https://www.tripadvisor.ru/Attraction_Review-g298536-d13925531-Reviews-Mega_Museum_of_the_USSR-Sochi_Greater_Sochi_Krasnodar_Krai_Southern_District.html (дата обращения: 4.04.2022).

8. URL: https://www.tripadvisor.ru/Attraction_Review-g298484-d2342320-Reviews-Museum_of_Soviet_Arcade_Machines-Moscow_Central_Russia.html (дата обращения: 4.04.2022).

9. Упоров И.В. Ностальгия по СССР – тема, все чаще обсуждаемая в соцсетях // Заметки ученого. – 2022. – № 1. – С. 44–48.

10. Шлегель Е.В. Ностальгия по непрожитому: привлекательность мифа о советском прошлом для поколения Z // Вестник гуманитарного университета. – 2019. – № 3. – С. 87–93.

11. Добрецова С.А. Актуализация культурного наследия в музеях советской эпохи Рыбинска и Казани // Культурная жизнь Юга России. – 2021. – № 4. – С. 105–114.

References

1. Hal'bvaks M. *Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat'* [Collective and historical memory] // *Neprikosnovennyj zapas* [Emergency ration]. – 2005. – № 2. – С. 8–27.

2. Abramov V.N. *Muzeifikaciya sovetskogo. Istoricheskaya travma ili nostalg'giya* [Museumification of the Soviet. Historical trauma or nostalgia] // *CHelovek* [Human]. – 2013. – № 5. – С. 99–111.

3. *Muzej SSSR v Ryazani v VKontakte* [Museum of the USSR in Ryazan on VKontakte]. URL: <https://vk.com/myzeicccp> Vremya dostupa 4.04.2022 g.

4. *Oficial'nyj sajt muzeya Art-kommunalka* [Official website of the Art-Communal Museum]. URL: <https://artkommunalka.com/ru/content/ekskursii#chay> Vremya dostupa 4.04.2022 g.

5. URL: https://www.tripadvisor.ru/Attraction_Review-g798120-d5503669-Reviews-Art_Kommunalka_Erofeyev_and_Others_Museum_Residency-Kolomna_Moscow_Oblast_Central.html Vremya dostupa 4.04.2022 g.

6. URL: https://yandex.ru/search/?text=%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%BC%D0%BD%D0%B0+%D0%BC%D1%83%D0%B7%D0%B5%D0%B9+%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%BC%D1%83%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%BA%D0%B0+%D0%BE%D1%84%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9+%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82&lr=10773&src=suggest_Tail Vremya dostupa 4.04.2022 g.

7. URL: https://www.tripadvisor.ru/Attraction_Review-g298536-d13925531-Reviews-Mega_Museum_of_the_USSR-Sochi_Greater_Sochi_Krasnodar_Krai_Southern_District.html Vremya dostupa 4.04.2022 g.

8. URL: https://www.tripadvisor.ru/Attraction_Review-g298484-d2342320-Reviews-Museum_of_Soviet_Arcade_Machines-Moscow_Central_Russia.html Vremya dostupa 4.04.2022 g.

9. *Uporov I.V. Nostal'giya po SSSR – tema, vse chashche obsuzhdaemaya v socsetyah* [Nostalgia for the USSR is a topic increasingly discussed in social networks] // *Zametki uchenogo* [Notes of a scientist]. – 2022. – № 1. – С. 44–48.

10. *SHlegel' E.V. Nostal'giya po neprozhitomu: privlekatel'nost' mifa o sovetskom proshlom dlya pokoleniya Z* [Nostalgia for the Unlived: The Attractiveness of the Myth of the Soviet Past for Generation Z] // *Vestnik gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of the Humanitarian University]. – 2019. – № 3. – С. 87–93.

11. *Dobrecova S.A. Aktualizaciya kul'turnogo naslediya v muzeyah sovetskoj epohi Rybinska i Kazani* [Actualization of cultural heritage in the museums of the Soviet era in Rybinsk and Kazan] // *Kul'turnaya zhizn' YUga Rossii* [Cultural life of the South of Russia]. – 2021. – № 4. – С. 105–114.

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(470.43)«1941/1943»:394

ГРНТИ 03.23.07: Историография и источниковедение истории России

03.23.55: История России Новейшего времени (с XX в.)

DOI 10.35231/25422375_2022_2_127

Е.В. Годовова, П.С. Кабытов

**Повседневная жизнь населения «временной второй столицы»
в годы Великой Отечественной войны
(по материалам монографии А.И. Репинецкого
«Военная столица СССР. 1941–1943 гг.:
очерки истории города Куйбышева
в годы Великой Отечественной войны».
Самара: Научно-технический центр, 2021. 270 с.)**

В статье представлен обзор повседневной жизни населения г. Куйбышева в 1941–1943 гг., подготовленный на основе монографии доктора исторических наук, профессора А.И. Репинецкого «Военная столица СССР. 1941–1943 гг.: очерки истории г. Куйбышева в годы Великой Отечественной войны», изданной в 2021 г. Эвакуация в город промышленных предприятий, правительственных и партийных органов управления, дипломатических миссий изменили повседневную жизнь горожан. Авторы солидарны с выводом автора книги, что, несмотря на тяжелейшие условия жизни и труда, население «временной второй столицы» внесло огромный вклад в Победу над фашизмом.

Ключевые слова: военная столица, «временная вторая столица», Куйбышев, Самара, Великая Отечественная война, повседневная жизнь, А.И. Репинецкий.

Elena V. Godovova, Petr S. Kabytov

**Everyday life of population of the "temporary second capital"
during the Great Patriotic War (based on the monograph
by A.I. Repinetsky "The Military Capital of the USSR. 1941–1943:
Essays on the History of the City of Kuibyshev
during the Great Patriotic War".
Samara: Scientific and Technical Center, 2021. 270 p.)**

The article presents an overview of the everyday life of Kuibyshev population in 1941–1943, prepared on the basis of a monograph by Doctor of Historical Sciences, Professor A.I. Repinetsky "The Military Capital of the USSR. 1941–1943: Essays on the history of the city of Kuibyshev during the Great Patriotic War", published in 2021. The evacuation of industrial enterprises, government and party authorities, diplomatic missions to the city changed the citizens' daily life. The authors agree with the conclusion of the book's author that despite the most difficult living and working conditions, population of the "temporary second capital" made a huge contribution to the Victory over fascism.

Key words: military capital, temporary second capital, Kuibyshev, Samara, Great Patriotic War, everyday life, A.I. Repinetsky.

Александр Иванович Репинецкий – крупный российский историк, доктор исторических наук, профессор, автор научных исследований в области отечественной истории, региональной истории и истории Самарского края. В 2021 г. он издал книгу «Военная столица СССР. 1941–1943 гг.: очерки истории г. Куйбышева в годы Великой Отечественной войны». Она написана с опорой на солидную источниковую базу архивных и опубликованных документов, состоящих из нормативных правовых актов, делопроизводственной документации, статистических источников, материалов периодической печати, источников личного происхождения. В книге представлен иллюстративный материал, наглядно дополняющий каждый очерк.

15 октября 1941 г. Государственный комитет обороны принял решение об эвакуации столицы государства г. Москвы в г. Куйбышев (название г. Самара в 1935–1991 гг.). Сюда были эвакуированы высшие государственные и партийные органы управления, международные миссии, элита отечественной культуры. Численность населения возросла почти в два раза. На городские власти, жителей города, городскую инфраструктуру легла колоссальная нагрузка. В монографии десятый очерк посвящен исследованию повседневности военной столицы, но отдельные аспекты темы прописываются практически в каждой главе книги.

В первую очередь изменения коснулись жилищно-бытовых условий жизни руководства и населения города, а также эвакуированных людей.

В первые месяцы эвакуации прибывшие в Куйбышев сотрудники органов власти жили в рабочих помещениях, так как жилых помещений в городе катастрофически не хватало. «По кабинетам стояли железные койки, раскладушки, на подоконниках и шкафах рядом с чайниками и котелками лежали шапки» [1, с. 32]. Члены семей и работники, которым не хватало мест в отводимых помещениях, расселялись в порядке уплотнения в квартиры горожан. Семьи государственных деятелей и военачальников, не эвакуированных в город, героев Гражданской войны в основном были размещены в военном санатории и бывших купеческих дачах, расположенных на берегу Волги. Государственных служащих размещали в городе [1, с. 33]. Александр Иванович с опорой на источники личного происхождения дает описание условий, в которых оказались эвакуированные в Куйбышев иностранные дипломаты. Например, посол Великобритании жаловался послу Швеции, что его поселили в темной квартире, полной клопов и тараканов [1, с. 55]. Отметим, что городские власти, которые за два-три дня смогли подготовить помещения для дипломатического корпуса (300 дипломатов и членов их семей), выполнили сложную задачу.

В Куйбышев был эвакуирован и Государственный академический Большой театр Союза ССР. Творческих работников поселили в школах № 32 и 81 по 18–20 чел. в каждой классной комнате. Руководителей и ведущих солистов театра разместили в трехэтажном доме, предварительно переселив из него людей в другие жилые помещения и сделав ремонт. О. Лепешинская вспоминала, что в ее квартире была горячая вода и артисты, проживающие в школах, за неделю вперед занимали очередь на посещение ванной комнаты [1, с. 214].

А.И. Репинецкий отмечает, что в связи с эвакуацией городское население росло в геометрической прогрессии. В октябре 1941 г. оно составило уже 700 тыс. чел., почти в два раза превысив довоенный уровень [1, с. 232]. Жилищная проблема стояла крайне остро. Семьи рабочих эвакуированных предприятий селили в порядке уплотнения как в городе, так и в селах, находящихся за 100 км от завода, а самих рабочих – в палатках, землянках, бараках и неотопливаемых помещениях, непригодных для жилья [1, с. 166, 174]. А.И. Репинецкий приводит воспоминания рабочего завода № 18 Геннадия Шевченко, который пишет, что стены и потолки в их доме были покрыты инеем. Он и его товарищ спали на двух матрасах и накрывались еще тремя. Хлеб к утру превращался в ледышку, они его раскалывали на кусочки, клали их за пазуху и шли три километра на завод, где ели его у станка [1, с. 233].

Резкий рост населения обострил и проблему снабжения населения продовольствием. 21 октября 1941 г. в Куйбышеве была введена карточная система. Население города было разделено на четыре группы, для каждой из которых устанавливалась норма продажи в граммах в месяц [1, с. 238]. Готовые блюда можно было приобретать в ресторанах, столовых, буфетах без карточек, но с 200-процентной наценкой [1, с. 239]. По карточкам выдавались и промтовары: мыло, нитки, лампочки, одежда, посуда и др. [1, с. 245].

На центральной улице Куйбышева работал специализированный магазин для обслуживания дипломатического корпуса. Его окна были замазаны белой краской, чтобы жители города не видели того изобилия продуктов, от которого они отвыкли [1, с. 57]. Такая закрытая система распределения продуктов и промышленных товаров, которой пользовались не только дипломаты, но и партийные и государственные деятели, семьи военачальников, старых большевиков, деятели культуры, привела к ярко выраженному социальному расслоению общества Куйбышева [1, с. 247].

Остро стоял и вопрос гигиены. Плохая очистка города от нечистот, переполненность бань, дефицит хозяйственного мыла приводили к инфекционным болезням, вшам, кожным заболеваниям [1, с. 236].

Серьезной проблемой стала доставка рабочих на предприятия. Авиационные заводы располагались на Безымянке. Для доставки рабочих использовались автобусы, пригородный поезд и были выстроены

трамвайные пути. Окончательно проблема решена была только с пуском электрички «Куйбышев – Безымянка» в ноябре 1944 г. [1, с. 175–176].

Затрагивается в монографии и такой аспект повседневной жизни населения военной столицы, как условия труда.

На строительство Куйбышевского укрепленного района в порядке трудовой повинности было направлено 31 500 жителей области. Основную рабочую силу составляло мобилизованное сельское население Куйбышевской и Пензенской областей, а также эвакуированные, прибывшие в эти области. Среди них преобладали женщины и подростки. Работы в основном велись вручную. Прежде чем копать промерзшую землю, рубили и выкорчевывали деревья. Работали в течение светового дня. Питания мобилизованные не получали. Они были размещены в домах колхозников ближайших сел, и хозяева домов должны были обеспечивать своих постояльцев питанием [1, с. 92–93].

Труд женщин и подростков преобладал и в промышленном производстве. Рабочая смена длилась 12–14, а иногда и 16 ч. Питание было скудным, в цехах очень холодно [1, с. 180].

Рабочие самолетостроительных заводов выполняли повышенную норму выработки, не имели права оставлять свое рабочее место, пока не выполнят задания или не упадут от усталости. Многие месяцами не покидали цеха заводов. «Работали в верхней одежде, снег падал в цех, т. к. крыши еще не было, мороз зимой 1941–1942 гг. доходил до тридцати градусов, было холодно и ветрено, сырую обувь было негде сушить», – говорится в воспоминаниях рабочего завода № 18 Г. Шевченко [1, с. 169].

За перевыполнение заданий рабочие заводов поощрялись «стахановскими талонами» на дополнительное питание и специальными талонами УДП (усиленное дополнительное питание), которое заключалось в омлете, приготовленном из яичного порошка, полученного из США по ленд-лизу. Сами рабочие читали УДП по-другому – «Уже дохожу – помогите!», так как выдаваемые продукты были низкокалорийными и бедными витаминами [1, с. 173].

Особенно тяжело было молодым ребятам, которым только что исполнилось 16 лет. Для жилья им предоставлялись грязные неотопливаемые бараки без постельного белья. Одежды и столовых принадлежностей у многих не было. Молодые рабочие, не имеющие собственной посуды, вынуждены были наливать первое в свои фуражки [1, с. 179]. Питание в заводских столовых было скудным: пшеничный суп, суп из ботвы, баланда с горохом, суп с воблой, суп манный, вместо мяса обычно была рыба, чаще всего мороженая селедка, чай [1, с. 182–183].

Постоянное чувство голода, тяжелый труд, бытовая неустроенность приводила к дезертирству молодых ребят. Александр Иванович пишет, что, вопреки широко распространенному мнению, беглецов не предавали суду трибунала, а возвращали на производство [1, с. 184].

Следует отметить, что экстремальные условия повседневной жизни не притупили в горожанах стремления к прекрасному. Несмотря на голод, холод, очереди, концертные залы и кинотеатры были переполнены зрителями.

Самоотверженный труд жителей Куйбышева, эвакуированных людей и заключенных позволил в короткие сроки поднять производство. Куйбышевская область стала одним из лидеров по наращиванию объемов военной продукции. Несмотря на тяжелейшие условия жизни и труда население «временной второй столицы» внесло огромный вклад в победу над фашизмом.

Список литературы

1. Репинецкий А.И. Военная столица СССР. 1941–1943 гг.: очерки истории города Куйбышева в годы Великой Отечественной войны. – Самара: Науч.-техн. центр, 2021. – 270 с.

References

1. *Repineczkij A.I. Voennaya stolicza SSSR. 1941–1943 gg.: ocherki istorii goroda Kujby`sheva v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny`* [The Military Capital of the USSR. 1941–1943 essays on the history of the city of Kuibyshev during the Great Patriotic War]. – Samara: Scientific and Technical Center, 2021. – 270 p.

Сведения об авторах

Астафьев Дмитрий Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры профсоюзного движения, гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Оренбургский филиал Академии труда и социальных отношений, г. Оренбург, РФ; e-mail: astafev25@yandex.ru; ORCID 0000-0002-8374-0498

Бурлуцкая Елена Вадимовна, доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, РФ; e-mail: ida777@yandex.ru; ORCID 0000-0003-0001-2207

Годовова Елена Викторовна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, РФ; e-mail: godovova@mail.ru; ORCID: 0000-0001-5798-3413

Кабытов Петр Серафимович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой Российской истории, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева, г. Самара, РФ; e-mail: don.kabytov2012@yandex.ru; ORCID <https://orcid.org/0000-0002-2359-2155>

Кравцова Елена Сергеевна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии, Курский государственный медицинский университет; e-mail: elenakravcova@yandex.ru; ORCID 0000-0003-1363-2165

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор, Оренбургский государственный педагогический университет; e-mail: svlubich@yandex.ru; ORCID 0000-0001-8349-1359

Магомедов Рамазан Раджабович, доктор исторических наук, профессор, Оренбургский государственный педагогический университет; Оренбургский филиал Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова; e-mail: rr-magomedob@yandex.ru; ORCID 0000-0003-0871-3972

Попова Анна Дмитриевна, доктор исторических наук, профессор, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина; email: a.d.porova@mail.ru

Пушкарева Наталья Львовна, главный научный сотрудник, руководитель Центра гендерных исследований, доктор исторических наук, профессор, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; e-mail: pushkarev@mail.ru

Семенова Наталия Леонидовна, доктор исторических наук, доцент кафедры истории Отечества и методики преподавания истории, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета, г. Стерлитамак; e-mail: natalja_ironid@mail.ru; ORCID 0000-0001-9201-3842

Степанов Станислав Вячеславович, кандидат филологических наук, заведующий научно-образовательным центром краеведческих исследований, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: kptloorg@yandex.ru; ORCID 0000-0002-7113-5020

Циденков Григорий Геннадиевич, кандидат социологических наук, доцент кафедры Отечественной истории и археологии, Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара РФ; e-mail: gcidenkov@yandex.ru

About Authors

Astaf'ev Dmitrii Aleksandrovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Trade Union Movement, Humanitarian and Social and Economic Disciplines, Orenburg branch of Educational Institution of the Trade Unions of Higher Education «Academy of Labor and Social Relations», Orenburg, Russian Federation; e-mail: astafev25@yandex.ru; ORCID 0000-0002-8374-0498

Burlutskaya Elena Vadimovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Vice-Rector for Research, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation; e-mail: ida777@yandex.ru; ORCID 0000-0003-0001-2207

Godovova Elena Viktorovna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of History of Russia, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation; e-mail: godovova@mail.ru; ORCID 0000-0001-5798-3413

Kabytov Petr Serafimovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Samara National Research University; e-mail: don.kabytov2012@yandex.ru; ORCID <https://orcid.org/0000-0002-2359-2155>

Kravtsova Elena Sergeevna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Chair of Philosophy, Kursk State Medical University; e-mail: elenakravcova@yandex.ru; ORCID 0000-0003-1363-2165

Lyubichankovskiy Sergei Valentinovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Orenburg State Pedagogical University; e-mail: svlubich@yandex.ru; ORCID 0000-0001-8349-1359

Magomedov Ramazan Radzhabovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Orenburg State Pedagogical University; Orenburg Branch of Plekhanov Russian University of Economics; e-mail: rr-magomedob@yandex.ru; ORCID 0000-0003-0871-3972

Popova Anna Dmitrievna, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Ryazan State University named after S.A. Esenin; email: a.d.popova@mail.ru

Pushkareva Natal'ya L'vovna, Chief Researcher, Head of the Center for Gender Studies, Doctor of Historical Sciences, Professor, RAS Institute of Ethnology and Anthropology; e-mail: pushkarev@mail.ru

Semenova Nataliya Leonidovna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Chair of History of the Russia and Method of Teaching, Sterlitamak Branch of the Bashkir State University, Sterlitamak; e-mail: natalja_Ironid@mail.ru; ORCID 0000-0001-9201-3842

Stepanov Stanislav Vyacheslavovich, Candidate of Philology, Head of the Scientific and Educational Center for Regional Studies, Leningrad State University named after A.S. Pushkin; email: kptloorg@yandex.ru; ORCID 0000-0002-7113-5020

Tsidenkov Grigorii Gennadievich, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Chair of Russian History and Archeology, Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russian Federation; e-mail: gcidenkov@yandex.ru

Правила направления рукописей статей для публикации в научном журнале «История повседневности»

Материал должен быть представлен двумя файлами:

1. Статья и автореферат

Статья

Объем статьи – не менее 18 и не более 40 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,25 см. Шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок в автоматическом режиме Word.

Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках, например [7] или [5, с. 56–57]. Список литературы (в порядке упоминания) помещается после текста статьи.

Фамилия автора печатается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

В левом верхнем углу страницы над названием статьи печатается присвоенный статье УДК.

Автореферат

Автореферат содержит:

название статьи, информация об авторе – на русском и английском языках;

аннотация на русском и английском языках объемом 120 – 150 слов;

ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языке.

2. Заявка на публикацию

Материалы, оформленные в соответствии с предъявляемыми требованиями, направляются в электронном виде на e-mail журнала.

Редакция оставляет за собой право проверки поступающих материалов средствами программной среды «Антиплагиат» для выявления неправомерных заимствований. Процент оригинальности текста с учетом цитирования из белых источников – 85 %.

В случае несоблюдения указанных требований редакционная коллегия не рассматривает рукопись.

Рекомендуемый алгоритм работы с рукописью статьи

1. Определите тип публикации:

- оригинальная статья / Article – развернутый формат представления результатов логически завершенного научного исследования; – 8–10 стр., 5–8 рисунков, не менее 15 ссылок;
- обзорная статья / Review – критическое обобщение какой-то исследовательской темы; от 10 и более страниц, от 5 и более рисунков, от 50 ссылок;
- краткое сообщение / Short Communication – краткий формат представления отдельных результатов логически завершенного научного исследования; – не более 2500 слов, не более 2-х рисунков или таблиц, минимум 8 ссылок.

1. Определите шифр УДК: <https://teacode.com/online/udc/>

2. DOI присваивается редакцией после принятия статьи к публикации.

3. Оформите статью по шаблону, учитывая следующие рекомендации:

- **Заголовок** статьи призван кратко (максимум 10–12 слов) и точно отражать содержание статьи и полученные научные результаты.
- **Аннотация** должна быть структурирована по формату IMRAD в соответствии с текстом статьи на русском и английском языках объемом 120 – 150 слов. Недопустимо копировать в аннотацию фрагменты соответствующих разделов статьи за исключением рубрики «Материалы и методы».

- **Ключевые слова.** Не более 10 слов, точно отражающих содержание статьи. Не рекомендуется использовать объемные словосочетания, за исключением общепринятых терминов.
- **Благодарности.** В разделе целесообразно упомянуть людей и организации, которые оказали автору финансовую и иную поддержку в процессе подготовки статьи, в том числе рецензентов.
- **Введение.** Рекомендуемый объем 1–2 страницы. Содержит формулировку научной проблемы, обоснование ее актуальности и новизны, значение для развития соответствующей отрасли знания. Введение целесообразно завершить формулировкой цели, задач и гипотезы исследования.
- **Обзор литературы.** Рекомендуемый объем 1–2 страницы. Содержит обзор основных актуальных источников, на которые опирается автор. Целесообразно рассмотреть не менее 20 публикаций, треть из которых – зарубежные, индексируемые международными реферативными базами данных.
- **Материалы и методы.** Рекомендуемый объем 1–2 страницы. Содержит описание методики исследования, ее объекта и последовательности.
- **Результаты.** Рекомендуемый объем 4–5 страниц. Содержит систематизированное изложение основных результатов исследования с целью доказательства гипотезы, в том числе необходимый иллюстративный материал (рисунки, таблицы).

Нумерация рисунков в рамках статьи сквозная, подрисуночная подпись начинается со слова «Рис.» и цифры, соответствующей номеру рисунка в порядке встречаемости в тексте. Если рисунок один, слово пишется без сокращения, цифра после нее не ставится.

Таблицы используются для наглядного представления числового материала. Таблица должна иметь ширину 16 см и не менее трех граф. Таблицы нумеруются по сквозному принципу в порядке упоминания в тексте арабскими цифрами, название таблицы должно следовать после номера на следующей строке. Если таблица одна, то после слова «Таблица» номер не ставится.

- **Обсуждение и выводы.** 1–2 страницы. Содержит формулировку результатов исследования, выводов и рекомендаций по дальнейшему осмыслению темы.
- **Список литературы.** Содержит не менее 20 источников по теме исследования. ВСЕ источники должны быть процитированы в тексте. НЕ допускается помещение в список литературы интернет-ресурсов, нормативных правовых актов, учебных изданий, диссертаций и авторефератов диссертаций, источников, недоступных широкой научной общественности (ссылки на указанные материалы допустимы в формате постраничных сносок). Список оформляется по ГОСТ Р 7.0.5–2008 с учетом следующих положений:
 1. список литературы в порядке упоминания источников в тексте;
 2. внутритекстовые ссылки имеют вид типа

[3, с. 46], [5, л. 81] для ссылки на конкретную страницу источника в списке литературы

[5; с. 192–193] для ссылки на конкретный интервал в рамках источника в списке литературы;

[8] для ссылки на источник в списке литературы в целом;

[1; 6–8] для ссылки на ряд источников в целом в списке литературы.

- **Информация об авторе.** Необходимо указать Фамилию, имя, отчество, ученую степень, ученое звание, полное название организации без указания организационно-правовой формы, город, страну, идентификатор ORCID (можно получить здесь: <https://orcid.org/>), e-mail. Возможно указание информации о вкладе каждого автора.

5. Убедитесь, что на английском языке представлены следующие метаданные: **заголовок, сведения об авторах, аннотация, ключевые слова. References должны быть представлены в латинице.** Необходимо учитывать, что

- при переводе указанных сведений недопустимо использовать машинный перевод;
- сведения должны соответствовать тексту на русском языке;
- для оформления References целесообразно использовать автоматические системы транслитерации, например, <http://translit-online.ru/> используя две основные формулы.

Правила оформления библиографического списка

Настоящие правила оформления списков источников и литературы (пристатейных библиографических списков) основаны на требованиях ГОСТ Р 7.0.5-2008, регламенте представления журналов в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), требованиях высшей аттестационной комиссии Российской Федерации (ВАК) и Chicago Manual of Style (17 ed., "Notes and Bibliography System").

Источники различных типов необходимо описывать следующим образом

В библиографическом описании каждого источника должны быть представлены ВСЕ АВТОРЫ. В случае, если у публикации более 6 авторов, то после 6-го автора необходимо поставить сокращение "..., и др." или "..., et al.". Внимание!: запятая, разделяющая ФИО последнего автора и «и др.» или «et al.» – обязательна.

Недопустимо сокращать (или иным способом изменять) названия статей и названия журналов. Названия англоязычных журналов можно приводить в официальном (!) сокращении. Для поиска правильного сокращенного названия журнала можно использовать CAS Source Index, библиотеку WorldCat или каталог Web of Science (ISI), каталог названий базы данных MedLine (NLM Catalog). Если официальное сокращение названия журнала найти не удалось – необходимо указывать его полное название.

Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть *цифровой идентификатор* (Digital Object Identifier – DOI), его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки. Проверять наличие doi у источника следует на сайте <http://search.crossref.org/> или <https://www.citethisforme.com>. Для получения DOI нужно ввести в поисковую строку название источника на английском языке. Подавляющее большинство зарубежных журнальных статей с 2000 года и многие русскоязычные статьи (опубликованные после 2013 года) зарегистрированы в системе CrossRef и имеют уникальный DOI.

Книга с одним автором

Езерский Н.Ф. Сельско-хозяйственные дружины учащихся средних учебных заведений. М.: Тип. «Крестного календаря», 1916. 20 с.

Книга с двумя и более авторами

Веремченко В.А., Жукова А.Е. Воспитательные практики в дворянско-интеллигентских семьях России второй половины XIX – начала XX в. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2020. 232 с.

Сабенникова И.В., Гентшке В.Л., Ловцов А.С. Зарубежная Россия: организации российской эмиграции 1917–1939: материалы к межархивному справочнику. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2017. 403 с.

Статья в журнале

Веремченко В.А. «Безвластная власть» – статус женской домашней прислуги в России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2019. – Т. 18. – № 2. – С. 320–354.

Володарская И.Ю., Панченко О.А. Философские основы современного научного знания // Вопросы философии. – 2019. – № 3(172). – С. 10–15.

Статья в сборнике

Зайцева С.В. Судьба незаконнорожденных детей и их матерей в российских городах во второй половине XIX в. // Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV–XXI веков: материалы Одиннадцатой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 4–7 октября 2018 г., Нижний Новгород: в 2 т. / отв. ред.: Н.Л. Пушкарёва, Н.А. Гронская, Н.К. Радина. – М.: ИЭА РАН, 2018. – Т. 1. – С. 180–182.

Архивные документы

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6935. Оп. 3. Д. 513. Л. 2

Ссылки на интернет-ресурсы, нормативные правовые акты, учебные издания, диссертации и авторефераты диссертаций оформляются в виде постраничных сносок с нумерацией на каждой странице согласно ГОСТ Р 7.0.5–2008 исходя из следующих рекомендаций.

Интернет-ресурсы

Статистический отчет за 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://otchetnost.2018.ru> (дата обращения: 11.11.2019).

Нормативные правовые акты

Об образовании в Российской Федерации: федер. закон № 273-ФЗ от 29 дек. 2012 г.

Учебные издания

Пасечник С.В. логика: учеб. М.: Просвещение, 2006. 256 с.

Диссертация и автореферат диссертации

Иванов И.А. Психологическое развитие школьников 13–14 лет: дис. ... канд. психол. наук. Курск, 2004. 189 с.

Иванов И.А. Психологическое развитие школьников 13–14 лет: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Курск, 2004. 19 с.

References

Для статей

Sinova I.V. *Deti trudyashchegosya naseleniya v gorodskom sociume vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.* [Children of the working population in urban society in the second half of the XIX – early XX centuries] // *Ural'skij istoricheskij vestnik* [Ural historical Bulletin]. 2016. № 3 (52). p. 62–69. (In Russ.)

Для книг

Abramov YA.V. *Nashi voskresnye shkoly. Ih proshloe i nastoyashchee* [Our Sunday schools. Their past and present]. Saint Petersburg: tip. M. Merkusheva, 1900. 352 p. (In Russ.)

Примеры представления в References источников различных типов

Статья в сборнике

Zajceva S.V. *Sud'ba nezakonno-rozhdennykh detej i ih materej v rossijskikh gorodah vo vtoroj polovine XIX v.* [The fate of illegitimate children and their mothers in Russian cities in the second half of the XIX century] // *Gorozhanki i gorozhane v politicheskikh, ekonomicheskikh i kul'turnyh processah rossijskoj urbanizacii XIV–XXI vekov* [Urban women and citizens in the political, economic and cultural processes of Russian urbanization of the XIV–XXI centuries]. *Materialy Odinnadcatoj mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii RAIZHI i IEA RAN, 4–7 oktyabrya 2018 g., Nizhnij Novgorod. V 2-h tomah / Otv. redaktory: N.L. Pushkareva, N.A. Gronskaya, N.K. Radina.* Moscow: IEA RAN, 2018. T. 1. pp. 180–182. (In Russ.)

Архивные документы

Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian state historical archive]. F. 1287. Op. 7. D. 2513.

Обратите внимание!

Тире должно быть одного начертания по всему тексту, с пробелами слева и справа, за исключением оформления пределов «от... до» в числах и датах. При обозначении интервала используется тире без пробелов (1941–1941 гг.; с. 1–10, но с поясняющими словами с пробелами: конец XIX – начало XX в.).

Кавычки должны быть внешние («...») и внутренние (“...”).

Века и тысячелетия обозначаются римскими цифрами, при переводе на английский – арабскими. **Римские цифры** набираются с переключением на латинскую клавиатуру: XIX –XX вв.

Буква ё/Ё заменяется буквой е/Е, за исключением иноязычных имен и фамилий.

Сокращения в тексте используются общепринятые, например: тысячелетие – тыс., век – в.; века – вв.; год – г.; годы – гг. и др. Возможны сокращения: др. (другие), т. п. (тому подобное), т. д. (так далее), т. е. (то есть), чел. (человек).

Статья и заявка, оформленные в соответствии с предъявляемыми требованиями, **направляются в электронном виде на e-mail журнала** everyday.history@lengu.ru

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

№ 2 (22)

На обложке размещена репродукция картины
Ю.И. Пименова «Новая Москва», 1937 г.,
Государственная Третьяковская галерея, Москва

Редактор *Л. М. Григорьева*
Технический редактор *Н. П. Никитина*
Оригинал-макет *Н. П. Никитиной*

Подписано в печать 30.06.2022. Формат 60x84 1/16.

Гарнитура Arial. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 8,75. Тираж 500 экз. Заказ № 1803

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10